

2018 № 1

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Луковцева З.В.

Актуальные вопросы и стратегии профилактики насилия на стадии свиданий в подростково-юношеских парах1-12

Купцова Д.М., Каменсков М.Ю.

Влияние психологических и психосексуальных факторов на психофизиологическую реактивность13-25

Личностно-ориентированные психотехнологии в правоохранительной деятельности

Рогачев В.А., Коноплева И.Н.

Аналитический обзор исследований по проблеме неопределенности и изучения копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов26-43

Ювенальная юридическая психология

Дегтярев А.В., Дегтярева Д.И.

Связь психологических границ личности с эмоциональным интеллектом и самоотношением в юношеском возрасте44-62

Устинов Д.В.

Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей63-76

Чиркина Р.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г., Дегтярев А.В., Дебольский М.Г., Воронина А.В.

К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК77-94

Пимонов В.А., Делибалт В.В., Дворянчиков Н.В., Малкин Д.А.

К вопросу о нормативно-правовом регулировании организации деятельности психолого-медико-педагогических комиссий в контексте профилактики правонарушений несовершеннолетних95-109

Психология профессиональной деятельности

Петров В.Е., Кокурин А.В.

Оценка межличностной совместимости военнослужащих на основе изучения иерархии качеств личности.....110-118

Попова Т.В., Калашникова А.С.

Научно-практические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания у судей.....119-127

Бородина Т.И., Носс И.Н.

Экспериментальное обоснование личностно-профессиональной спецификации в диагностике характерологических особенностей государственных служащих

.....128-146

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Мешкова Н.В., Дебольский М.Г., Ениколопов С.Н.

Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления

.....147-163

Актуальные вопросы и стратегии профилактики насилия на стадии свиданий в подростково-юношеских парах

Луковцева З.В., кандидат психологических наук, доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sverchokk@list.ru)

В статье представлен методический анализ современного опыта профилактики подростково-юношеского насилия на стадии свиданий в России и других странах (США, Великобритании, Швейцарии и т.д.). Выделены наиболее дискуссионные вопросы, касающиеся организации и проведения превентивных программ; в частности, вопрос о выборе основной целевой группы рассматривается в свете современных представлений о микросредовых факторах насилия на стадии свиданий в подростково-юношеских парах. Подробно охарактеризованы четыре стратегии, которые находят наиболее широкое применение в обозначенной области превентивной работы, – информационная, поведенческая (тренинговая), личностно-ориентированная и экспириентальная. «Философия» каждой стратегии, определяющая методическое наполнение деятельности психолога и его профессиональную позицию во взаимодействии с участниками занятий, охарактеризована через «условное послание» группе. Сформулированы рекомендации по профилактике насилия на стадии свиданий в подростково-юношеской среде.

Ключевые слова: подростки, юноши, романтические отношения, насилие на стадии свиданий, профилактика насилия на стадии свиданий.

Для цитаты:

Луковцева З.В. Актуальные вопросы и стратегии профилактики насилия на стадии свиданий в подростково-юношеских парах. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 1. С. 1-12.
doi: 10.17759/psylaw.2018080101

For citation:

Lukovsteva Z.V. Adolescent dating violence: an overview of foreign studies. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.1-12.
doi: 10.17759/psylaw.2018080101

История профилактики насилия на стадии свиданий (НСС) насчитывает не более 40 лет, а соответствующие технологии по степени разработанности существенно уступают аналогам, ориентированным на другие системные формы насилия. В общем виде профилактику НСС можно определить как *систему мероприятий, направленных на обеспечение психологической, физической и иной безопасности в романтических отношениях*. Ожидаемый результат рассматривается в рамках представлений о безопасных отношениях, где каждый защищен от вредоносных воздействий, его важнейшие потребности удовлетворяются и он чувствует себя способным к успешному преодолению возможных трудностей в будущем.

Современные авторы указывают на готовность подростков и юношей говорить о проблеме НСС. Исследование, проведенное с участием албанских, болгарских и английских испытуемых, показало, что они не только открыты для обсуждения собственного опыта столкновения с межличностным насилием, но и считают такое обсуждение социально ресурсным; примечательно, что обсуждался наиболее латентный и мифологизированный вид насилия, – сексуальные злоупотребления [19].

Первый вопрос, возникающий при разработке программ профилактики НСС в юных парах, касается **выбора целевой группы**. В разных странах накоплен опыт привлечения к превентивной работе не только самих участников романтических отношений, но и их окружения. Примером служат «программы выборочной профилактики» (США), предполагающие интенсификацию протективных факторов и ослабление факторов риска; для подростков, уже имеющих опыт переживания или совершения НСС, создаются «программы интенсивной профилактики» [18]. Работа с родительскими семьями также считается полезной [11; 21]. Эксперты из университета Миннесоты относят к числу семейных протективных факторов теплоту в отношениях, просоциальную направленность и четкую структурированность семейной системы. Сообщается о положительном опыте психосоциальной поддержки проблемных семей, достоверно снижающей распространенность НСС в юных парах [24]. Lundgren R., Amin A. [25] в ходе американо-швейцарского исследования проанализировали 61 программу профилактики НСС и обнаружили, что разработки, ориентированные на школу, общину и семью, обладают наибольшей эффективностью. Впрочем, данные по школам опубликованы пока лишь в странах с высоким уровнем жизни.

Следующий вопрос – **с какого возраста начинать профилактику НСС**. Современные превентологи настаивают на необходимости строгого учета возрастнo-психологической специфики [21; 23]. Эксперты ВОЗ называют основной целевой группой школьников 12-16 лет [26]. По другим сведениям, приоритетное внимание следует уделять младшим подросткам, а после 14 лет эффективность программ резко снижается [21]; об этом же говорят результаты обзора зарубежных источников, проведенного российскими коллегами [11]. При содержательном планировании занятий необходимо учитывать тот факт, что именно на подростковый период приходятся наиболее значительные изменения не только личностной, но и полоролевой идентичности [15].

Наконец, самый сложный вопрос состоит в том, **какой превентивной стратегии отдать предпочтение**. Сравним четыре стратегии, чаще всего реализуемые при профилактике НСС в юных парах.

Информационная стратегия

«Условное послание» ведущего: *«Психологи многое знают о том, какими бывают романтические отношения и какие опасности иногда скрываются в этой области нашей жизни. Я хочу поделиться тем, что мне известно об этом. Вы станете лучше понимать, что на самом деле происходит в вашей паре, и все ли идет так, как вам бы хотелось».*

Данная стратегия максимально нейтральна по отношению к личному опыту участников (не случайно многие ведущие прямо называют в числе правил работы группы запрет на освещение историй из собственной жизни). Превентивные задачи решаются здесь преимущественно психолого-педагогическими средствами. Классическим форматом является лекция с ответами на вопросы и элементами групповой дискуссии; возможно и применение отдельных упражнений.

Примерами реализации данной стратегии в нашей стране могут служить разработки «Школа без насилия» [16] и «Гендерная манипуляция в сфере межличностных отношений» [2]. Также следует назвать руководство Центра «АННА» по программе профилактики насилия в отношении женщин для участников от 14 до 20 лет. Авторами даны подробнейшие рекомендации по организации и проведению занятий с учетом установок, убеждений и уровня развития группы, а также по обеспечению психологической безопасности участников [12].

Зарубежный опыт такого рода отличается обширностью, а эффективность программ тщательно оценивается и критически обсуждается в профессиональном сообществе. Превентологами из университетов Луисвилла и Кентукки показано, что уже само по себе информирование о различных типах межличностных отношений и конструктивных способах преодоления конфликтов существенно нормализует установки участников по отношению к НСС [17]. Это положение подтверждается канадским опытом превенции среди не только относительно «благополучных», но и высокоагрессивных подростковых групп [28]. В информационном ключе выполнены и рекомендации Б. Леннеер-Аксельсон по профилактике гендерного насилия; автор рекомендует давать этому явлению однозначно отрицательную оценку, проводить четкую границу между насилием и конфликтом, а также ориентировать участников на поведенческие стратегии, которые снижали бы уровень латентности проблемы [9]. Результативность информационной профилактики повышается, если участники получают не только знания, но и опыт осознанного проживания тематических ситуаций. Полезным в этом смысле является сочетание ролевых игр, демонстрации видеороликов с последующим обсуждением и «мозгового штурма» [27].

Поведенческая стратегия

«Условное послание» ведущего: *«Мне известно, как вести себя, чтобы не оказаться в ситуации НСС, и я готов научить вас безопасному поведению. Мы отработаем полезные навыки и обсудим, как их применять в реальной жизни. Вы научитесь общению, естественному для здоровых отношений, и узнаете, как вовремя предупредить или остановить развитие отношений, связанных с какой-либо опасностью».*

Эта стратегия реализуется как тренинг; ее идея сводится к тому, что культура безопасности создается и воссоздается по мере накопления конструктивных поведенческих реакций. Вслед за авторами программ, описанных далее, будем рассматривать тренинг как

один из возможных психотехнических инструментов профилактики, а не профилактику как цель/задачу тренинга. Масштабные американские исследования показывают, что недостаток навыков здорового, безопасного взаимодействия с окружающими является значимым фактором распространения НСС [20]. Приобретение таких навыков – вполне достижимый результат тренинга, однако для их закрепления и устойчивого переноса в реальную жизнь необходима более длительная и глубокая работа [3; 18].

Приступая к созданию тренинговой программы, в качестве отправной точки можно взять руководство «Предупреждение насилия в школе» [13]. Модель работы, описанная авторами, может найти применение как в психологической, так и в педагогической практике. Близкой по направленности является программа «Школа безопасности подростка», сочетающая приемы коммуникативного тренинга и «тренинга прививания стресса» [1]. Следующая важная публикация – обобщение опыта Центра «Сестры» по профилактике сексуального насилия среди молодежи; предлагаемая программа представляет собой сочетание информирования участников и моделирования тематических ситуаций с последующим обсуждением. Важнейшими результатами занятий становятся формирование и развитие навыков ненасильственного поведения и противостояния насилию в опасной ситуации [4]. Необходимо упомянуть также программу «Мой защищенный мир», направленную на обучение подростков и юношей стратегиям совладания с межличностным насилием [5]. Открываясь информационной частью, программа предусматривает и обращение к личному опыту участников. Предлагается начинать обсуждение такого опыта с исследования индивидуального реагирования на столкновение с насилием, и лишь затем переходить к обсуждению возможностей предупреждения опасных ситуаций и выхода из них, а также к отработке необходимых навыков.

Личностно-ориентированная стратегия

«Условное послание» ведущего: «Некоторые человеческие качества помогают приобретать и сохранять здоровые отношения, и я готов помочь вам найти такие качества в вашем внутреннем мире, сделать их более яркими и сильными. Если мы обнаружим качества-антиподы, мы вместе сможем ослабить их или вовсе от них избавиться. Вы увидите, что внутри вас помогает, а что мешает оберегать себя в личных отношениях, и сможете сделать себя более защищенными».

В методическом плане такую профилактику можно назвать коррекционной, ведь речь идет об исправлении качеств, признанных факторами риска НСС, и развитии протективных качеств. Опыт систематического исследования механизмов межличностного насилия подтверждает результативность превентивной работы такого рода [10]. Стоит упомянуть, что большинство инструментов оценки межличностного насилия, применяемых за рубежом, направлено на изучение поведения и установок участников отношений [22]. Несомненно, эта тенденция косвенно характеризует и содержание превентивной работы с соответствующими проблемами.

Примером личностно-ориентированной стратегии служит программа Е.Н. Руськиной, включающая информационную, поведенческую и ценностную части; работа с личностными факторами сопротивляемости по отношению к манипуляции проводится главным образом в первой и последней частях [14]. Анализируя программу Е.Н. Руськиной, хотелось бы сделать критическое замечание. Не определив понятие манипуляции, автор распространяет

его на конструктивные воспитательные воздействия со стороны взрослых и пишет об участниках программы так: «Если мы научим их защищаться от всех манипуляций, то они будут подвергать сомнению действия родителей, учителей и других значимых людей» [14, с. 178]. Между тем, не вызывает сомнений необходимость формирования у несовершеннолетних способности к адекватной оценке воздействий как посторонних людей, так и близких, в том числе родителей и педагогов. В противном случае ребенок/подросток не сможет ни своевременно идентифицировать угрозу, ни противостоять ей, ни поделиться с кем-либо, чтобы получить защиту и помощь.

Экспириентальная стратегия

«Условное послание» ведущего: «Я осознаю, как важны настоящие романтические отношения и как трудно бывает, если в них появляются страх, вина, беспомощность и безнадежность. Это опыт, о котором можно и нужно говорить. Мы поделимся опытом разных отношений, в которых нам доводилось бывать, попытаемся вместе прожить важные эпизоды и построить модель такого общения с любимым человеком, которое действительно подходит каждому из нас. Важно все, что вы чувствуете, даже если речь идет о неясных, непривычных ощущениях, не до конца понятных вам самим. Дадим себе и друг другу достаточно времени и пространства, чтобы познакомиться со своими переживаниями, понять, как мы к ним относимся, и найти наилучшие решения».

Как и всякое насилие, НСС характеризуется нарушением границ объекта, его психологической и/или физической неприкосновенности. Соответственно, рассматривая психологические факторы риска и последствия НСС, следует ожидать проблем в сфере самосознания, которые приобретают особую выраженность, если речь идет о подростковом периоде. Далее, некоторые составляющие НСС недоступны осознанию или осознаются лишь частично, не теряя при этом своей разрушительной силы. Исходя из этих соображений, в основу профилактики (в особенности, вторичной) могут быть положены **опыт и переживания** участников.

Экспириентальный подход имеет тесную историческую связь с гуманистической психотерапией и находит своеобразную реализацию в понимающей психотерапии [8]. Роль отправной точки, механизма и критерия оценки эффективности процесса отводится здесь *переживанию*. Экспириентальную работу можно понимать как терапевтически-ориентированную, и совершенно необходимо, чтобы ее проводили психологи, имеющие подготовку в сфере психологического консультирования и психотерапии. Каждый участник программы конструирует образ своего опыта, отношение к нему и обнаруживает в себе побуждение к определенным действиям [7; 8]. При этом ведущий обращается не только к уже имеющемуся опыту, но и к тому, который приобретается в ходе занятий.

Будучи содержательно весьма перспективными, экспириентальные программы уступают по распространенности любым другим. Так, в большинстве зарубежных разработок преобладают информационно-просветительские методы и групповая дискуссия, реже организуются психодраматические постановки [11]. Удачным примером реализации экспириентальной стратегии является школьная профилактическая программа, созданная эстонскими специалистами [6]. Авторы тщательно проработали эмоциональную составляющую взаимодействия ведущего с группой и предложили методiku, в рамках которой культура безопасных отношений формируется через рефлексивное обращение к опыту и переживаниям участников.

Итак, можно дать следующие **рекомендации по профилактике НСС в юных парах**.

1. В профилактической работе должны быть задействованы не только сами участники романтических отношений, но также образовательное учреждение, семья, а в отдельных регионах и община.
2. Следует учитывать индивидуально-психологические особенности, жизненный опыт и половую принадлежность участников, а также факторы риска и протективные факторы, характеризующие целевую группу и ее окружение.
3. Первичная профилактика НСС наиболее актуальна для школьников 11-13 лет, более же старшим группам следует адресовать скорее программы вторичной профилактики. Это указание имеет сугубо статистическое обоснование, ведь в реальности вряд ли можно надеяться на точное распределение потенциальных участников по критерию наличия/отсутствия в их опыте НСС.
4. Осуществляя выбор превентивной стратегии, следует помнить, что с переходом от информационной профилактики к экспириентальной происходит углубление психологического контакта с группой, причем этот контакт становится основным пространством и инструментом совместной работы.

Литература

1. Александров М.Ф., Буланова О.Е., Прудникова М.С. «Школа безопасности подростка». Профилактическая развивающая программа // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3. С. 97–104.
2. Аносова Н.Н. Гендерная манипуляция в сфере межличностных отношений / Гендерная психология. 2-е изд. / Под ред. И.С. Клёциной. СПб.: Питер, 2009. С. 433–442.
3. Гессманн Х.-В., Севастьянов П.С. Концепция ненасильственного общения М. Розенберга // Современная зарубежная психология. 2014. № 2. С. 84–91.
4. Замотаева Н.А. Профилактика сексуального насилия среди молодежи / Помощь детям и подросткам, пострадавшим от жестокого обращения и коммерческой сексуальной эксплуатации. Методическое пособие. / Под ред. З.В. Луковцевой. М.: РОО НБЦ «Сестры», 2005. С. 55–62.
5. Защита детей от насилия и жестокого обращения: Рабочая книга / Под ред. Е.Н. Волковой, Т.Н. Балашовой. Н. Новгород: Изд-во ООО «Папирус», 2004. 165 с.
6. Здоровые и безопасные отношения: предотвращение насилия при свиданиях подростков: пособие для учителя / Под ред. К. Парта, М. Кулль. Тарту: Министерство образования и науки, 2016. 18 с.
7. Изотова Е.И., Марцинковская Т.Д. Проблема переживания в концепциях Выготского и Теплова: современный контекст // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 4–13.

8. *Карягина Т.Д.* Экспириентальные подходы в современной психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 1. С. 126–152.
9. *Леннеер-Аксельсон Б.* О любви, гендерном равноправии, сексуальности и насилии // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 1. № 3–4. С. 397–409.
10. *Лысова А.В.* Насилие в добрачных и супружеских отношениях россиян // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 3. С. 129–145.
11. *Макурина А.П., Белякова М.Ю., Булыгина В.Г.* Программы превенции жестокого обращения в интимных отношениях для подростков и юношества за рубежом [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 3. С. 102–113. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72732.shtml> (дата обращения: 06.09.2017).
12. Пока не поздно...: Модельная программа ранней профилактики насилия в отношении женщин для подростков и молодежи / Под ред. А.С. Синельникова. М.: Эслан, 2006. 132 с.
13. Предупреждение насилия в школе. Руководство для тренеров. М., 2004. 116 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.edu21.cap.ru/home/8656/file/nasilie.pdf> (дата обращения: 06.09.2017).
14. *Руськина Е.Н.* Условия формирования психологической защиты школьников от манипулирования // Вестник Мордовского университета. 2011. № 2. С. 176–179.
15. *Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В.* Полоролевая идентичность у лиц с парафилиями // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1999. Т. 99. № 2. С. 39-42.
16. Школа без насилия. Методическое пособие / Под ред. Н.Ю. Синягиной, Т.Ю. Райфшнайдер. М.: АНО «ЦНПРО», 2015. 150 с.
17. *Antle B.F., Sullivan D.J., Dryden A., Karam E.A., Barbee A.P.* Healthy relationship education for dating violence prevention among high-risk youth // Children and Youth Services Review. V. 33. Issue 1. January 2011. P. 173–179.
18. *Ball B., Tharp A.T., Noonan R.K., Valle L.A., Hamburger M.E., Rosenbluth B.* Expect respect support groups: preliminary evaluation of a dating violence prevention program for at-risk youth // Violence Against Women. XX (X). 2012. P. 1–17.
19. *Cody C.* «We have personal experience to share, it makes it real»: Young people's views on their role in sexual violence prevention efforts // Children and Youth Services Review. V. 79. August 2017. P. 221–227.
20. *Espelage D.L., Low S.* Understanding and preventing adolescent bullying, sexual violence, and dating violence / Vera E. The Oxford handbook of prevention in counseling psychology. Oxford: Oxford University press, 2002. P. 163–183.
21. *Espelage D.L., Low S., Anderson C., De La Ru L.* Bullying, sexual, and dating violence

- trajectories from early to late adolescence. April 21, 2014. Report submitted to the National Institute of Justice. Grant #2011-MU-FX-0022.
22. *Exner-Cortens D., Gill L., Eckenrode J.* Measurement of adolescent dating violence: A comprehensive review (Part 1) // *Aggression and Violent Behavior*. V. 27. March–April 2016. P. 64–78.
 23. *Gillespie M.B.* Developmental evaluation of a gender bullying and sexualized violence prevention program for adolescent males: preliminary lessons on engaging boys (2016) [Электронный ресурс] Electronic Thesis and Dissertation Repository. 3722. URL: <http://ir.lib.uwo.ca/etd/3722> (дата обращения: 06.09.2017).
 24. *Labella M.H., Masten A.S.* Family influences on the development of aggression and violence [Электронный ресурс] // *Current opinion in psychology* available online. 5 April 2017. URL: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.03.028> (дата обращения: 06.09.2017).
 25. *Lundgren R., Amin A.* Addressing intimate partner violence and sexual violence among adolescents: emerging evidence of effectiveness // *Journal of Adolescent Health*. V. 56. Issue 1. January 2015. P. S42–S50.
 26. Preventing youth violence: an overview of the evidence. World Health Organization, 2015. [Электронный ресурс] URL: www.who.int/about/licensing/copyright_form/en/index.html (дата обращения: 06.09.2017).
 27. SAGE Handbook of Gender and Psychology / Ed. by M.K. Ryan, N.L. Branscombe. London: SAGE Publications Ltd. 2013. [Электронный ресурс] URL: https://play.google.com/store/books/details/Michelle_K_Ryan_The_SAGE_Handbook_of_Gender_and_Ps?id=sBWUCwAAQBAJ (дата обращения: 06.09.2017).
 28. *Wekerle C., Wolfe D.A.* Dating violence in mid-adolescence: theory, significance, and emerging prevention initiatives // *Clinical Psychology Review*. V. 19. Issue 4. June 1999. P. 435–456.

Adolescent dating violence: an overview of foreign studies

Lukovtseva Z.V., PhD (Psychology), assistant professor, department of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (sverchokk@list.ru)

The article presents a methodical analysis of the current experience of preventing adolescent and youthful dating violence in Russia and other countries (USA, Great Britain, Switzerland, etc.). The most controversial issues concerning the organization and conduct of preventive programs have been singled out; in particular, the choice of the main target group is considered in the light of current ideas about the micro-mediated factors of violence at the stage of dating in adolescent youthful pairs. Four strategies that are most widely used in the designated area of preventive work are described in detail: information, behavioral (training), personality-oriented and experiential. The "philosophy" of each strategy, which determines the methodological content of the activity of the psychologist and his professional position in interaction with participants, is characterized through a «conditional message» to the group. The recommendations on the prevention of violence at the stage of dating in adolescent and youth are formulated.

Key words: adolescents, young people, romantic relationships, dating violence, prevention of dating violence.

References

1. Alexandrov, M.F., Bulanova O.E., Prudnikov M.S. «Safety School teenager». Preventive educational program [«Safety School teenager». Preventive educational program]. *Vestnik of practical psychology of education*. [Announcer of practical psychology of education], 2009, no. 3, Pp. 97-104.
2. Anosova N.N. Gendernaya manipulyatsiya v sfere mezhlchnostnyih otnosheniy [Gender manipulation in the field of interpersonality relations] / Gendernaya psihologiya. 2-e izd. [Gender psychology. 2th ed.] / In Klyotsina I.S. (eds.). Saint-Petersburg: Piter, 2009. Pp. 433–442.
3. Gessmann H.-V., Sevastyanov P.S. Kontsepsiya nenasilstvennogo obscheniya M. Rozenberga [Conception of non-violent communication of M. Rosenberg] // *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2014, no. 2. Pp. 84–91.
4. Zamotaeva N.A. Profilaktika seksualnogo nasiliya sredi molodezhi Rozenberga [Prophylaxis of sexual violence among young people] / Pomosch detyam i podrostkam, postradavshim ot zhestokogo obrascheniya i kommercheskoy seksualnoy ekspluatatsii. Metodicheskoe posobie [Help to the children and teenagers injured from legal cruelty]

- and commercial sexual exploitation. Methodical manual] / In Lukovtseva Z.V. (ed.). Moscow: ROO NBTs «Syostroy», 2005. Pp. 55–62.
5. Zashchita detey ot nasiliya i zhestokogo obrascheniya: Rabochaya kniga [Protecting of children from violence and legal cruelty: the Working book] / In Volkova E.N., Balashova T.N. (eds.). N. Novgorod: Izd-vo OOO «Papyrus», 2004. 165 P.
 6. Zdorovyye i bezopasnyie otnosheniya: predotvraschenie nasiliya pri svidaniyah podrostkov: posobie dlya uchitelya [Healthy and safe relations: prevention of violence at the appointments of teenagers: manual for a teacher] / In Part K., Kull M. (eds.). Tartu: Ministerstvo obrazovaniya i nauki [Department of education and science], 2016. 18 P.
 7. Izotova E.I., Martsinkovskaya T.D. Problema perezhivaniya v kontseptsiyah Vyigotskogo i Teplova: sovremennyy kontekst [A problem of experiencing is in conceptions of Vygotsky and Teplov: modern context] // *Kulturno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and historical psychology], 2016, V. 12, no 4. Pp. 4–13.
 8. Karyagina T.D. Ekspirientalnyie podhodyi v sovremennoy psihoterapii [Experiential approaches in modern psychotherapy] // *Konsultativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Consultative psychology and psychotherapy], 2015, V. 23, no 1. Pp. 126–152.
 9. Lenneer-Akselson B. O lyubvi, gendernom ravnopravii, seksualnosti i nasilii [About love, gender equality of rights, sex appeal and violence] // *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Magazine of researches of social politics], 2004, V. 1, no 3–4. Pp. 397–409.
 10. Lyisova A.V. Nasilie v dobrachnyih i supruzheskih otnosheniyah rossiyan [Violence is in the pre-marital and matrimonial relations of Russians] // *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Magazine of sociology and social anthropology], 2008, V. XI, no 3. Pp. 129–145.
 11. Makurina A.P., Belyakova M.Yu., Bulyigina V.G. Programmyi preventsii zhestokogo obrascheniya v intimnyih otnosheniyah dlya podrostkov i yunoshestva za rubezhom [Elektronnyi resurs] [Programs of prevention of ill treatment in intimate relations for teenagers and youth abroad] *Psihologiya i pravo psyandlaw.ru* [Psychology and law www. psyandlaw.ru] 2014, no 3, pp. 102–113. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72732.shtml> (Accessed 06.09.2017). (In Russ.; abstr. In Engl.).
 12. Poka ne pozdno...: Modelnaya programma ranney profilaktiki nasiliya v otnoshenii zhenschin dlya podrostkov i molodezhi [While not late...: Model program of early prophylaxis of violence in regard to women for teenagers and young people] / In Sinelnikov A.S. (ed). Moscow: Eslan, 2006. 132 P.
 13. Preduprezhdenie nasiliya v shkole. Rukovodstvo dlya trenerov. M., 2004. 116 P. [Elektronnyiy resurs] [Preventing of school violence. Manual for trainers] URL: <http://www.edu21.cap.ru/home/8656/file/nasilie.pdf> (Accessed 06.09.2017).
 14. Ruskina E.N. Usloviya formirovaniya psihologicheskoy zashchityi shkolnikov ot manipulirovaniya [Terms of forming of psychological defence of schoolchildren from

- manipulation] // *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Announcer of the university of Mordovia], 2011, no 2. Pp. 176–179.
15. Tkachenko A.A., Dvoryanchikov N.V. Polorolevaya identichnost' u lic s parafilijami [Gender-role identity in individuals with paraphilias] // *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. C.C. Korsakova* [Journal of neurology and psychiatry. C.C. Korsakov], 1999. V. 99. no 2. Pp. 39-42.
 16. Shkola bez nasiliya. Metodicheskoe posobie [School without violence. Methodical manual] / In Sinyagina N.Yu., Rayfshnayder T.Yu. (eds.). Moscow: ANO «TsNPRO», 2015. 150 P.
 17. Antle B.F., Sullivan D.J., Dryden A., Karam E.A., Barbee A.P. Healthy relationship education for dating violence prevention among high-risk youth // *Children and Youth Services Review*. V. 33. Issue 1. January 2011. P. 173–179.
 18. Ball B., Tharp A.T., Noonan R.K., Valle L.A., Hamburger M.E., Rosenbluth B. Expect respect support groups: preliminary evaluation of a dating violence prevention program for at-risk youth // *Violence Against Women*. XX (X). 2012. P. 1–17.
 19. Cody C. «We have personal experience to share, it makes it real»: Young people's views on their role in sexual violence prevention efforts // *Children and Youth Services Review*. V. 79. August 2017. P. 221–227.
 20. Espelage D.L., Low S. Understanding and preventing adolescent bullying, sexual violence, and dating violence / Vera E. *The Oxford handbook of prevention in counseling psychology*. Oxford: Oxford University press, 2002. P. 163–183.
 21. Espelage D.L., Low S., Anderson C., De La Ru L. Bullying, sexual, and dating violence trajectories from early to late adolescence. April 21, 2014. Report submitted to the National Institute of Justice. Grant #2011-MU-FX-0022.
 22. Exner-Cortens D., Gill L., Eckenrode J. Measurement of adolescent dating violence: A comprehensive review (Part 1) // *Aggression and Violent Behavior*. V. 27. March–April 2016. P. 64–78.
 23. Gillespie M.B. Developmental evaluation of a gender bullying and sexualized violence prevention program for adolescent males: preliminary lessons on engaging boys (2016) [Электронный ресурс] Electronic Thesis and Dissertation Repository. 3722. URL: <http://ir.lib.uwo.ca/etd/3722> (дата обращения: 06.09.2017).
 24. Labella M.H., Masten A.S. Family influences on the development of aggression and violence [Электронный ресурс] // *Current opinion in psychology* available online. 5 April 2017. URL: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.03.028> (дата обращения: 06.09.2017).
 25. Lundgren R., Amin A. Addressing intimate partner violence and sexual violence among adolescents: emerging evidence of effectiveness // *Journal of Adolescent Health*. V. 56. Issue 1. January 2015. P. S42–S50.

26. Preventing youth violence: an overview of the evidence. World Health Organization, 2015. [Электронный ресурс] URL: www.who.int/about/licensing/copyright_form/en/index.html (дата обращения: 06.09.2017).
27. SAGE Handbook of Gender and Psychology / Ed. by M.K. Ryan, N.L. Branscombe. London: SAGE Publications Ltd. 2013. [Электронный ресурс] URL: https://play.google.com/store/books/details/Michelle_K_Ryan_The_SAGE_Handbook_of_Gender_and_Ps?id=sBWUCwAAQBAJ (дата обращения: 06.09.2017).
28. Wekerle C., Wolfe D.A. Dating violence in mid-adolescence: theory, significance, and emerging prevention initiatives // Clinical Psychology Review. V. 19. Issue 4. June 1999. P. 435–456.

Влияние психологических и психосексуальных факторов на психофизиологическую реактивность

Купцова Д.М., выпускница факультета юридической психологии Московский государственный психолого-педагогический университет (*dary.rin@gmail.com*)

Каменсков М.Ю., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии (*m-kamenskov@yandex.ru*)

На современном этапе остается дискуссионным вопрос о влиянии текущего состояния на физиологическую реактивность, что значительно снижает валидность психофизиологического исследования. В представленной работе посредством направленного психолого-сексологического исследования изучались факторы, оказывающие влияние на появление значимых физиологических реакций в ответ на предъявление нормативных и девиантных сексуальных стимулов при тестировании на полиграфе 30 добровольцев. Обнаружено, что для здоровой выборки испытуемых, реагирующих на фотографии с изображением девиантного сексуального объекта, значимо характерны: дисгармоничный личностный профиль, когнитивные искажения, косвенные нарушения половой сферы в виде задержки полового развития и нарушения половой идентичности. Описанные в работе феномены расширяют класс имеющихся исследований о влиянии индивидуальных особенностей испытуемого на его физиологическую реактивность и могут учитываться при интерпретации данных, полученных в ходе психофизиологического исследования в медицинских целях на сексуальных правонарушителях.

Ключевые слова: психофизиологическое обследование, полиграф, физиологическая реакция.

Для цитаты:

Купцова Д.М., Каменсков М.Ю. Влияние психологических и психосексуальных факторов на психофизиологическую реактивность. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 1. С. 13-25.
doi: 10.17759/psylaw.2018080102

For citation:

Kuptsova D.M., Kamenskov M.Yu. Influence of psychosexual and psychological factors on

psychophysiological reactivity. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.13-25.
doi: 10.17759/psylaw.2018080102

Введение

Анализ литературы по проблеме психофизиологического исследования показывает, что на сегодняшний день отсутствует четкая теоретическая концепция, объясняющая как природу регистрируемых показателей, так и их соотношение с процессами восприятия предъявляемых стимулов. Процедуры проведения тестирования не стандартизированы в той степени, которая может считаться удовлетворительной в терминах психометрики, а методики шкалирования результатов субъективны.

С учетом широкой распространенности метода в прикладных областях, необходимо изучение возможностей его использования в практике сексологической экспертизы для диагностики сексуальных отклонений. При этом необходимо соблюдать комплексность подхода, которая должна выражаться в мультидисциплинарном изучении проблемы. Именно такой подход позволит объяснить те психологические, психопатологические и биологические механизмы, которые лежат в основе появления реакций на предъявляемые девиантные стимулы у лиц с расстройствами сексуального предпочтения и у здоровых лиц. Так, в научных работах, направленных на объективизацию данных, полученных в ходе сексолого-психиатрической экспертизы, обсуждается феномен возникновения значимых физиологических реакций у сексуальных преступников без признаков расстройств сексуального предпочтения. Их появление связано с влиянием судебной ситуации (Каменсков М.Ю., 2013). А.Ю. Хавкин (2003) писал, что это может объясняться с точки зрения теории З.Фрейда о латентных перверсных тенденциях, существующих у каждого индивида. Однако направленных исследований, посвященных разрешению этой проблемы, на сегодняшний момент нет, что и обуславливает ее актуальность.

Таким образом, цель настоящего исследования заключалась в выявлении психологических и психосексуальных факторов, влияющих на физиологическую реактивность у здоровых лиц в ходе предъявления девиантных стимулов.

Материал и методы исследования

Взрослым испытуемым мужского пола, не имеющим клинических признаков расстройств сексуального предпочтения, последовательно демонстрировали ряд визуальных стимулов, регистрируя при этом вегетативную реактивность с помощью полиграфа «Диана-01». По результатам исследования все добровольцы были разделены на 2 группы в зависимости от наличия или отсутствия значимых физиологических реакций на аномальные стимулы.

В первую группу вошли 10 испытуемых, у которых обнаруживались значимые физиологические реакции на проверочные стимулы девиантного сексуального характера. Их средний возраст составил 24,2 года. Вторую группу составили 17 испытуемых, у которых отмечались значимые физиологические реакции на нормативные контрольные стимулы. Средний возраст по группе был 22,3 года.

Психодиагностический метод включал оценку следующих параметров:-

- оценивался уровень переключаемости внимания («Таблицы Горбова-Шульте») и нервно-психического напряжения («Оценка нервно-психического напряжения Т.А. Немчина») для определения особенностей нервных процессов;
- применялся тест оценки характера ассоциативного мышления (методика «Ответные ассоциации»). Особенности ассоциативной сферы разделялись в соответствии со шкалой А.Г. Иванова-Смоленского по параметрам высших и примитивных словесных реакций: общеконкретных, индивидуально-конкретных, абстрактных и созвучных, экстрасигнальных, персервирующих, эхολалических;
- для оценки личностных особенностей использовался сокращенный многофакторный опросник личности (СМОЛ), для интерпретации выраженности личностных радикалов в зависимости от количества баллов по каждой шкале.

Сексологический метод. Посредством клинического вопросника нами оценивались генотипический индекс половой конституции, потенциальная и актуальная половая потребность, степень полового напряжения на момент обследования. Для оценки состояния психосексуальной сферы применялся тест смысловых и эмоциональных связей сексуальных образов («Цветовой тест отношений» в модификации И.А.Кудрявцева, Е.Г.Дозорцевой), позволяющий определить четкость половозрастной идентификации, особенности интериоризации полоролевых стереотипов, смысловой аспект психосексуальной сферы, а также специфику эмоционального отношения к себе и объекту сексуального предпочтения.

Психофизиологический метод обследования представлял собой визуальную стимуляцию, в ходе которой предъявлялись эротические стимулы (нормативные - гетеросексуальные, девиантные – гомосексуальные и гетеросексуальные педофильные) и одновременно регистрировались вегетативные реакции. В ходе эротической стимуляции применялся тест, за основу создания которого был взят модифицированный метод «Контрольных вопросов», предложенный группой российских ученых и описанный ими ранее (Каменсков М.Ю., 2008).

Использовались два теста визуальной стимуляции, имеющие одинаковую структуру, тематически схожие, но не идентичные, эротические материалы. Применялись нейтральный стимул (N): изображение природы, контрольные стимулы (С): изображения обнаженных женщин, проверочные стимулы (R): изображения обнаженных детей препубертатного возраста.

Уровень реакций на стимулы оценивался по параметрам кожно-гальванического рефлекса, грудного дыхания, сердечно-сосудистых реакций.

В рамках статистического метода применялись параметрические, непараметрические и корреляционные методы анализа.

Результаты и обсуждение

Анализ результатов производился путем сопоставления данных, полученных в ходе психодиагностического исследования с результатами психофизиологического обследования.

Влияние особенностей когнитивной сферы на физиологическую реактивность

Результаты дискриминантного анализа когнитивной сферы 1-й группы испытуемых позволили предположить, что возрастание количества ошибок в методике, направленной на исследование особенностей внимания, с вероятностью в 69,6% будет определять появление значимых реакций на проверочные стимулы (рис. 1).

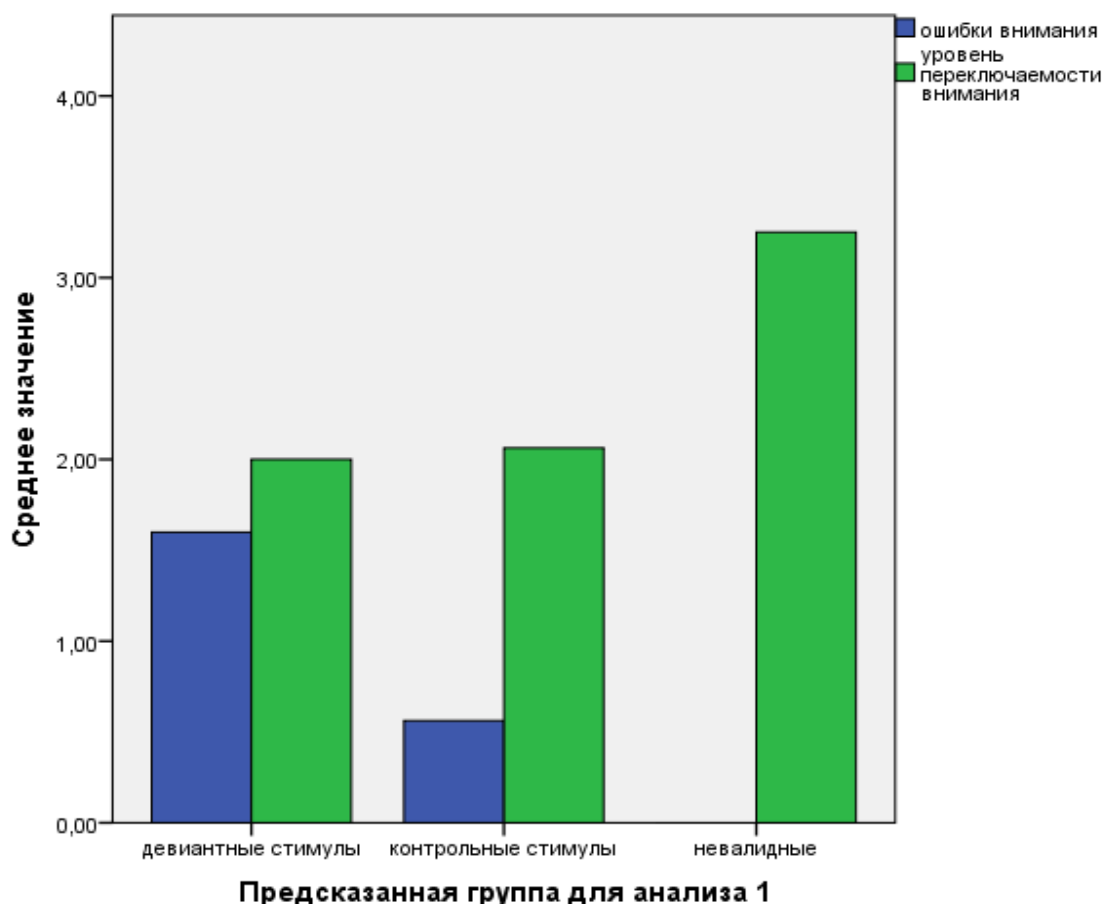

Рис.1. Вероятность предсказания значимых физиологических реакций на контрольные и проверочные стимулы, исходя из параметра особенностей внимания

Кроме того, у данной группы испытуемых наблюдаются не только более значимые нарушения внимания по сравнению с группой лиц, реагирующих только на гетеросексуальный стимул ($p=0.06$)¹, но и нарушения ассоциативной сферы в виде искажения дифференциации значения слов («высокий процент латентных ассоциаций», $p=0,003$) или образования паралогичной условно-рефлекторной связи («высокий процент экстрасигнальных ответов», $p=0,04$). Дискриминантный анализ (Лямбда Уилкса = 0,879) также позволил говорить о том, что чем больше процент эхололических и экстрасигнальных ответов, при низком проценте высших вербальных реакций в ассоциативном эксперименте, тем больше вероятность (87,9%) обнаружения устойчивых значимых реакций только на аномальные стимулы (рис.2, табл. 1, 2).

¹ Здесь и далее указаны достоверные различия между первой и второй группой, вычисленные с применением метода непараметрической статистики T-test.

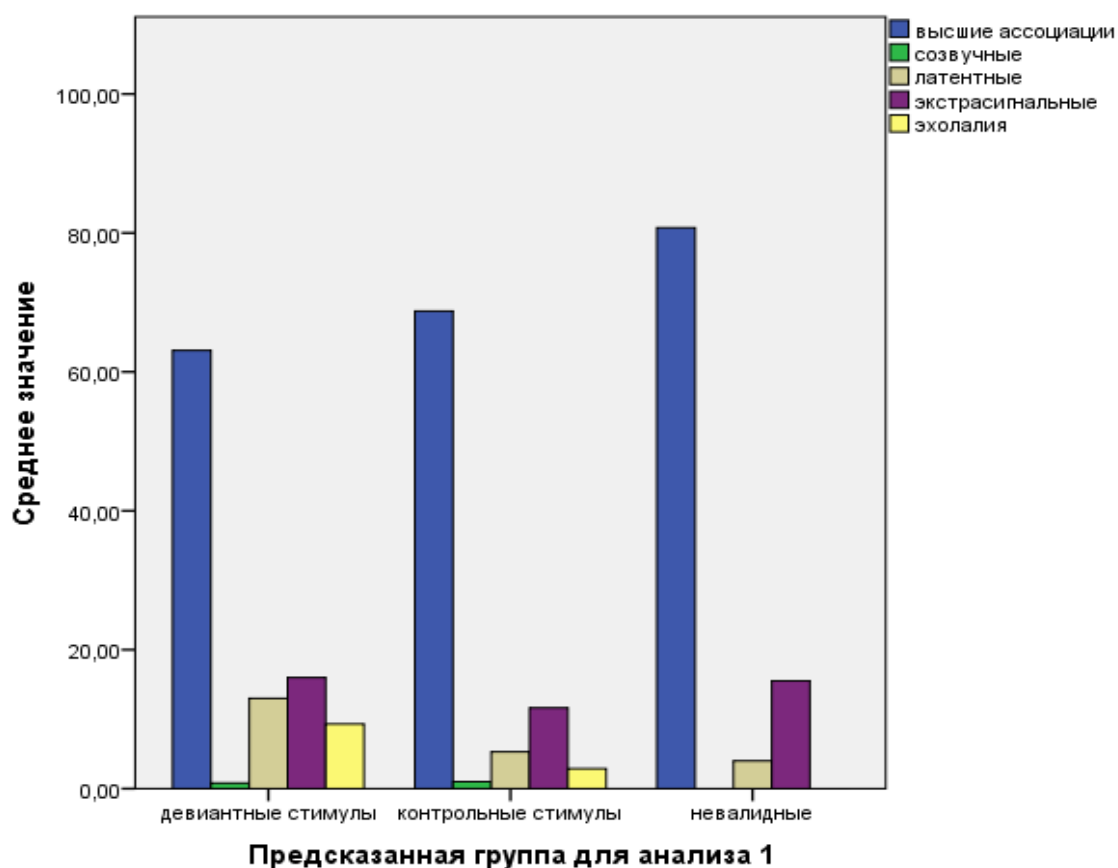

Рис.2. Вероятность предсказания значимых физиологических реакций на контрольные и проверочные стимулы, исходя из параметра особенностей ассоциативной сферы

Таблица- 1

Связь между реакциями на девиантные стимулы и патопсихологическими признаками у лиц первой группы

Визуальные стимулы	Когнитивные и личностные особенности	Коэффициент корреляции при $p=0,05$
Педофильные стимулы	Ассоциативные нарушения	R=0,52
	Нарушения внимания	R=0,4
	Истерия	R=0,37
	Психопатия	R=0,44
	Психастения	R=0,53

Таблица 2

Патопсихологические и сексологические признаки у лиц первой и второй групп

Психологические признаки	Первая группа	Вторая группа	Достоверные различия, T-критерий
Нарушения внимания	10,0	6,0	P=0,1
Нервно-психическое напряжение	41,7	38,5	
ММРІ «Депрессия»	50,1	42,4	P=0,03
ММРІ «Психопатия»	53,6	46,7	P=0,2
ММРІ «Истерия»	63,2	49,05	P=0,05
ММРІ «Психастения»	55,2	45,3	P=0,02

Уровень сексуального напряжения			
Периодичность возникновения половой потребности на протяжении последнего месяца	14,8	25,0	P=0,03
Период сексуальной абстиненции	1,2	2,4	P=0,1
Удовлетворенность половой жизнью (регулярность половой жизни / потребность в половых контактах)	0,77	0,52	P=0,1

Таким образом, полученные результаты позволяют предположить, что реакции на девинатные стимулы у лиц со сформировавшимся гетеросексуальным влечением в части случаев могут быть обусловлены нарушениями внимания и ассоциативными расстройствами. Ранее схожие данные были получены при изучении сексуальных преступников без признаков сексуальных отклонений. У них появление «ложноположительных реакций» на девинатные стимулы было связано с астеническими расстройствами, в рамках которых, по данным клинического и психологического исследований, отмечались нарушения внимания и ассоциаций (Каменсков М.Ю., 2012, 2013).

Влияние особенностей психосексуальной сферы на физиологические реакции

Использование метода корреляционных матриц, на базе которых проводилось многомерное шкалирование, позволило выделить два значимых кластера признаков, обнаруженных при использовании сексологического анкетирования и ЦТО (рис.3).

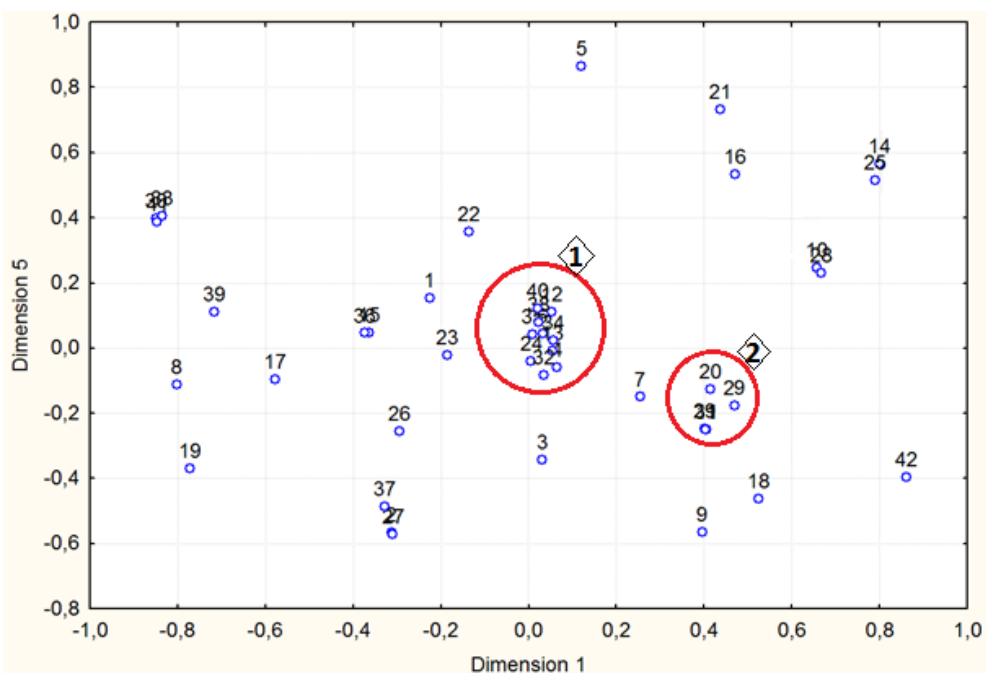

Рис.3. Результаты многомерного шкалирования подгруппы лиц со значимыми реакциями на девиантные стимулы

Первая совокупность включала в себя наличие сексуальной фрустрации на момент обследования, негативное отношение к гетеросексуальному образу, сексуализированное восприятие образа ребенка и недифференцированные сексуальные предпочтения, сопряженные с инфантильными тенденциями.

Данные корреляционного анализа также позволяют предполагать вообще большую личностную незрелость у лиц первой группы по сравнению с испытуемыми второй. Так, была обнаружена связь между появлением реакций на девиантные стимулы и личностными особенностями, стержневым проявлением которых является инфантилизм (табл. 1).

Следует также отметить, что у добровольцев первой группы такие клинические сексологические данные, как слабая половая конституция, низкая актуальная половая потребность, несмотря на длительный период полового воздержания, косвенно свидетельствуют о задержке полового развития. Как правило, для таких лиц характерны слабая дифференцированность полоролевой идентичности и половых предпочтений (Васильченко Г.С., 1990), что и было выявлено у испытуемых, по данным ЦТО - в виде недифференцированных сексуальных предпочтений.

Указанный патопсихологический симптомокомплекс, отражающий дисгармонию личностной и психосексуальной сферы, был ранее описан на группе лиц с расстройствами сексуального предпочтения в форме гомосексуальной или гетеросексуальной педофилии Н.В.Дворянчиковым (1998). Для лиц с педофилией оказалось характерно наличие инфантильных тенденций, что обуславливало их отождествление с образом ребенка, в том числе в криминальной ситуации. Наличие сексуализированного восприятия образа ребенка и негативного или амбивалентного отношения к женщине, делало возможным включения детского образа в структуру сексуальных предпочтений.

Вероятно, эти же психологические механизмы лежат не только в основе формирования расстройств влечения, но и определяют появление значимых реакций на педофильные стимулы.

Во вторую совокупность вошли слабая дифференцированность сексуальных предпочтений по полу, амбивалентное восприятие образа мужчины, педофильные тенденции и наличие в зрелом возрасте единичных фантазий о сексуальных контактах с детьми. Указанные констелляции также встречаются у сексуальных преступников, и, вероятно, лежат в основе вегетативных изменений при предъявлении девиантных стимулов. У таких правонарушителей формирование педофилии происходит только при накоплении определенного ряда факторов: наличие негативного опыта в сексуальных отношениях, длительные периоды полового воздержания, злоупотребление алкогольными напитками и совершение первого преступления в отношении ребенка в опьянении.

Результаты сексологического анкетирования и ЦТО второй группы испытуемых, реагирующих на нормативный сексуальный стимул при психофизиологическом обследовании, показали, что чем сильнее половая потребность непосредственно до психофизиологического тестирования, чем выше уровень сексуальной фрустрации, тем более стойкие и интенсивные реакции возникают на гетеросексуальный стимул.

Кроме того, в данной когорте испытуемых отсутствовали такие дисгармоничные особенности личностной и психосексуальной сферы, которые наблюдались в первой группе. Так, у добровольцев отмечалось положительное отношение к образам мужчины и девушки, а по данным СМОЛ – низкие баллы по радикалам (табл. 2).

Описанные данные были подтверждены в ходе корреляционного анализа. Нами была обнаружена интересная закономерность: длительность сексуального воздержания была напрямую связана с более стойкими и высокими реакциями на гетеросексуальные стимулы ($r=0,39$ при $p=0,05$). Вероятно, период воздержания делает сексуальный рефлекс более специфичным, направленным только на тот объект, который изначально входит в структуру предпочтений у лиц с гармоничной личностной и сексуальной сферой.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет говорить о том, что нарушения половой идентичности, проявляющиеся в искаженном эмоциональном восприятии образа ребенка, мужчины и женщины, обуславливают появление реакций на девиантные стимулы, что следует учитывать в клинической практике при интерпретации результатов обследования сексуальных преступников, поскольку появление этих реакций не всегда связано с наличием патологического сексуального влечения к детям.

Выводы

В рамках психофизиологического обследования, используемого с целью квалификации состояния психосексуальной сферы, предварительно необходимо проводить патопсихологическое тестирование, направленное на оценку ассоциативной и личностной сферы, внимания и половой идентичности, поскольку эти факторы оказывают влияние на физиологическую реактивность.

Появление при визуальной стимуляции значимых физиологических реакций на девиантные стимулы у лиц с гетеросексуальной ориентацией объясняется целым спектром факторов, влияющих на их функциональное состояние:

- использование низших форм вербальных ассоциативных реакций определяет торможение высших форм речемыслительной деятельности (эхолалические ответы), и формирование новой, паралогичной связи на основе этого нарушения (экстрасигнальные ответы) обуславливает ложноположительные реакции на аномальные стимулы;

- истощаемость нервных процессов, включающая в себя нарушения внимания, обуславливает рассогласование высших нервных процессов и реакций на визуальный стимул, что проявляется выраженным вегетативным откликом на стимул, обладающий меньшей значимостью;

- такие искажения половой идентичности, как негативное или амбивалентное отношение к гетеросексуальному образу, сочетающееся с сексуализированным восприятием образа ребенка и инфантильными тенденциями, наряду с дисгармонией развития, проявляющейся наличием акцентуированных черт характера и ослабленной половой конституцией, - в совокупности обуславливают появление реакций на девиантные визуальные стимулы.

Появление реакций при визуальной стимуляции на нормативные стимулы характерно для лиц с гармоничным личностным развитием и гендерной идентичностью. При этом половое воздержание и непродолжительный период половой фрустрации делает сексуальный рефлекс более специфичным, обуславливая появление стабильных и интенсивных реакций на гетеросексуальные стимулы.

Литература

1. Введенский Г.Е., Сафуанов Ф.С., Каменсков М.Ю., Козлов И.С., Николаев А.Ю. Опрос с использованием полиграфа: психиатрические противопоказания // Российский психиатрический журнал. 2011. №5. С. 31-36.
2. Дворянчиков Н.В. Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1998. 178с.
3. Иванов Р.С. Психофизиологические особенности человека в ситуации выявления скрываемой информации с применением полиграфа: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-н-/Д, 2016. 23 с.
3. Каменсков М.Ю. Валидность психофизиологической диагностики парафилий // Журнал неврологии и психиатрии имени.- С.С. Корсакова. 2013. № 3. С. 39 -44.
4. Каменсков М.Ю. Фиксированные формы аномального сексуального поведения: дисс. ... канд. мед. наук. М., 2008. 211 с.
5. Васильченко Г.С. Общая сексопатология: рук-во для врачей. М.: Медицина, 1977. С. 260_263.
6. Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В., Герасимов А.В. Некоторые механизмы гомицидного садистического поведения // Российский психиатрический журнал. 2000. №5. С. 26 - 31.
7. Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В. Полоролевая идентичность у лиц с парафилиями

Купцова Д.М., Каменсков М.Ю. Влияние психологических и психосексуальных факторов на психофизиологическую реактивность. *Психология и право psyandlaw.ru* 2018. Том 8. №1. С. 13-25.

Kuptsova D.M., Kamenskov M.Yu. Influence of psychosexual and psychological factors on psychophysiological reactivity. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2018. Vol. 8. no.1. pp. 13-25.

// Журнал неврологии и психиатрии имени.- С.С. Корсакова. 1999. Т. 99. №2. С. 39-42.

8. *Хавкин А.Ю.* Комплексная диагностика нарушений сексуального предпочтения (клинико-психопатологический, психофизиологический и психологический анализ)- : дисс. ... канд. мед. наук. М., 2003. 236 с.

Influence of psychosexual and psychological factors on psychophysiological reactivity

Kuptsova D.M., graduate of the Faculty of Legal Psychology, MSUPE (dary.rin@gmail.com)

Kamenskov M. Yu. PhD in Medicine, Expert Sexologist, Senior Researcher Associate, Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction (m-kamenskov@yandex.ru)

At the present stage there is debatable a question of influence of current state on physiological reactivity that considerably reduces a validity of a psychophysiological research. In the presented work by means of the directed psychology-sexological research the factors exerting impact on emergence of significant physiological reactions in response to presentation of standard and deviant sexual incentives when testing on a polygraph of 30 volunteers were studied. It is revealed that of healthy selection of the examinees reacting to photos with the image of a deviant sexual object it is significantly characteristic: a disharmonious personal profile, cognitive distortions, indirect violations of the sexual sphere in the form of a delay of sexual development and violation of gender identity. The phenomena described in work expand the class of available studies of the influence of the individual characteristics of the subject on his physiological reactivity and can be considered at interpretation of the data obtained during the psychophysiological research in the medical purposes on sexual offenders.

Key words: psychophysiological research, polygraph, physiological reaction.

References

1. Vvedenskij G.E., Safuanov F.S., Kamenskov M.Ju., Kozlov I.S., Nikolaev A.Ju. Opros s ispol'zovaniem poligrafa: psihiatricheskie protivopokazaniya [Poll using a polygraph: the psychiatric contraindications] *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal* [*Russian Psychiatric Journal*], 2011, no. 5, pp. 31-36. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Dvorjanchikov N.V. Polorolevaja identichnost' u lic s deviantnym seksual'nym povedeniem. Diss. kand. psihol. nauk. [Role and gender identity in people with deviant sexual behavior. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 1998. 178 p.
3. Ivanov R.S. Psihofiziologicheskie osobennosti cheloveka v situacii vyjavlenija skryvaemoj informacii s primeneniem poligrafa [Psychophysiological features of a person in the situation of revealing concealed information using a polygraph. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Rostov-on-Don, 2016. 23p.
4. Kamenskov M.YU. Validnost' psikhofiziologicheskoy diagnostiki parafilij [Validity of psychophysiological diagnostics of paraphilia]. *Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii im. S.S.*

Korsakova. [*Journal of Neurology and Psychiatry. S.S. Korsakov*], 2013, no.3, pp. 39-44. (In Russ., abstr. in Engl.).

5. Kamenskov M.YU. Fiksirovannyye formy anomal'nogo seksual'nogo povedeniya [Fixed forms of abnormal sexual behavior Ph. D. (Psychiatry) diss.], Moscow, 2008, 211 p.
6. Vasil'chenko G.S. Obshchaya seksopatologiya: ruk-vo dlya vrachey [General sexopathology]. Moscow: Medicine, 1977, pp. 260-263.
7. Tkachenko A.A., Dvoryanchikov N.V., Gerasimov A.V. Nekotoryye mekhanizmy gomitsidnogo sadisticheskogo povedeniya [Some Mechanisms of Homicidal Sadistic Behavior]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal. [Russian Psychiatric Journal]*, 2000, no.5, pp. 26-31. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Tkachenko A.A., Dvoryanchikov N.V. Polorolevaya identichnost' u lits s parafiliiami [Polorolevaya identity in persons with paraphilia]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova. [Journal of Neurology and Psychiatry. S.S. Korsakov]*, 1999, no. 9, pp. 39-42. . (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Khavkin A.YU. Kompleksnaya diagnostika narusheniy seksual'nogo predpochteniya (kliniko-psikhopatologicheskii, psikhofiziologicheskii i psikhologicheskii analiz) [Complex diagnosis of violations of sexual preference (clinical-psychopathological, psychophysiological and psychological analysis) Ph. D. (Psychiatry) diss.], Moscow, 2003, 236 p.

Аналитический обзор исследований по проблеме неопределенности и изучения копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов

Рогачев В.А., магистр психологии, выпускник кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (elk.73@mail.ru)

Коноплева И.Н., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (ing01@mail.ru)

В работе рассматривается проблема изучения толерантности к неопределенности и копинг-поведения сотрудников правоохранительных органов. Анализируются теоретические аспекты проблемы, раскрывается специфичность использования категории «неопределенность» в психологии. Представлена история становления конструкта толерантности/интолерантности к неопределенности в психологии, современное состояние проблемы толерантности к неопределенности в психологии. Рассматривается проблема изучения копинг-поведения сотрудников правоохранительных органов. Характеризуется копинг-поведение, его сущность и основные составляющие компоненты. Определены основные направления в изучении копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов. Рассмотрены взаимосвязь и влияние толерантности/интолерантности к неопределенности на копинг-стратегии совладающего поведения в различных сферах деятельности. Показано, что копинг-поведение складывается из копинг-стратегий и копинг-ресурсов. В психологических исследованиях толерантность к неопределенности рассматривается как один из ключевых ресурсов личности при преодолении стрессовых ситуаций.

Ключевые слова: ситуация неопределенности, толерантность/интолерантность к неопределенности, копинг-поведение, копинг-стратегии, копинг-ресурсы, сотрудники правоохранительных органов.

Для цитаты:

Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Аналитический обзор исследований по проблеме неопределенности и изучения копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 1. С. 26-43.

doi: 10.17759/psylaw.2018080103

For citation:

Rogachev V.A., Konopleva I.N. Analytical review of studies on uncertainty and the study of coping strategies in law enforcement officers. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2018(8), no. 1. pp.26-43.
doi: 10.17759/psylaw.2018080103

Неумение справляться со стрессом, управлять своим поведением в сложных и напряженных ситуациях снижает успешность и качество выполнения должностных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов, требует дополнительных усилий для поддержания оптимального психофизиологического уровня. Все это приводит к повышению текучести кадров, снижению удовлетворенности трудом, деформациям личностных и характерологических качеств.

Проблема копинг-поведения является одной из наиболее актуальных для юридической психологии при изучении психологических особенностей деятельности и личности сотрудников правоохранительных органов. Эффективность служебной деятельности достигается не только профессиональными знаниями и навыками, но и способностью сотрудников к толерантности к неопределенности и стресс-преодолевающему поведению в напряженных и особых условиях.

Целью нашего исследования явилось изучение феномена неопределенности и толерантности к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов.

Задачи исследования.

1. Анализ проблематики копинг-поведения в отечественной и зарубежной психологии, характеристика современного состояния и основных направлений психологических исследований копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов.

2. Анализ взаимосвязи копинг-стратегий и толерантности к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов.

В работах отечественных психологов неопределенность рассматривалась в основном в психологии мышления, в психологии принятия решений и сводилась к количественному измерению исходов и их вероятностей (Тихомиров О.К., Степаносова О.В., Солнцева Г.Н., Поддъяков А.Н., Корнилова Т.В.). В зарубежных исследованиях неопределенности акцент делается на ее качественном содержании.

В рамках нашего исследования особый интерес представляет предложенная С. Баднером (1962) дефиниция неопределенной ситуации. Он характеризует неопределенную ситуацию как ситуацию, в которой индивид в связи с недостатком информации не может адекватно структурировать или категоризировать данную ситуацию. С. Баднер определил три типа таких ситуаций: а) совершенно новая ситуация – нет привычных знаков; б) сложная ситуация – имеется значительное число сигналов, которые необходимо брать в расчет; в) противоречивая ситуация – имеются различные сигналы и элементы, предполагающие

формирование различных структур. Это ситуации, определяющиеся новизной, сложностью и неразрешимостью.

С.Е. Shannon и W. Weaver (по Бутенко Т.П.) в 1949 г. предположили, что ситуацию неопределенности характеризует большое число альтернатив, осуществление которых относительно равно. В своей теории информации данные авторы показали, что необходимость снизить неопределенность мотивирует у индивидов коммуникативное поведение. В данном подходе определяющим является то, что информация выступает как ряд сообщений, необходимых для снижения неопределенности.

В российской инженерной психологии первые систематические исследования неопределенности в деятельности человека были связаны с техническим прогрессом в развитии промышленности, автоматизации производства и усилением контрольно-регулирующей функции человека. Неопределенность изучалась как новый фактор и подразумевала нехватку информации в оперативной ситуации в деятельности оператора. Е.П. Кринчик (1979) выделил три типа ситуаций неопределенности в автоматизированном производстве, с которыми приходится сталкиваться человеку:

1) ситуация неопределенности, характеризующаяся временем появления оперативного события;

2) ситуация неопределенности, характеризующаяся количественными и качественными параметрами оперативного события;

3) ситуация неопределенности, характеризующаяся характером соотношений и взаимосвязи между событиями и их параметрами в оперативной ситуации.

Приведенные типы ситуаций неопределенности могут выступать в конкретной деятельности комплексно, или одна из них может доминировать. Важным фактором является то, что разные типы неопределенности выдвигают различные психологические требования к человеку-оператору.

Понятие субъективной и объективной неопределенности в психологии мышления ввел О.К. Тихомиров (1969). Объективная неопределенность выступает в роли задачи, субъективная неопределенность – силы и средства, направленных на решение этой задачи.

В ряду интеллектуальных ситуаций рассматривает неопределенность Е.А. Лустина (1982). В ее понимании неопределенность – вид проблемной ситуации, когда субъект в своем сознании строго не определен ни в способах решения, ни в искомом результате. Преодоление неопределенности взаимосвязанно с активизацией мышления и воображения.

Исследованию психологических особенностей мышления следователя в ситуациях неопределенности ориентиров поиска при решении профессиональных задач посвящена диссертация С.В. Михайлова (2006). Эмпирически доказано, что складывающиеся при решении профессиональных задач ситуации неопределенности являются для следователя трудными, что приводит к повышенным требованиям к его интеллектуальным качествам.

В последние годы нарастает интерес исследователей к проблеме принятия решений в управлении сложными и сверхсложными системами, в результате чего произошла интеграция научных знаний из других областей в психологию принятия решений. В рамках

нормативных и дескриптивных моделей в психологии принятия решений широко изучалась ситуация неопределенности, которая выступает в роли условия задачи, требующей решения, также воспринимаемая как избыток или недостаток информации об альтернативах действия и принятия решения (Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А., Солнцева С.Н.).

В когнитивных моделях принятия решений неопределенность понимается:

- как неопределенность вероятности исхода;
- неопределенность уверенности в наступлении события, когда вероятности исходов неизвестны. В закрытой задаче объективная неопределенность преобразуется человеком в субъективную неопределенность, поскольку для решения задачи человек активно строит гипотезы, принимает субъективную неопределенность, тем самым преодолевая ее (Корнилова Т.В., Степаносова О.В.). Так как человеком выбор осуществляется осмысленно и осознанно, то преодоление неопределенности становится его психологической характеристикой. Субъективная неопределенность понимается как субъективное восприятие и оценка неопределенности условий выбора при условии лимита времени, как борьба мотивов; интерпретация субъективной неопределенности схожа с интерпретацией фактора неуверенности при принятии решения. Личностный выбор самоопределяемых действий и решений, является условием преодоления и принятия неопределенности.

Экспериментальное исследование М.А. Чумаковой (2009, 2010) стало подтверждением стремления людей к неопределенности. В ходе исследования в закрытых задачах были выявлены две стратегии выбора:

1) ориентация на поиск информации и незамедлительное принятие решения для преодоления ситуации неопределенности – наличие данной стратегии определяет интеллектуально-личностный потенциал как неизменную характеристику личности;

2) стремление принять и сохранить ситуацию неопределенности – наличие данной стратегии говорит о возможности развития своего интеллектуально-личностного потенциала.

Е.Ю. Мандрикова (2006) в своих исследованиях деятельностно-смыслового направления проанализировала и систематизировала современные представления о выборе личности. Проблема личностного выбора, по мнению автора, более широко представлена в ситуации неопределенности, а к разрешению этой ситуации приводит осуществление выбора. Понятие выбора личности шире, чем понятие принятия решения (из нескольких альтернатив, сознательное предпочтение одной), и шире, чем понятие личностного выбора (направление внутренней деятельности через осознанный выбор одной из альтернатив и принятие ответственности за ее реализацию, которая приводит к разрешению ситуации неопределенности).

Таким образом, проведенный анализ работ в отечественной психологии показал, что разработка понятий объективной и субъективной неопределенности объединила в себе результаты исследований в психологии риска, когнитивных моделей принятия решений и психологии мышления. Объективная неопределенность основана на внешних условиях

выбора и принятия решений. Субъективная неопределенность связана с осмысленным выбором и принятием решений субъектом, их личностными и когнитивными факторами, с неполнотой информации о ситуации, а также с множественностью и разнообразием механизмов психологической регуляции принятия решений. Преодоление субъективной неопределенности достигается следующими способами:

- путем прогнозирования, через последовательное достижение субъектом промежуточных результатов при решении задач;
- путем рефлексии построения планов и способов преодоления неопределенности, изменения субъектом ориентировочной мыслительной деятельности;
- опорой на личностные ценности, личностный смысл и готовность к риску;
- единством интеллектуально-личностного потенциала в саморегуляции деятельности и принятия решения;
- принятием неопределенности, опорой на личностные ценности и личностный потенциал субъекта.

В отечественной психологии конструкт «толерантность к неопределенности» стал рассматриваться сравнительно недавно. Смысловое понятие «толерантность» обросло различными экспликациями, в результате чего были размыты его границы, а существенные признаки стали неочевидны (Гусев А.И., 2011).

Исследование понятия толерантность к неопределенности рассматривается в различных концептуальных подходах. Первый подход описан в работах Э. Френкель-Брунsvик в 1948 и в 1949 гг. в рамках изучения авторитарной личности. Теория черт в концепции восприятия, предложенная С. Баднером в 1962 г., определяет второй подход к анализу толерантности к неопределенности. Третий подход рассматривает толерантность к неопределенности в моделях рационального принятия решений и основывается на понятии «вероятность».

В 1948 и 1949 гг. в рамках проблем антисемитизма и этнических стереотипов Э. Френкель-Брунsvик впервые были предложены понятия «толерантность к неопределенности» и «интолерантность к неопределенности». В публикации «Интолерантность к неопределенности как эмоциональное восприятие личностной переменной», напечатанной в 1948 г., показано, что предрассудки проявляются в межличностных отношениях в целом, но чаще всего в детско-родительских отношениях и в концепциях полоролевого поведения. Склонные к предрассудкам люди отличаются однозначной категоризацией при оценке других людей (моральный–аморальный, сильный–слабый, чистый–грязный); поиском авторитета и опорой на его мнение; при решении актуальных задач отказом от сложившихся установок; нежеланием думать в контексте вероятностей.

В своей работе 1949 г. «Толерантность к неопределенности в качестве личностной переменной» Э. Френкель-Брунsvик характеризует толерантность к неопределенности как перцептивную и эмоциональную личностную переменную. Роль мотивационных факторов в процессе восприятия выступила для автора предметом научного интереса.

Психоаналитический концепт «эмоциональной амбивалентности», стал объяснением сосуществования противоположных установок, эмоций, чувств по отношению к объекту у одного индивида. Э. Френкель-Брунвик были необходимы факторы, которые можно было формализовать для научной валидации концепта эмоциональной амбивалентности. Она предположила, что на когнитивном уровне вытесненная амбивалентность может проявляться в виде неадекватного и ригидного восприятия реальности. В данной работе описана личность с высоким уровнем интолерантности к неопределенности. Главными характеристиками данной личности являются:

- принятие решений по принципу черное–белое;
- стремление в отношениях с другими людьми к безусловному принятию или отвержению;
- поспешность в выводах, без учета реального положения и значимых факторов.

Определяя толерантность/интолерантность к неопределенности, С. Баднер в 1962 г. поднимает вопрос о психологическом содержании конструкта «толерантность/интолерантность». Он предложил рассматривать интолерантность в качестве черты личности и охарактеризовал ее как способность интерпретировать ситуации неопределенности в качестве источников угрозы. Толерантность к неопределенности автор определяет в противовес интолерантности и характеризует ее как способность воспринимать неопределенные ситуации как желаемые.

С. Баднер отмечает, что интолерантность в поведении не реализуется, не проявляет в себе конкретные формы поведения, однако предпочтение тех или иных социальных феноменов и форм активности, а также поведения является проявлением интолерантности к неопределенности. Например, интолерантность не является причиной предпочтения цензуры, но в большинстве случаев предпочтение цензуры будет рассматриваться как признак интолерантности к неопределенности.

Таким образом, проведя анализ терминологии толерантности к неопределенности, представляется возможным выделить основные составляющие данного конструкта:

- когнитивный – восприятие и интерпретация субъектом неопределенных ситуаций и стимулов;
- аффективный – эмоциональная оценка субъектом неопределенных ситуаций и стимулов;
- поведенческий – реакции субъекта на неопределенные ситуации и стимулы.

Рассмотренное в контексте черт понятие «толерантность к неопределенности» понимается как устойчивая личностная черта, способная предсказывать и описывать поведение человека в неопределенной ситуации.

На современном этапе психология принятия решений рассматривается в тенденции разработки новой методологии психологической регуляции выбора. Основные положения данной методологии заключаются в представлении о незаданности и открытости регулятивных профилей любого выбора, при этом условия деятельностных и

внедеятельностных форм активности человека заключаются в произвольных и самоопределяемых действиях. Концепции негативного выбора В.М. Аллаhverдова (2003), когнитивного диссонанса Л. Фестингера (2000) содержат идею выбора в условиях неопределенности. Использование данных подходов к исследованию феномена «толерантность к неопределенности» указывает на возможность введения новых трактовок феномена или дополнения уже существующих.

Таким образом, анализ понятия «толерантность к неопределенности», рассмотренный в различных подходах, позволил установить следующее:

- феномен толерантности к ситуациям неопределенности является сложным понятием, для характеристики которого используются различные теоретические конструкты: «когнитивный стиль», «тип индивидуальности», «личностная черта», «процесс принятия риска», «система убеждений»;
- подходов к характеристике феномена толерантности к неопределенности может быть представлено следующим образом: переход от анализа описательных стратегий к выделению устойчивых индивидуально-психологических качеств человека, способных объяснить его поведение в ситуации неопределенности (личностная черта, когнитивный стиль);
- использование различных подходов для объяснения феномена толерантности к неопределенности предоставляет возможность построения исследования феномена в различных интегративных моделях.

В отечественной психологии, несмотря на актуальность проблемы копинг-поведения, работ посвященных данной тематике сравнительно немного. Начало первых работ по исследованию копинг-поведения отечественными психологами приходится на девяностые годы прошлого века. Авторы исследований стресс-преодолевающего поведения изучали не только здоровых индивидов (Якунин И.А., Крюкова Т.Л.), но и лиц с различными заболеваниями, носящими хронический характер (Исаева Е.Р., Сирота Н.А., Соболев В.А., Давыдова И.А., Ялтонский В.М.), подростков (Сирота Н.А., Корнилова К.И.), лиц экстремальных профессий (Ашанина, Е.Н., Бухвостов, А.В., Ковтун Е.В., Вассерман, Л.И., Исаева, Е.Р., Новожилова, М.Ю., Щелкова, О.Ю., Матицина Е.Н., Рыбников, В.Ю., Ашанина, Е.Н., Корытов Г.С.). Наличие сравнительно небольшого количества работ, посвященных исследованию копинг-поведения у сотрудников правоохранительных органов, все же позволяет нам определить основные направления в исследованиях отечественных ученых.

Одно из фундаментальных исследований копинг-поведения сотрудников МВД России провел И.Б. Лебедев (2002). При изучении психологических механизмов копинг-поведения у сотрудников автор выявил, что многоуровневые детерминанты поведения человека в условиях стрессовой ситуации взаимодействуют и взаимодополняются бессознательными и сознательными психическими компонентами психики. Как отмечает И.Б. Лебедев, копинг-поведение и психологический стресс определяются многоуровневой психосемантической организацией сознания и многомерной когнитивной оценкой угрозы, анализ которой выполняется на различных уровнях психики. Первая когнитивная оценка является осознанной, а последующие недоступны для сознания. Скрытые для сознания когнитивные оценки угрозы усиливают свое влияние на поведение и ограничивают зону сознания в результате усиления стресса.

Е.Н. Пономаренко (2006) провела исследование по изучению копинг-поведения работников следственных подразделений МВД России. По результатам исследования автор делает следующие выводы: копинг-поведение следственных работников составляет многокомпонентное психологическое явление, которое проявляется в адаптивной и дезадаптивной формах; характеристикой копинг-поведения следственных работников является сложная динамическая структура взаимодействия копинг-ресурсов и копинг-стратегий, между которыми определяются многоуровневые связи.

Особенности копинг-поведения оперуполномоченных криминальной милиции МВД исследовал в своей работе В.И. Солдатов (2009). Автор пришел к выводу, что успешность профессиональной деятельности обуславливается в значительной мере высоким уровнем копинг-поведения. Высокий уровень стресс-преодолевающего поведения достигается активным использованием таких копинг-стратегий, как «агрессивные действия», «вступление в социальный контакт», «манипулятивные действия». У оперативных сотрудников с низким уровнем совладающего поведения преобладает использование таких копинг-стратегий, как «осторожные действия», «манипулятивные действия», «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки». С увеличением срока службы в должности оперуполномоченного, уровень стресс-преодолевающего поведения у сотрудника становится более определенным.

А.П. Шихова (2009) проводила исследование стресса в профессиональной деятельности сотрудников дознания спецподразделений ОВД. По результатам исследования автор сделала следующие выводы: совладающее поведение у сотрудников в состоянии профессионального стресса обусловлено использованием неконструктивных копинг-стратегий пассивного, манипулятивного и асоциального типов и механизма психологической защиты «регрессия». Высокая стрессоустойчивость у сотрудников связана с использованием активных и просоциальных копинг-стратегий, развитию профессионального стресса способствует использование неконструктивных стратегий (пассивных и асоциальных).

При изучении совладающего поведения у руководителей ОВД И.Ю. Кобозев (2011) пришел к выводу, что в результате профессионального стресса активная адаптивная стратегия «ассертивные действия» является наименее выраженной, а такие копинг-стратегии, как «избегание», «осторожные действия», «асоциальные действия», «непрямые действия», имеют более высокие показатели использования.

В.А. Корчмарюк (2010) в своем исследовании выделяет бессознательные аспекты копинг-стратегий в правоохранительной деятельности. По мнению автора, для совладания со стрессом сотрудники правоохранительных органов используют бессознательные личностно-средовые копинг-ресурсы, такие как развитость восприятия социальной поддержки, локус контроля над средой, эмпатия и аффилиация, позитивная Я-концепция, наличие эффективной социальной поддержки. Молодые сотрудники используют псевдоадаптивную дисфункциональную модель копинг-поведения. Признаки данной модели: использование как активных, так и пассивных базисных копинг-стратегий; в качестве ведущей базис стратегии выступает стратегия «поиск социальной поддержки», мало задействована копинг-стратегия «разрешение проблем».

И.С. Бусыгина и Е.В. Распопин (2009) в своей работе исследовали внутриличностные ресурсы сотрудников ФСИН, которые обуславливают устойчивость к стрессу. Как показало

исследование, стрессоустойчивые сотрудники прибегают к использованию копинг-стратегий «планирование решения проблем», «самоконтроль», «принятие ответственности». Сотрудники со сниженной стрессоустойчивостью в большей степени используют копинг-стратегии «дистанцирование» и «поиск социальной поддержки».

И.В. Рябченко (2007) провела исследование базисных копинг-стратегий у «успешных» и «неуспешных» сотрудников ОВД. «Успешные» сотрудники используют стратегию «разрешение проблем» и «поиск социальной поддержки», копинг-стратегия «избегание» находится у них на последнем месте. «Неуспешные» сотрудники в качестве базисной используют стратегию «избегание», на втором месте – стратегия «поиск социальной поддержки», на последнем месте – копинг-стратегия «разрешение проблем».

Е.В. Бурцева (2012) в своей работе рассматривала взаимодействие между этапами личностного самоуправления и копинг-стратегиями у сотрудников уголовного розыска. И.Л. Аристова, А.В. Шкондин (2012) исследовали копинг-стратегии у сотрудников ОМОН. Авторы рассматривали связи между выбором стратегий копинг-поведения и возрастом сотрудников, а также стаж работы и участие в боевых действиях. По результатам исследования авторы сделали следующие выводы: возраст сотрудников не влияет на выбор стратегий; при увеличении стажа работы в должности бойца ОМОН копинг-стратегии меняются с адаптивных на неадаптивные; участие в боевых действиях способствует выбору эмоционально оптимистической стратегии, а также формированию механизма психологической защиты «отрицание».

Стоит отметить исследования, проводимые некоторыми авторами среди лиц, чья деятельность относится к экстремальному профилю. В большинстве случаев это сотрудники МЧС. В данном направлении фундаментальной работой является исследование, проведенное Е.Н. Ашаниной (2011). Согласно полученным данным, автор пришла к выводу, что стресс-преодолевающее поведение сотрудника МЧС зависит от типа ситуации и обуславливается сформированностью типов поведения (дезадаптивное, адаптивное, псевдоадаптивное), а также выраженностью базисных стратегий («поиск социальной поддержки», «разрешение проблем») и низкой выраженностью копинг-стратегии «избегание».

Таким образом, можно выделить основные направления в исследованиях копинг-поведения и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов – рассматривается влияние на выбор копинг-стратегий возраста сотрудников, стажа службы в правоохранительных органах, участия в боевых действиях; при определении базисных копинг-стратегий рассматривается взаимосвязь с копинг-ресурсами, как индивидуально-психологическими, так и средовыми.

Исследования стратегий совладающего поведения в ситуациях неопределенности были рассмотрены в работах разных авторов, среди которых можно выделить Е.В. Битюцкую (2007, 2015), Т.П. Бутенко (2009), Т.В. Корнилову (2003, 2014, 2015), И.Н. Леонова (2015) и др.

В диссертационном исследовании Т.П. Бутенко неопределенность рассматривается в контексте сложных жизненных ситуаций и совладающего поведения с ними. Однако были выявлены некоторые противоречия. Не всякая ситуация неопределенности воспринимается как трудная, и не всякая трудная жизненная ситуация является неопределенной.

Неопределенность рассматривается как один из признаков трудной жизненной ситуации в исследовании Е.В. Битюцкой (2015). В данной работе неопределенность ситуации характеризуется: как отсутствие понимания происходящего, неопределенность и неочевидность исхода ситуации, сильные эмоциональные состояния. При восприятии субъектом жизненной ситуации как неопределенной и не подконтрольной повышается вероятность использования копинг-стратегии «уход от проблем».

Исследования Т.В. Корниловой показали, что для использования продуктивных копинг-стратегий человеку необходимо принять неопределенность. Одним человеком трудные жизненные ситуации могут быть восприняты как субъективно трудные, а для других это может быть вызов своим возможностям.

Неопределенность является одним из факторов, влияющих на специфику копинг-поведения. В.А. Бодров (1996) показывает что, ситуация неопределенности приводит к ощущению беспомощности и способствует возрастанию стрессогенной реакции. Оценка ситуации затрудняется в условиях повышенной неопределенности, таким образом, на первый план выходит копинг связанный с поиском информации.

Е.Н. Львова, О.В. Митина, Е.И. Шлягина (2015) в своей работе рассматривают толерантность к неопределенности как один из ключевых ресурсов личности при преодолении стрессовых ситуаций, который в совладающем поведении способствует к выбору конструктивных копинг-стратегий.

Н.Н. Лазо (2015) рассматривает толерантность к неопределенности как стержневой компонент личностного потенциала, который позволяет руководителям образовательных учреждений выполнять профессиональную деятельность в ситуациях повышенной психологической нагрузки, ситуации неопределенности, а так же эффективно преодолевать жизненные трудности.

К.Г. Маширина, О.Н. Первушина, О.А. Джафарова (2008) в своем исследовании показали, что толерантность способствует эффективному выбору копинг-стратегий в ситуации неопределенности, а интолерантность лежит в основе выбора неэффективных копинг-стратегий.

Таким образом, анализ исследований влияния толерантности к неопределенности на выбор копинг-стратегий показал:

- толерантность к неопределенности рассматривается как один из ключевых ресурсов личности при преодолении стрессовых ситуаций;
- ориентированность на сбор информации и готовность к риску, высокие показатели толерантности способствуют проблемно-ориентированному копингу;
- в условиях повышенной неопределенности оценка ситуации затрудняется, таким образом, на первый план выходит копинг, связанный с поиском информации;
- высокие показатели толерантности к неопределенности способствуют выбору проблемно-ориентированных копинг-стратегий, а интолерантности к неопределенности – выбору эмоционально-ориентированного копинга.

Литература

1. *Аллахвердов В.М.* Опыт теоретической психологии. СПб., 2003. 325 с.
2. *Аристова И.Л., Шкондин А.В.* Стратегии совладающего поведения бойцов ОМОН // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Научно-практическая конференция с международным участием: сб. науч. статей / Под ред. Р.В. Кадырова. Владивосток: Владивостокский государственный медицинский университет, 2012. С. 106–111.*
3. *Ашанина Е.Н.* Психология копинг-поведения сотрудников государственной противопожарной службы МЧС России: концепции, модель, технологии: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2011. 38 с.
4. *Битюцкая Е.В., Баханова Е.А., Корнеев А.А.* Моделирование процесса совладания с трудной жизненной ситуацией // *Национальный психологический журнал.* 2015. № 2(18). С. 41–55.
5. *Бодров В.А.* Когнитивные процессы и психологический стресс // *Психологический журнал.* 1996. Т. 17. № 4. С. 64–74.
6. *Бурцева Е.В.* Самоуправление и копинг-поведение сотрудников уголовного розыска // *Инициативы XXI века.* 2012. № 1. С. 115–117.
7. *Бусыгина И.С., Распопин Е.В.* Внутрличностные ресурсы стрессоустойчивости личности // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология».* 2013. Т. 6. № 2. С. 93–96.
8. *Бутенко Т.П.* Субъективная неопределенность жизненных ситуаций: когнитивно-эмоциональные оценки и стратегии поведения: дисс. канд. психол. наук. М., 2009. 278 с.
9. *Вассерман Л.И., Исаева Е.Р., Новожилова М.Ю., Щелкова О.Ю.* Психологические механизмы совладания со стрессом профессиональной деятельности (на модели лиц «опасных» профессий) // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* 2008. Сер. 12. Вып. 4. С. 364–372.
10. *Гусев А.И.* Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала // *Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 300–329.*
11. *Кобозев И.Ю.* Профессиональный стресс руководителей органов внутренних дел и его психопрофилактика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 24 с.
12. *Корнилова Т.В.* Принцип неопределенности в психологии выбора и риска [Электронный ресурс] // *Психологические исследования.* 2015. Т. 8. № 40. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.04.2017).
13. *Корчмарюк В.А.* Бессознательные аспекты копинг-стратегий поведения в правоохранительной деятельности // *Вестник Санкт-Петербургского*

университета МВД России. 2010. № 1(45). С. 214–217.

14. Кринчик Е.П. Психологические проблемы трудовой деятельности в условиях неопределенности // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1979. № 3. С. 14–23.
15. Лазо Н.Н. Личностный потенциал лиц, осуществляющих руководство в образовании (на примере толерантности к неопределенности) // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2015. № 43. С. 12–17.
16. Лебедев И.Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс преодолеляющего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля (на примере сотрудников МВД России): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2002. 30 с.
17. Лустина Е.А. Преодоление ситуации неопределенности в процессах мышления и воображения // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 122–125.
18. Львова Е.Н., Митина О.В., Шлягина Е.И. Личностные предикторы совладающего поведения в ситуации неопределенности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 4–12.
19. Мандрикова Е.Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006. 28 с.
20. Матицына Е.Н. Психологические особенности защитно-совладающего поведения сотрудников государственного пожарного надзора и пожарных частей ГПС МЧС России: автореф дисс. ...канд. психол. наук. СПб., 2012. 24 с.
21. Маширина К.Г., Первушина О.А., Джафарова О.А. Изменение стратегий поведения человека в ситуации неопределенности в курсе игрового компьютерного биоуправления // Сибирский психологический журнал. 2008. № 28. С. 16–20.
22. Михайлов С.В. Психологические особенности мышления следователя в ситуациях неопределенности ориентиров поиска при решении профессиональных задач: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006. 154 с.
23. Поддьяков А.Н. Психология обучения в условиях новизны, сложности, неопределенности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.04.2017).
24. Пономаренко Е.Н. Психологические особенности копинг поведения следователя МВД России: дисс. ... канд. психол. наук. СПб.: СПб Ун-т МВД России. 2006. 134 с.
25. Рыбников В.Ю., Ашанина Е.Н. Психология копинг поведения специалистов опасных профессий.: монография. СПб.: ВЦЭРМ, 2011. 120 с.
26. Рябченко И.В. Психология совладающего поведения сотрудников ОВД // Педагогика в правоохранительных органах. 2007. № 2(29). С. 59–61.

27. *Солдатов В.И.* Особенности и прогнозирование стресс-преодолевающего поведения в деятельности оперуполномоченных криминальной милиции МВД России: автореф. ... дисс. канд. психол. наук. СПб. 2009. 23 с.
28. Справочник практического психолога. Психодиагностика / Под общ. ред. С.Т. Посоховой. Спб.: Сова, 2006. 671 с.
29. *Степаносова О.В.* Интуитивные компоненты в процессе принятия решения: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004. 25 с.
30. *Тихомиров О.К.* Структура мыслительной деятельности (опыт теоретического и экспериментального исследования). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 304 с.
31. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. Спб.: «Речь», 2000. 320 с.
32. *Чумакова М.А.* Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010. 29 с.
33. *Шихова А.П.* Профессиональный стресс в деятельности сотрудников специализированных подразделений дознания органов внутренних дел: автореф. ... дисс. канд. психол. наук. СПб., 2009. 23 с.
34. *Budner S.* Intolerance of ambiguity as a personality variable // *Journal of personality.* 1962. Vol. 30. № 1. P. 29–50.
35. *Frenkel-Brunswick E.* Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // *Journ. of Personality.* 1949. Vol. 11. № 1. P. 108–143.
36. *Frenkel-Brunswick E.* Tolerance towards ambiguity as a personality variable // *The American Psychologist.* 1948. № 3. P. 268–288.

Analytical review of studies on uncertainty and the study of coping strategies in law enforcement officers

Rogachev V. A., master of psychology, graduate of the Department of clinical and forensic psychology of the faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (elk.73@mail.ru)

Konopleva I. N., Ph. D. in psychology, associate Professor, associate Professor of clinical and forensic psychology Department, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (ing01@mail.ru)

The paper deals with the problem of studying tolerance to uncertainty and coping behavior of law enforcement officers. The theoretical aspects of the problem are analyzed, the specificity of the use of the category "uncertainty" in psychology is revealed. The article presents the history of the formation of the construct of tolerance / tolerance to uncertainty in psychology, the current state of the problem of tolerance to uncertainty in psychology. The problem of studying the coping behavior of law enforcement officers is considered. Coping behavior, its essence and main components are characterized. The main directions in the study of coping strategies of law enforcement officers. The interrelationship and influence of tolerance to uncertainty on coping strategy of coping behavior in different spheres of activity are considered. It is shown that the coping behavior consists of coping strategies and coping resources. In psychological studies, tolerance to uncertainty is considered as one of the key resources of the individual in dealing with stressful situations.

Key words: the situation of uncertainty, tolerance/intolerance to uncertainty, coping behavior, coping strategies, coping resources, and law enforcement officers.

References

1. Allahverdov V.M. Opyt teoreticheskoy psihologii [the Experience of theoretical psychology]. SPb., 2003. 325 p.
2. Aristova I.L., Shkondin A.V. Strategii sovladajushhego povedenija bojcov OMON. Lichnost' v jekstremal'nyh uslovijah i krizisnyh situacijah zhiznedejatel'nosti: Sbornik nauchnyh statej nauchno- prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Strategies of coping behavior OMON fighters // the Person in extreme conditions and crisis situations of life: Scientific and practical conference with international participation: collection of scientific works articles]. Kadyrov R.V. (eds.). Vladivostok: Vladivostokskij gosudarstvennyj medicinskij universitet, 2012. P. 106-111.

3. Ashanina E.N. Psihologija koping-povedenija sotrudnikov gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MChS Rossii: koncepcii, model', tehnologii. Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. [Psychology of coping behavior of employees of the state fire service of EMERCOM of Russia: concepts, model, technology. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saint-Petersbourg, 2011. 38 p.
4. Bitjuckaja E.V., Bahanova E.A., Korneev A.A. Modelirovanie processa sovladanija s trudnoj zhiznennoj situaciej [Modeling the process of coping with a difficult life situation]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal [National psychological journal]*. 2015. no. 2(18). pp. 41-55.
5. Bodrov V.A. Kognitivnye processy i psihologicheskij stress [Cognitive processes and psychological stress]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*. 1996. Vol. 17. no. 4. pp. 64–74.
6. Burceva E.V. Samoupravlenie i koping-povedenie sotrudnikov ugovnogo rozyska [Self-government and coping behavior of criminal investigation officers]. *Iniciativy XXI veka [Initiatives of the XXI century]*. 2012. no 1. pp. 115-117.
7. Busygina I.S., Raspopin E.V. Vnutrilichnostnye resursy stressoustojchivosti lichnosti [Raspopin Intrapersonal resources of stress tolerance of the personality]. *Vestnik JuUrGU. Serija «Psihologija» [Vestnik of SUSU. Series "Psychology"]*. 2013. Vol.6. no. 2. pp. 93-96.
8. Butenko T.P. Sub`ektivnaja neopredelennost' zhiznennyh situacij: kognitivno-jemocional'nye ocenki i strategii povedenija. Diss. kand. psihol. nauk. [Subjective uncertainty situations: a cognitive-emotional assessment and behavioral strategies. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2009. 278 p.
9. Vasserman L.I., Isaeva E.R., Novozhilova M.Ju., Shhelkova O.Ju. Psihologicheskie mehanizmy sovladanija so stressom professional'noj dejatel'nosti (na modeli lic «opasnyh» professij) [Psychological mechanisms of coping with stress professional activity (on the model of individuals "dangerous" professions)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik of Saint Petersburg University]*. 2008. (12).Vol. 4. pp. 364-372.
10. Gusev A.I. Tolerantnost' k neopredelennosti kak sostavljajushhaja lichnostnogo potenciala. Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika [the Tolerance of ambiguity as a component of personal potential] In Leont'ev D.A. (eds.). Moscow: Smysl, 2011. pp. 300-329.
11. Kobozev I.Ju. Professional'nyj stress rukovoditelej organov vnutrennih del i ego psihoprofilaktika. Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. [Occupational stress of managers of internal Affairs bodies and its prevention. PhD (Psychology) Thesis]. SPb., 2011. 24p.
12. Kornilova T.V. Princip neopredelennosti v psihologii vybora i riska [Elektronnyj resurs] [The principle of uncertainty in the psychology of choice and risk]. *Psihologicheskie issledovanija [Psychological research]*. 2015. Vol. 8. no. 40. pp. 3. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 02.04.2017).

13. Korchmarjuk V.A. Bessoznatel'nye aspekty koping-strategij povedenija v pravooxranitel'noj dejatel'nosti [Unconscious aspects of coping strategies of behavior in law enforcement]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik of Saint Petersburg University of MIA of Russia]*. 2010.no. 1(45). pp. 214-217.
14. Krinchik E.P. Psihologicheskie problemy trudovoj dejatel'nosti v uslovijah neopredelennosti [Psychological problems of the labour activity in the conditions of uncertainty]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14, Psihologija [Vestnik of Moscow University. Ser. 14: Psychology]*. 1979. no.3. pp. 14-23.
15. Lazo N.N. Lichnostnyj potencial lic, osushhestvljajushhих rukovodstvo v obrazovanii (na primere tolerantnosti k neopredelennosti) [Personal potential of persons who exercise leadership in education (on the example of tolerance to uncertainty)]. *Psihologija i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primenenija [Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application]*. 2015. no. 43. pp. 12-17.
16. Lebedev I.B. Psihologicheskie mehanizmy, strategii i resursy stress preodolevajushhego povedenija (koping-povedenija) specialistov jekstremal'nogo profilja (na primere sotrudnikov MVD Rossii). Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk [Psychological mechanisms, strategies and resources for overcoming stress behavior (coping behavior) of specialists of extreme profile (for example, employees of the interior Ministry of Russia). Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Siant-Petersbourg, 2002. 30 p.
17. Lustina E.A. Preodolenie situacii neopredelennosti v processah myshlenija i voobrazhenija [Overcoming the situation of uncertainty in the processes of thinking and imagination]. *Voprosy psihologii [Question of psychology]*. 1982. no. 5. pp. 122-125.
18. L'vova E.N., Mitina O.V., Shljagina E.I. Lichnostnye prediktory sovladajushhego povedenija v situacii neopredelennosti [Elektronnyj resurs] [Personal predictors of coping behavior in situations of uncertainty [Electronic resource]]. *Psihologicheskie issledovanija [Psychological research]*. 2015. Vol. 8. no. 40. pp. 4-12.
19. Mandrikova E.Ju. Vidy lichnostnogo vybora i ih individual'no-psihologicheskie predposylki. Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk [The types of personal choice and individually-psychological preconditions. PhD (Psychology) Thesis]. Moscow, 2006. 28 p.
20. Maticyna E.N. Psihologicheskie osobennosti zashhitno-sovladajushhego povedenija sotrudnikov gosudarstvennogo pozharnogo nadzora i pozharnyh chastej GPS MChS Rossii. Avtoref. diss. ...kand. psihol. nauk [Psychological peculiarities of protective and coping behavior of employees of the state fire supervision and fire departments of state fire service of EMERCOM of Russia. PhD (Psychology) Thesis]. Saint-Petersbourg, 2012. 24 p.
21. Mashirina K.G., Pervushina O.A., Dzhafarova O.A. Izmenenie strategij povedenija cheloveka v situacii neopredelennosti v kurse igrovogo komp'juternogo bioupravlenija [Changing strategies of human behavior in situations of uncertainty to date gaming computer biofeedback]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal [Siberian psychological journal]*. 2008. no. 28. pp. 16-20.

22. Mihajlov S.V. Psihologicheskie osobennosti myshlenija sledovatelja v situacijah neopredelennosti orientirov poiska pri reshenii professional'nyh zadach. Diss. ... kand. psihol. nauk. [Psychological features of the investigator's thinking in situations of uncertainty of search reference points in solving professional problems. PhD (Psychology) Thesis]. Moscow, 2006. 154 p.
23. Podd'jakov A.N. Psihologija obuchenija v uslovijah novizny, slozhnosti, neopredelennosti [Elektronnyj resurs] [Educational psychology in terms of novelty, complexity, uncertainty [Electronic resource]]. Psihologicheskie issledovanija [Psychological research]. 2015. Vol. 8. no. 40. pp. 6. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 02.04.2017).
24. Ponomarenko E.H. Psihologicheskie osobennosti koping povedenija sledovatelja MVD Rossii. Diss. ... kand. psihol.nauk. [Psychological features of coping behavior of the investigator of the Ministry of internal Affairs of Russia. PhD (Psychology) Thesis]. Saint-Petersbourg, 2006. 134 p.
25. Rybnikov V.Ju., Ashanina E.N. Psihologija koping povedenija specialistov opasnyh professij. Monografija. [Psychology coping behavior specialists of hazardous occupations.: monograph] SPb.: VCJeRM, 2011. 120 p.
26. Rjabchenko I.V. Psihologija sovladajushhego povedenija sotrudnikov OVD. Pedagogika v pravoohranitel'nyh organah [Psychology of coping behavior of police officers / / Pedagogics in law enforcement agencies]. 2007. no. 2(29). pp. 59-61.
27. Soldatov V.I. Osobennosti i prognozirovanie stress-preodolevajushhego povedenija v dejatel'nosti operupolnomochennyh kriminal'noj milicii MVD Rossii. Avtoref. ... diss. kand. psihol. nauk . [Features and forecasting of stress-overcoming behavior in activity of operatives of criminal militia of the Ministry of internal Affairs of Russia]. Saint-Petersbourg. 2009. 23 p.
28. Spravochnik prakticheskogo psihologa. Psihodiagnostika [A Handbook of a practical psychologist. Psychodiagnosics]. In Posohovoj S.T. (eds.). Saint-Petersbourg. Publ. Sova, 2006. 671 p.
29. Stepanosova O.V. Intuitivnye komponenty v processe prinjatija reshenija. Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. [Intuitive components in the decision-making process. PhD (Psychology) Thesis] Moscow, 2004. 25 p.
30. Tihomirov O.K. Struktura myslitel'noj dejatel'nosti (opyt teoreticheskogo i jeksperimental'nogo issledovanija) [Structure of mental activity (experience of theoretical and experimental research)]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1969. 304 p.
31. Festinger L. Teorija kognitivnogo dissonansa [Theory of cognitive dissonance.]. SPb.: «Rech'», 2000. 320 p.
32. Chumakova M.A. Lichnostnye predposylki racional'nogo vybora v uslovijah neopredelennosti. Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk [Personal prerequisites of rational choice in conditions of uncertainty: the author. PhD (Psychology) Thesis]. Moscow, 2010. 29 p.

33. Shihova A.P. Professional'nyj stress v dejatel'nosti sotrudnikov specializirovannyh podrazdelenij doznaniya organov vnutrennih del. Avtoref. ... diss. kand. psihol. nauk [Occupational stress in the activities of the specialized units of inquiry of the internal Affairs bodies. PhD (Psychology) Thesis]. Saint-Petersbourg, 2009. 23 p.
34. Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable [Intolerance of ambiguity as a personality variable]. *Journal of personality [Journal of personality]*. 1962. Vol. 30. no. 1. pp. 29-50.
35. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *Journ. of Personality*. 1949. Vol.11. no. 1. pp. 108–143.
36. Frenkel-Brunswick E. Tolerance towards ambiguity as a personality variable. *The American Psychologist*. 1948. № 3. Pp. 268-

Связь психологических границ личности с эмоциональным интеллектом и самоотношением в юношеском возрасте

Дегтярёв А.В., старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ (DegtyarevAV@mgppu.ru)

Дегтярёва Д.И., педагог-психолог, специалист кафедры основ клинического психоанализа факультета психоанализа, Московский институт психоанализа (erofeeva-dasha@mail.ru)

В работе приводятся результаты эмпирического исследования, главными задачами которого являлось выявление, описание и интерпретация значимых (уровень значимости $p=0,05$) корреляционных связей между особенностями психологических границ, эмоционального интеллекта и самоотношения в юношеском возрасте. Выборку составили 50 студентов, обучающихся на факультете юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета. Основной гипотезой выступает предположение о существовании значимых связей между различными функциями психологических границ, особенностями эмоционального интеллекта и, самоотношения и, в целом, индивидуально-психологическими особенностями личности. В ходе исследования было получено большое количество положительных и отрицательных связей. В целом, можно говорить о том, что юноши, отличающиеся высоким уровнем сформированности психологической границы, обладают более высоким уровнем эмоционального интеллекта, при этом юноши с низкой сформированностью психологической границы, обладают низким уровнем эмоционального интеллекта, а также у них выявляется тенденция к повышению личностной тревожности и к высокой степени самообвинения.

Ключевые слова: психологическая граница личности, эмоциональный интеллект, личностные особенности, самоотношение, юношеский возраст.

Для цитаты:

Дегтярев А.В., Дегтярева Д.И. Связь психологических границ личности с эмоциональным интеллектом и самоотношением в юношеском возрасте. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 1. С. 44-62. doi: 10.17759/psylaw.2018080104

For citation:

Degtyarev A.V., Degtyareva D.I. Connectivity between the psychological boundaries of the

individual with emotional intelligence and self-relationship in adolescence. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiia i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.44-62. doi: 10.17759/psylaw.2018080104

Актуальность исследования обусловлена тем, что юность можно рассматривать как период стабилизации личности, в который складывается система устойчивых взглядов на мир и место человека в нем. Потребность в самореализации диктует юношам искать свое место в обществе и успешно адаптироваться в нем. Такой успешной адаптации способствует развитие различных компонентов личности. Одними из наиболее значимых для данного исследования являются такие компоненты, как: психологические границы, эмоциональный интеллект и самоотношение [1; 2; 3; 5]. Данный выбор обусловлен тем, что рассматриваемые конструкты, хоть и формируются на протяжении всей жизни, но пик их становления приходится именно на юношеский возраст. Такое энергичное развитие тесно связано с совершенствованием рефлексии, берущей свое начало в подростковом возрасте, а также с собственной активностью индивида, приобретающей особую значимость в юношеском возрасте. Феномен психологических границ можно считать самым «древним» из рассматриваемых компонентов. Так, в западной психологии представители психодинамического направления сошлись во мнении, что формирование и развитие психологических границ происходит в тесном телесном и эмоциональном контакте ребенка с матерью посредством преодоления симбиотических отношений и ощущением себя отдельным существом [4]. Несмотря на то, что данный вопрос затрагивается в западных концепциях с начала XX в., к проблеме его изучения в отечественной психологии стали подходить только в последнее десятилетие. Недостаточная изученность феномена психологических границ позволяет говорить о новизне данного исследования. В связи с этим, целью исследования является анализ связей между функциями психологических границ личности и компонентами эмоционального интеллекта и самоотношения.

Основными гипотезами выступают следующие предположения:

- сдерживающая функция психологической границы личности связана с эмоциональной стабильностью личности;
- спокойно-нейтральная функция психологической границы личности связана с внутриличностным и межличностным эмоциональным интеллектом;
- вбирающая функция психологической границы личности связана с самопринятием.

В соответствии с целью исследования были выбраны следующие методики:

- 1) «Методика диагностики психологической границы личности» Т.С. Леви;
- 2) «Методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла»;
- 3) «Тест эмоционального интеллекта» Д.В. Люсина;
- 4) «Опросник самоотношения» В.В. Столина, С.Р. Пантелеева.

В исследовании приняли участие 50 человек (6 юношей и 44 девушки) – студенты первого курса факультета юридической психологии МГППУ, в возрасте от 18 до 19 лет.

На первом этапе сравнительного анализа значений было выявлено, что показатели по всем методикам находятся на приблизительно среднем уровне.

Данные, полученные по методике диагностики психологической границы личности, визуально находятся в диапазоне средних значений (рис. 1). Такие результаты говорят о среднем уровне сформированности психологической границы личности, но его нельзя назвать оптимальным. Формирование оптимальной психологической границы личности характеризуется не только достаточно высоким уровнем развития всех функций, но и их сбалансированностью [4]. Другими словами, если человек может быть активным в принятии ресурсов из окружающего мира, но в выражении внутренних импульсов вовне он испытывает трудности, сформированность его психологической границы нельзя назвать оптимальной.

Несмотря на средний уровень большей части шкал, особое внимание стоит уделить таким функциям, как «Невпускающая» и «Вбирающая», так как они являются высшим и нижним пиками составленного профиля. Эти данные могут свидетельствовать о том, что лучше всего в юношеском возрасте развита функция границы, отвечающая за «защиту» от внешних воздействий, если таковые оцениваются индивидом как вредные. Слабее остальных развита вбирающая функция психологической границы личности, задачей которой является брать желаемое от окружающего мира. Если рассматривать данную функцию как внутреннее ощущение человеком возможности удовлетворения своих потребностей, то можно сделать вывод, что юношам сложно открыто заявить о своих желаниях или потребностях.

Рис. 1. Средние значения по методике «Диагностика психологической границы личности»

Полученные результаты по методике «Тест эмоционального интеллекта» по всем шкалам находятся в рамках средних значений (рис. 2).

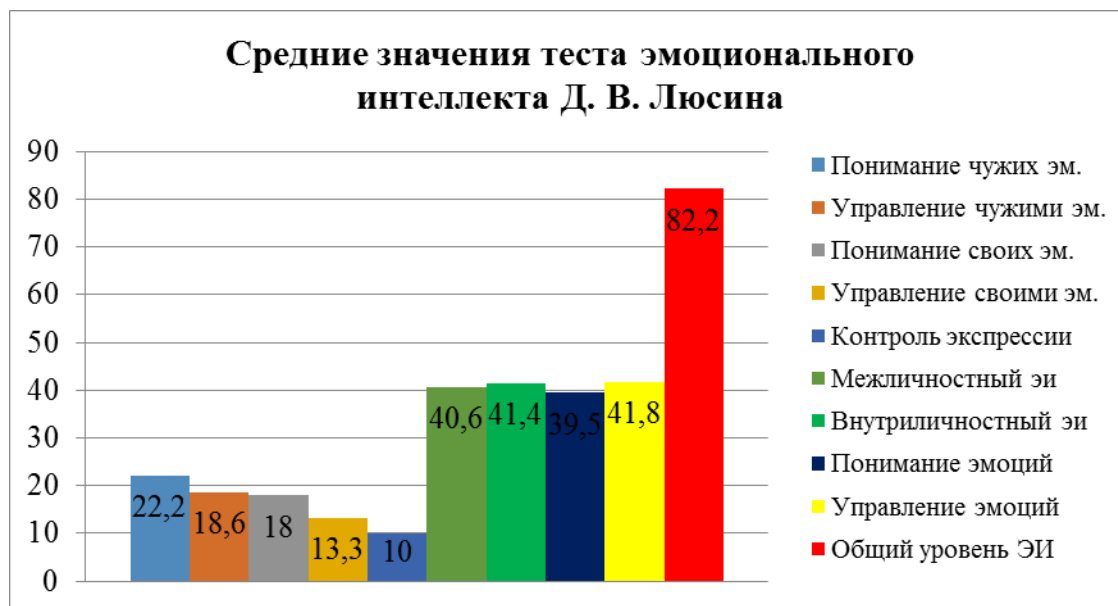

Рис. 2. Средние значения по методике «Тест эмоционального интеллекта»

Другими словами, в данной выборке умеренно выражена способность к пониманию и управлению своими эмоциями и эмоциями других людей, а также к контролю экспрессии. Такие средние значения могут указывать на недостаточное понимание себя и других людей в юношеском возрасте. Что не удивительно, так как юношеский возраст служит переходным звеном от подросткового периода к взрослости, и в это время как раз происходит более глубокое и осознанное познание себя и окружающих людей. Однако полученные средние результаты можно трактовать и с другой стороны. При обработке результатов была выявлена интересная тенденция, в которой прослеживается разбиение результатов на три полюса: очень высокие, средние и очень низкие показатели. Возможно, именно такое разделение результатов и стало основополагающим для определения средних значений.

Результаты, полученные по методике самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантिलеева, условно можно разделить на две группы (рис. 3):

- 1) значения выше средних;
- 2) средние значения.

В первую группу входят следующие шкалы: «Открытость», «Саморуководство», «Зеркальное Я», «Самоценность», «Самопринятие», «Самоуважение», «Аутосимпатия». Во вторую группу – «Самоуверенность», «Самопривязанность», «Конфликтность», «Самообвинение», «Внутренняя неустойчивость».

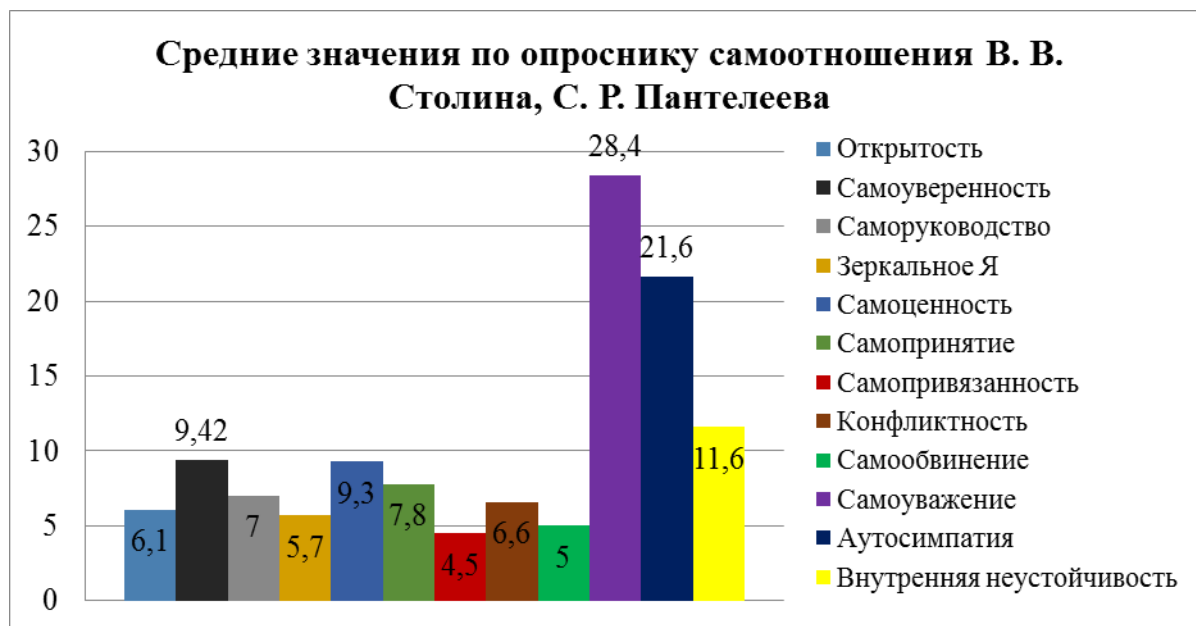

Рис. 3. Средние значения по методике «Опросник самоотношения»

Полученные результаты, могут говорить о том, что в данной группе наблюдаются представления о себе как об открытом, целеустремленном человеке, личность и характер которого, способны вызывать у других людей симпатию, уважение, принятие и одобрение. Также в группе прослеживается представление о себе как источнике собственной активности, как в деятельности, так и в тех сферах, которые касаются личности субъекта, что дает возможность ощущать собственную ценность и испытывать симпатию по отношению к себе.

Отношение к себе как к уверенному и самостоятельному человеку расплывчато, средние показатели по данной шкале свидетельствуют о недостаточной удовлетворенности своими способностями и возможностями, что можно объяснить спецификой данного возраста, когда появляется больше прав и обязанностей, некой свободы в выборе, но окончательная самостоятельность в виде отделения от родителей зачастую еще невозможна.

Данные по «Методике многофакторного исследования личности Кеттелла» (рис. 4) показывают, что студенты обладают достаточно высокой степенью общительности, открытости и готовности к сотрудничеству и установлению межличностных контактов, которые им очень необходимы и значимы; при этом они часто проявляют себя как застенчивые и робкие в этих контактах.

Студенты обладают высокой чувствительностью, впечатлительностью, их внутренний мир богат эмоциональными переживаниями, но при этом они ранимы, внутренне недисциплинированы, импульсивны и раздражительны.

Полученные результаты по методике «Диагностика психологической границы личности» варьируются от очень низких до очень высоких показателей. В связи с этим все данные можно разделить на две группы:

- группа № 1 – низкий уровень сформированности психологической границы;
- группа № 2 – высокий уровень сформированности психологической границы.

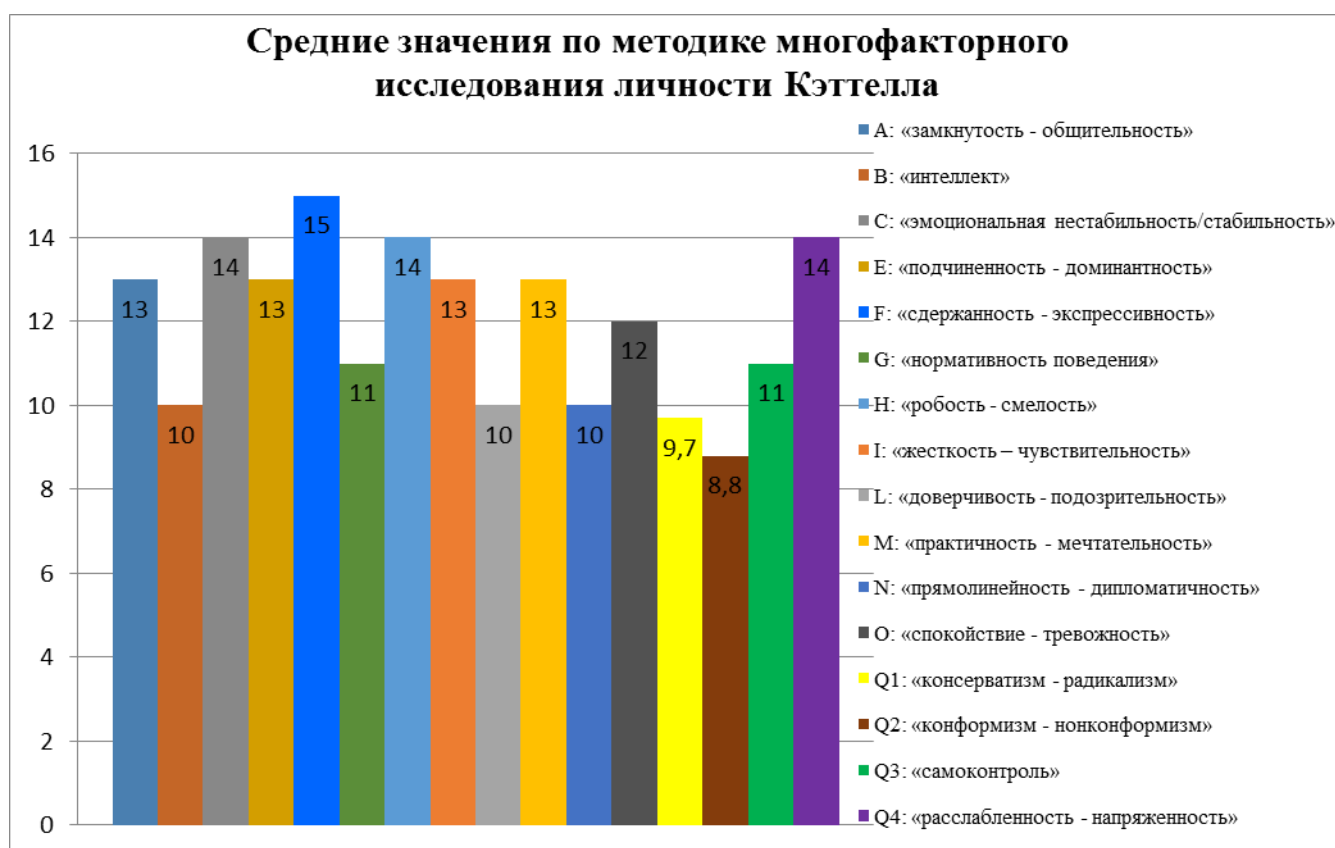

Рис. 4. Средние значения по «Методике многофакторного исследования личности»

Можно выделить третью группу, в которую входят результаты, указывающие на средний уровень сформированности психологической границы, но качественно он не отличается от средних значений, описанных выше.

Основными условиями для формирования группы с низким уровнем сформированности психологической границы были следующие аспекты:

- 1) относительно низкие результаты по всем шкалам методики «Психологические границы личности»;
- 2) относительно сбалансированные (стабильные) результаты по всем шкалам методики «Психологические границы личности»;
- 3) низкие показатели (1–3 стена) должны быть хотя бы у половины шкал, т. е. не меньше трех шкал, показатели которых не превышают трех стенов.

После отбора данных, в первую группу вошли шесть человек, которые полностью соответствовали поставленным выше условиям. Их средние показатели по всем шкалам методики «Психологические границы личности» представлены на.

Далее в группе № 1 был произведен анализ данных по методикам «Тест эмоционального интеллекта», «Опросник самоотношения», «Методика многофакторного исследования личности Кеттелла».

По результатам качественного анализа, произведенного в группе № 1, можно говорить о следующих тенденциях. По методике «Тест эмоционального интеллекта» выявлено, что уровень эмоционального интеллекта в группе № 1 значительно ниже средних показателей по всем шкалам.

Исходя из этого, можно говорить, что люди, обладающие низким уровнем сформированности психологической границы личности, обладают весьма низкой способностью к пониманию и управлению своим эмоциональным состоянием и эмоциональным состоянием других людей. Можно предположить, что это связано с особенностями формирования психологической границы личности, которое происходит в контакте с Другим. Личность, испытывающая затруднение в понимании чувств и эмоций других людей, понимании причин, которые могли вызвать данные чувства, скорее будет испытывать недостаточность в доверительных контактах, тем самым препятствуя адекватному формированию психологической границы личности. Напомним, что психологическая граница представляет собой выстроенный в процессе жизненного пути усилиями самого человека функциональный орган, позволяющий ему осуществлять аутентичное и адекватное реальности взаимодействие с миром. Исходя из этого, можно утверждать, что человек, не осознающий причины своего эмоционального состояния, не умеющий управлять собственными эмоциями и чувствами, не может приложить достаточно усилий и найти в себе личностные ресурсы для построения оптимальной психологической границы.

По методике «Опросник самоотношения» важно выделить следующие тенденции:

- 1) у пяти респондентов отмечаются высокие показатели по шкале «Самообвинение» (8–10);
- 2) высокие показатели по шкале «Внутренняя конфликтность» (10–13);
- 3) у половины респондентов очень низкие показатели по шкале «Зеркальное Я» (1), у второй половины респондентов показатели на среднем уровне (5–7);
- 4) У большинства низкие показатели по шкале «Самопринятие» (1–3).

Таким образом, юноши, обладающие низким уровнем развития психологической границы более склонны представлять себя человеком, не заслуживающим уважения и одобрения со стороны окружающих людей. Наличие внутренних конфликтов и чувство антипатии к самому себе не позволяют человеку реализовывать свои потребности при взаимодействии с окружающим миром. Высокая чувствительность, порой к малозначительным замечаниям, заставляет закрываться и абстрагироваться от внешнего мира, тем самым выпадая из контакта. Таким образом, юноши с низким уровнем психологической границы обладают достаточно низким уровнем самоотношения. Это

может быть связано с тем, что самоотношение проявляется во всех сферах жизни человека. Недооценивая себя, человек не решается вступать во многие ситуации взаимодействия с миром. Например, невозможность выразить себя, высказать свое мнение из-за страха быть осуждаемым или непонятым, не позволяет развиваться отдающей функции границы. Следовательно, формирование адекватной психологической границы личности невозможно в случае ограничения человеком собственной активности в различных ситуациях социального взаимодействия.

Условиями формирования группы с высоким уровнем сформированности психологической границы были следующие аспекты:

1. относительно высокие результаты по всем шкалам методики «Психологические границы личности»;
2. относительно сбалансированные (стабильные) результаты по всем шкалам методики «Психологические границы личности»;
3. высокие показатели (7–10 стенов) должны быть хотя бы у половины шкал, т. е. не меньше трех шкал, показатели которых не менее 7 стенов.

После отбора данных, в первую группу вошли шесть человек, которые полностью соответствовали поставленным выше условиям. Они имели средние показатели по всем шкалам методики «Психологические границы личности».

Далее в группе № 2 был произведен анализ данных по методикам «Тест эмоционального интеллекта», «Опросник самоотношения», «Методика многофакторного исследования личности Кеттелла».

По результатам качественного анализа, произведенного в группе № 2 можно говорить о следующих тенденциях. По методике «Тест эмоционального интеллекта» выявлено, что уровень эмоционального интеллекта в группе № 2 значительно выше, чем в группе № 1, однако относительно среднего уровня результаты группы № 2 находятся в диапазоне средних значений по общим шкалам методики.

Исходя из этого, можно говорить о том, что юноши, обладающие высоким уровнем сформированности психологической границы личности, имеют высокий уровень эмоционального интеллекта. Вероятно, понимание эмоциональных состояний и умение ими управлять способствует развитию оптимальной психологической границы личности. Причиной тому может служить гипотеза о том, что оба данных феномена (эмоциональный интеллект и психологическая граница личности) проявляются во взаимодействии с окружающим миром. Личность, умеющая выстраивать и поддерживать эмоциональные контакты с другими людьми, сможет более гармонично развивать функции своей психологической границы.

При качественном анализе по методике «Опросник самоотношения» не выявлено определенных особенностей. Например, у двух человек из группы № 2 низкие показатели по шкале «Самообвинение», но у остальных респондентов в группе эти показатели находятся в пределах нормы. Или у двух человек высокие показатели по шкалам «Зеркальное Я» и «Саморуководство», но в остальной группе эти показатели также на уровне. Таким образом, юноши, имеющие высокий уровень сформированности психологической границы, не имеют

общих закономерностей по методике «Опросник самоотношения». В общем, самоотношение юношей в группе № 2 можно охарактеризовать как позитивное, без ярко выраженных тенденций. Отсутствие общих черт в группе № 2 может быть результатом недостаточной выборки. Самоотношение как сложный конструкт оценочного и эмоционального отношения к самому себе выстраивается человеком на протяжении жизни в ситуациях активного взаимодействия. Отличные ситуации социального развития обуславливают собственное, в своем роде уникальное, самоотношение.

Вторым этапом в эмпирической части работы был анализ корреляционных связей между шкалами методик с помощью критерия Спирмена (на уровне значимости $p < ,05$).

При анализе корреляционных связей между шкалами методик «Диагностика психологической границы личности» и «Тест эмоционального интеллекта» были выявлены закономерности, указывающие на связь между способностью к пониманию собственных чувств, а также причин, которые их вызвали, со сдерживающей функцией границы, отвечающей за контейнирование внутренней энергии. Юноши, которые могут осознать свои чувства и эмоции, успешнее самостоятельно справляются с анализом, переработкой и трансформацией своих интенсивных чувств (рис. 5).

Также можно говорить о том, что пониманию чужих эмоций выступает в роли побуждающего фактора для раскрытия и выражения себя. Юношам, которые могут распознать эмоции других людей и понять причины, вызвавшие данную эмоцию, легче быть открытыми и показывать свои внутренние импульсы, желания, чувства.

Чем лучше человек понимает причины своих эмоциональных состояний и эмоциональных состояний других людей, осознает и может способствовать снижению интенсивности эмоций у других людей, тем выше его способность, взаимодействуя с другим человеком, отождествляться и идентифицироваться с ним.

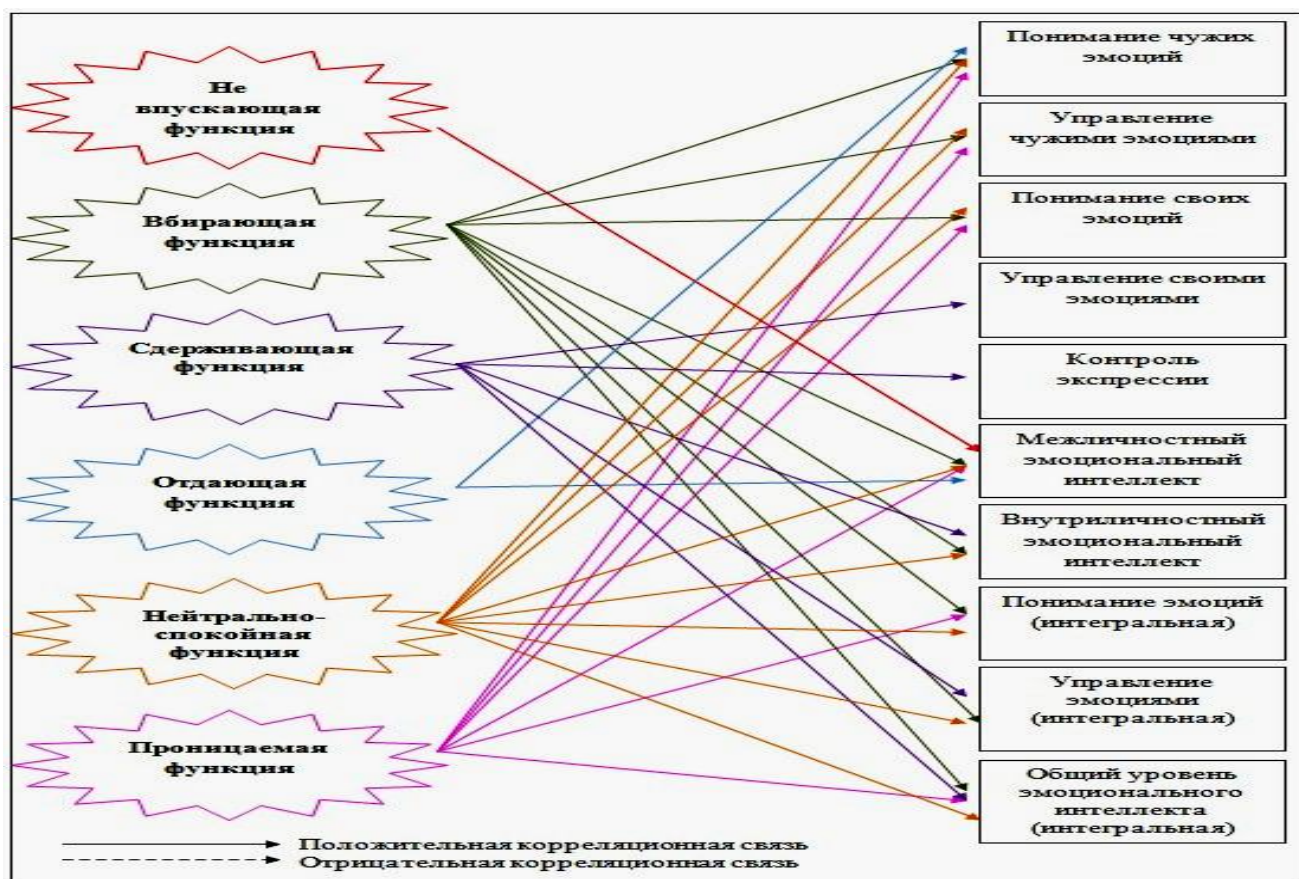

Рис. 5. Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Психологические границы личности» и «Тест эмоционального интеллекта» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < ,05$)

Идентификация выступает важной составляющей при формировании личности. На пути взросления каждый человек отождествляет себя с различными значимыми для него фигурами, таким образом, можно предположить, что чем сильнее способность человека устанавливать идентификационные связи, тем выше уровень развития эмоциональной сферы.

Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Диагностика психологической границы личности» и «Опросник самоотношения» дает право утверждать, что внутренняя конфликтность и напряженность не позволяют индивиду находиться в спокойном состоянии и ощущать свою независимость и автономность (рис. 6). Готовность поставить себе в вину свои неудачи не позволяет человеку почувствовать внутреннее право на самореализацию. Испытывая чувство вины за свои промахи, юноши не могут выражать, показывать окружающим свои чувства. При этом юноши, которые ощущают себя уверенными, самостоятельными и достойными уважения других людей, будут более открыто и доверительно взаимодействовать с другими людьми, им будет проще идентифицировать себя с другим человеком. И наоборот, негативное отношение к себе, чувство вины и неудовлетворенность собой помешают построению открытых, доверительных взаимоотношений (отрицательные корреляции между проницаемой функцией психологической границы личности и самообвинением, внутренней неустроенностью).

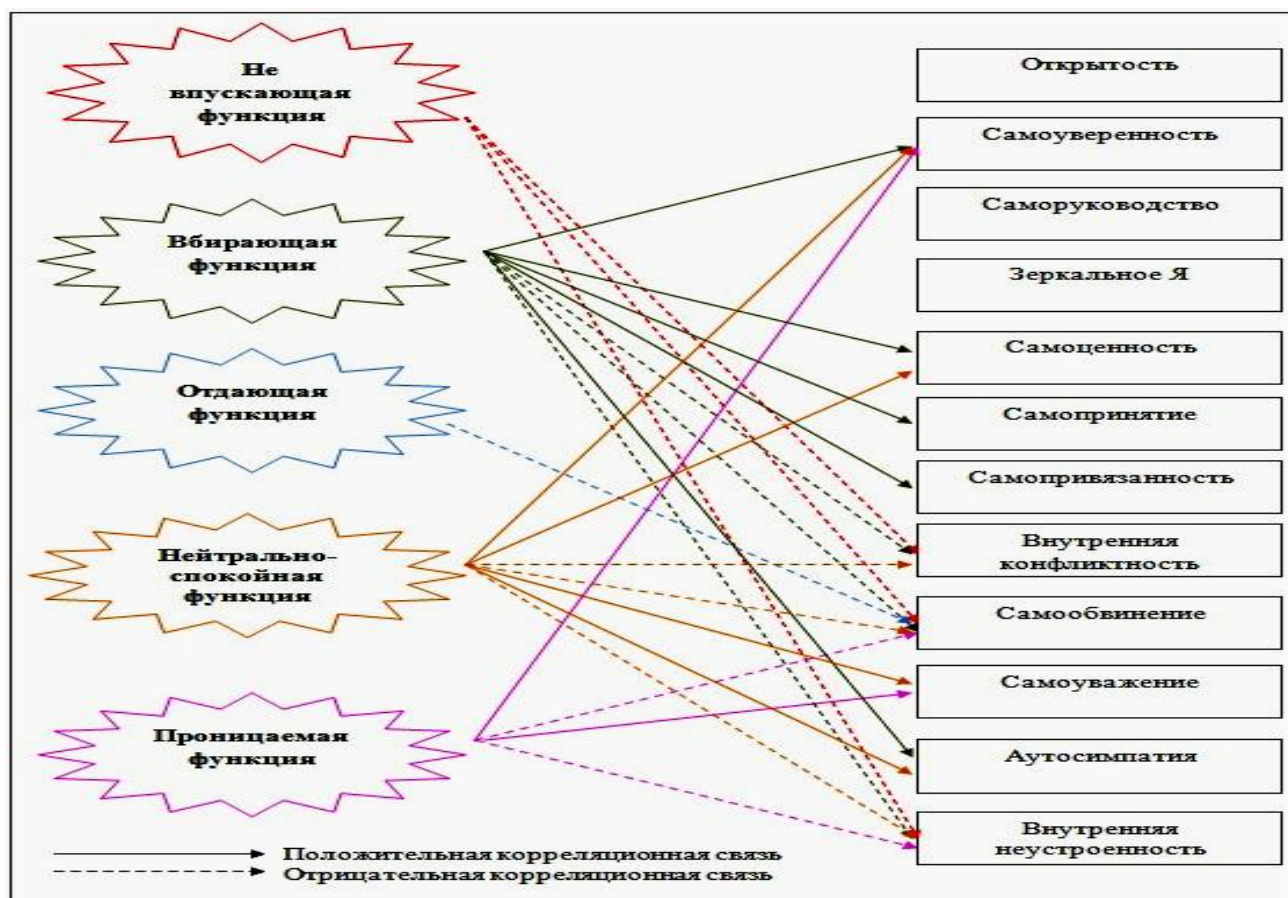

Рис. 6. Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Психологические границы личности» и «Опросник самоотношения» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < ,05$)

Уверенность в своих силах, ощущение собственной ценности и значимости позволяют человеку находиться в спокойном состоянии, не замотивированном на активное взаимодействие с окружающим миром. Осознание своих положительных и отрицательных личностных качеств и принятие себя таким, какой он есть, ощущение себя волевым, уверенным в своих силах, позволяют человеку открыто говорить о своих потребностях и брать желаемое из окружающего мира.

Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Диагностика психологической границы личности» и «Методика многофакторного исследования личности Кеттелла» демонстрирует, что настойчивость, самостоятельность, осторожность и независимость в социальном поведении являются располагающими факторами к развитию не впускающей функции границы. Иными словами, индивид, обладающий вышеперечисленными качествами, способен отказать и оттолкнуть нежелательное в неблагоприятных для него ситуациях, ощущая свое внутреннее право на принятие самостоятельных решений (рис. 7). Настойчивость и способность принимать самостоятельные решения позволяет брать из окружающего мира желательные ресурсы.

Для успешного контейнирования внутренней (психической) энергии человеку необходимо быть уравновешенным, спокойным, уступчивым и эмоционально сдержанным. Способность выдерживать и преобразовывать сильные, интенсивные эмоции предполагает

развитие таких личностных качеств, как открытость людям, адаптивность к новым социальным условиям, эмоциональная устойчивость и желание заботиться о других. Стоит заметить, что данная связь говорит о том, что для умения самостоятельно создавать в себе «контейнер» необходимо обладать качествами, направленными на эмоциональное отношение к людям, на взаимодействие с другими людьми. Однако связи данной функции психологической границы с межличностным эмоциональным интеллектом не выявлено, и говорить об эмоциональном отношении к людям через понимание и управление их эмоциями невозможно. Можно предположить, что не сам факт понимания и управления чужими эмоциями, а внутреннее желание и стремление человека к созданию эмоционального контакта с Другим, служит основой для развития способности к самостоятельному контейнированию.

Развитие функции психологической границы, задачей которой является пропускать внутренние импульсы во внешний мир, связано с такими личностными качествами, как самостоятельность, независимость, быстрая обучаемость. Стремление и возможность реализовать себя и привнести нечто «свое» в окружающий мир предполагают наличие высокого уровня общей культуры, особенно вербальной.

Для поддержания активного покоя индивиду необходимо быть расслабленным и эмоционально устойчивым. Именно эта функция психологической границы позволяет ему быть максимально чувствительным к себе и к миру. Данные связи показывают, что высокая тревожность и низкая толерантность по отношению к фрустрации не позволяют человеку находиться в спокойном состоянии, тем самым не реализуется потребность в покое. Открытость, эмоциональная зрелость и уравновешенность позволяют одновременно находиться в контакте с другими людьми и ощущать себя.

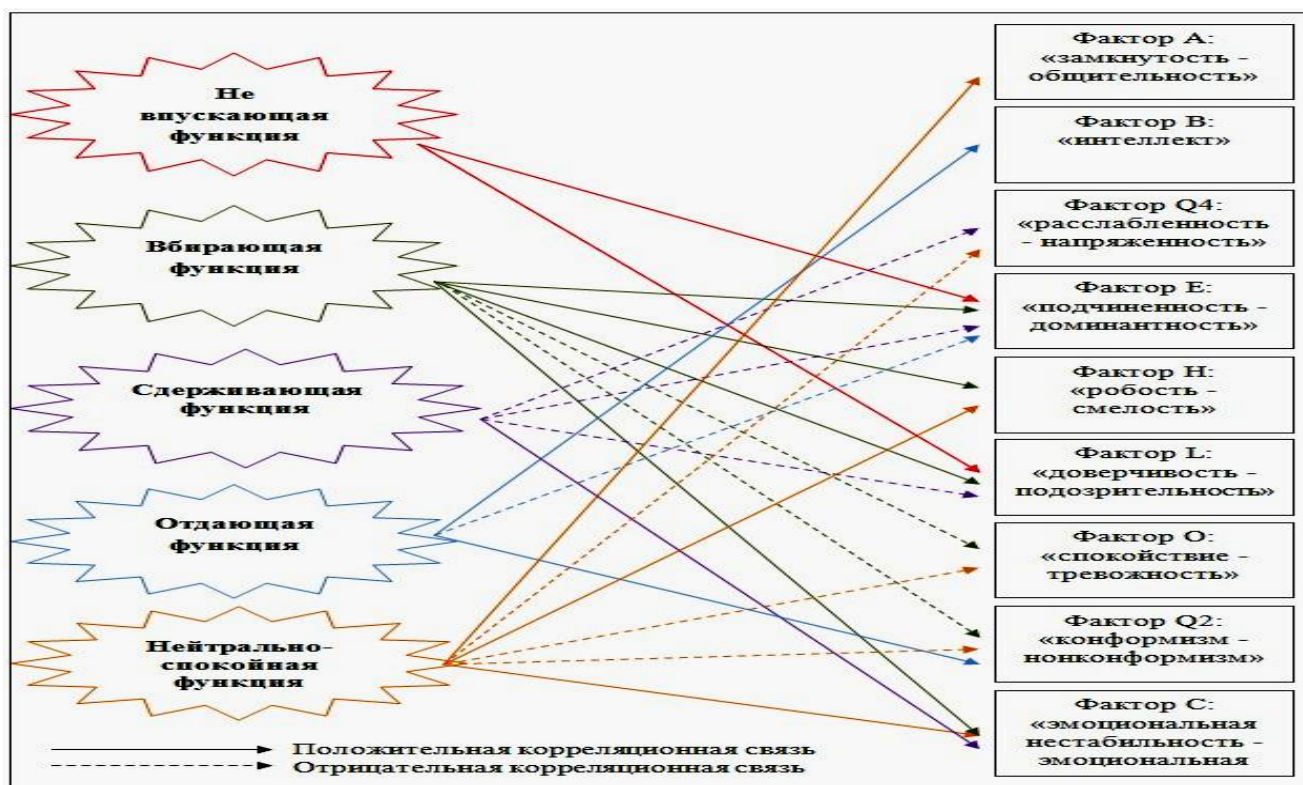

Рис. 7. Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Психологические границы личности» и «Методика многофакторного исследования личности Кеттелла» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < ,05$)

Исходя из анализа корреляционных связей между шкалами методик «Тест эмоционального интеллекта» и «Методика многофакторного исследования личности Кеттелла», можно говорить о том, что способность понимать какие чувства испытывает другой человек, осознавать причины, вызвавшие конкретные эмоции предполагает развитие таких личностных качеств, как предприимчивость, активность, выдержанность (рис. 8). Будучи эмоционально стабильными и спокойными, юношам легче идентифицировать эмоции и найти для них вербальное выражение.

Способность произвольно вызывать в другом человеке конкретные эмоции связана с общительностью, смелостью в социальных контактах, откровенностью и уверенностью в себе.

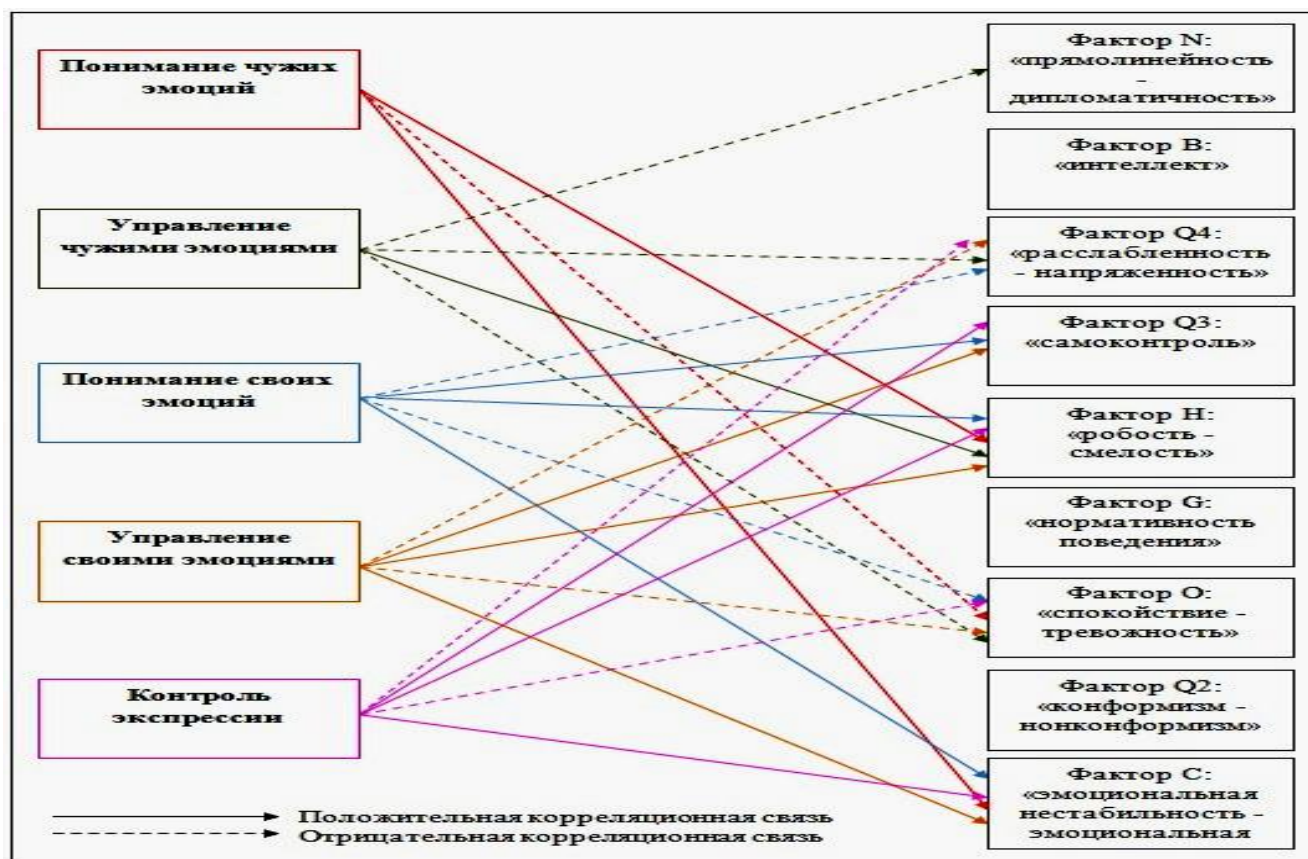

Рис. 8. Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Тест эмоционального интеллекта» и «Методика многофакторного исследования личности Кеттелла» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < ,05$)

Высокому уровню внутриличностного интеллекта (совокупность шкал: «Управление и понимание своих эмоций» и «Контроль экспрессии») соответствуют такие личностные качества, как эмоциональная устойчивость, саморегуляция. Внутренняя напряженность и импульсивность не позволяют человеку управлять своим эмоциональным состоянием в том объеме, в котором он испытывает потребность.

Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Опросник самоотношения» и «Методика многофакторного исследования личности Кеттелла» выявил, что высокий уровень саморегуляции и эмоциональной стабильности связан с осознанием человеком того, что он является источником собственной активности (рис. 9). Тактичность, приверженность традициям позволяют человеку брать на себя ответственность в своей деятельности и межличностном общении и быть при этом достаточно спокойным и расслабленным. Возможно, это связано с уверенностью в устойчивости и стабильности собственных взглядов, которая позволяет быть активным и деятельным и одновременно успешно справляться с эмоциями и переживаниями относительно самого себя.

Отношение к себе как к уверенному, самостоятельному человеку, достойному уважения, связано с ощущением внутреннего спокойствия и расслабленности. Умение в юношеском возрасте контролировать собственные эмоции и внутреннее спокойствие

связанны с представлением человека о том, что его личность достойна положительного внимания со стороны других людей.

Сомнения относительно своих поступков и действий, несогласие с самим собой связано с тревожностью и внутренней напряженностью. Эмоционально неустойчивый юноша с низким уровнем саморегуляции будет более подвержен обвиняющим тенденциям в свой адрес. Неудовлетворенность собой на фоне постоянной критики, направленной на самого себя, скорее всего, будет вызывать раздражение и беспокойство.

Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Тест эмоционального интеллекта» и «Опросник самоотношения» показал, что понимание чувств другого человека и умение регулировать интенсивность собственных эмоций связаны с уверенностью и позитивным отношением к себе (рис. 10). Отношение к себе как к волевому, самостоятельному человеку, достойному уважения окружающих людей, способствует пониманию эмоционального состояния Другого, пониманию причин, которые вызвали в нем определенные чувства, и также способствует большему контролю собственной экспрессии.

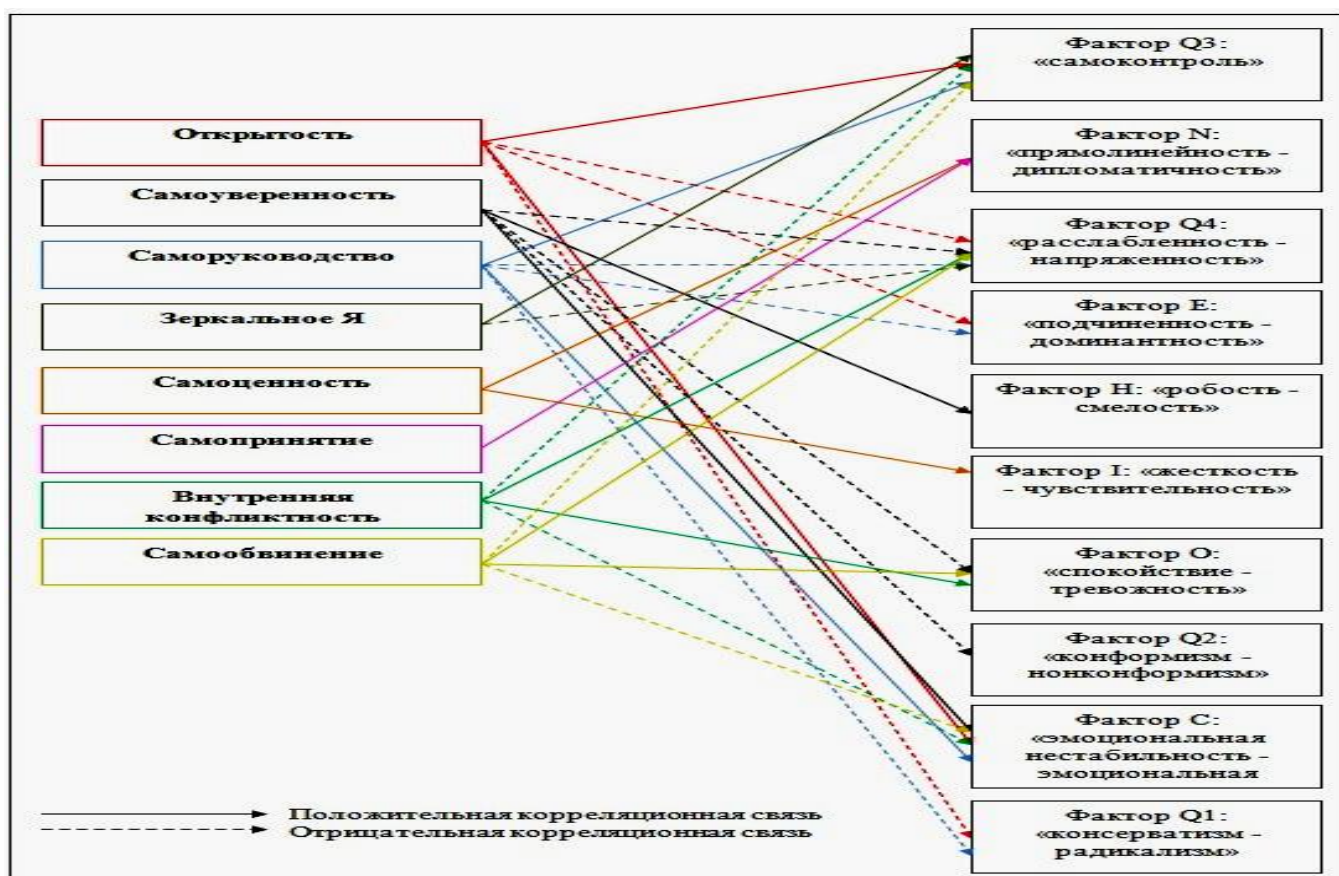

Рис. 9. Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Опросник самоотношения» и «Методика многофакторного исследования личности Кеттелла» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < ,05$)

Понимание своих эмоций коррелирует практически со всеми шкалами «Опросника самоотношения», что может свидетельствовать о том, что для того чтобы заметить свое собственное эмоциональное состояние, отследить свои эмоции и чувства, понять их причины и уметь их описать вербально, необходимо обладать достаточно устойчивым и позитивным самоотношением.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что понимание собственного эмоционального состояния является более сложной задачей, чем, например, управление или понимание эмоций других людей. Возможно, это связано со сложностью абстрагироваться от собственных эмоций, особенно интенсивных, и умением находиться в состоянии «здесь и теперь». Юноша, принимающий себя таким, какой он есть, трезво и позитивно оценивающий себя и осознающий, что он может претендовать на такое же позитивное отношение со стороны других людей, сможет прочувствовать себя более уверенным, «остановиться» и, находясь в определенном эмоциональном состоянии, понять, что с ним сейчас происходит и что послужило тому причиной.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования было выявлено большое количество значимых корреляционных связей между показателями психологической границы личности, эмоционального интеллекта, самоотношения и личностных особенностей в юношеском возрасте, что подтверждает основную гипотезу исследования.

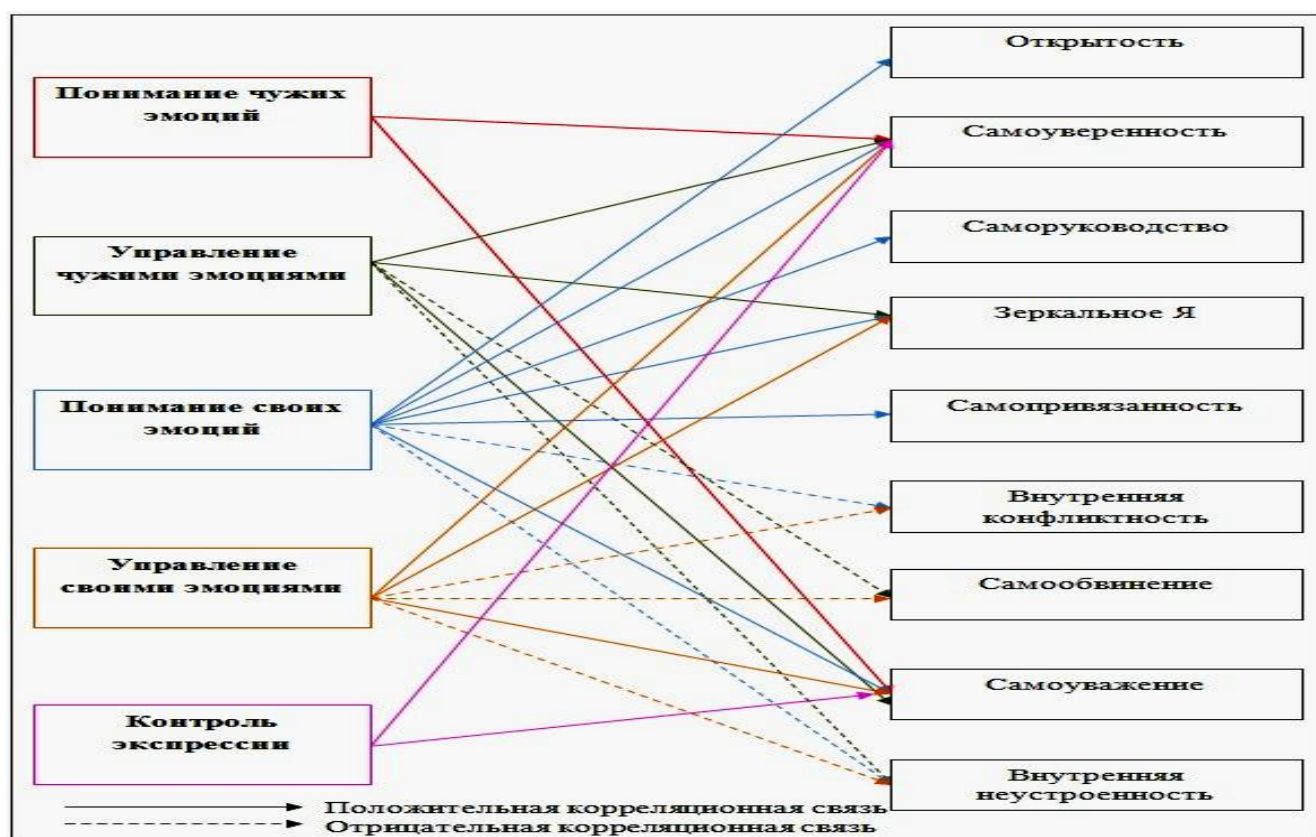

Рис. 10. Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Тест эмоционального интеллекта» и «Опросник самоотношения» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < ,05$)

Выдвинутые дополнительно гипотезы о существовании связей между сдерживающей функцией психологической границы личности и эмоциональной стабильностью личности, спокойно-нейтральной функцией психологической границы личности и внутриличностным и межличностным эмоциональным интеллектом и, наконец, вбирающей функцией психологической границы личности и самопринятием также подтвердились в ходе математического анализа эмпирических данных. Наличие такого большого количества значимых корреляционных связей говорит о тесном взаимодействии всех изучаемых в данной работе конструкторов.

Большой интерес в изучении психологической границы представляют гендерный и возрастной аспекты, например, изучение развития функций психологической границы на различных возрастных этапах в мужской и женской группе. А также, изучение особенностей структуры и связи психологической границы личности с эмоциональным интеллектом и самоотношением, и как данные структуры и связи между ними видоизменяются, переходя от одного возрастного периода к следующему.

Таким образом, представляется значимым изучение психологической границы личности в совокупности с исследованием телесной границы (телесности), выявление связи между данными конструктами, изучение особенностей их взаимодействия на разных жизненных этапах и определение наиболее эффективной формы работы с ними.

Литература

1. *Андреева И.Н.* Азбука эмоционального интеллекта. СПб.: «БХВ-Петербург», 2012. 288 с.
2. *Герасимов П.Е.* Теоретические аспекты проблемы «Самоотношения» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2010. № 4. С. 80–84.
3. *Левы Т.С.* Динамика психологических границ в процессе личностно-развивающей работы, основанной на телесном движении // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 36–41.
4. *Левы Т.С.* Телесная парадигма развития личностной аутентичности. М.: Изд-во МосГУ, 2011. 191 с.
5. *Люсин Д.В.* Социальный интеллект: Теория, измерения, исследование. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. 176 с.

Connectivity between the psychological boundaries of the individual with emotional intelligence and self-relationship in adolescence

Degtyarev A. V., senior Lecturer, Chair of Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (DegtyarevAV@mgppu.ru)

Degtyareva D. I., educational psychologist, the foundations of the department employe clinical psychoanalysis psychoanalysis faculty of the Moscow Institute of psychoanalysis (erofeevadasha@mail.ru)

In this paper, the results of an empirical study are presented, the main tasks of which were the identification, description and interpretation of significant (significance level $p = 0,05$) correlation links between the features of psychological boundaries, emotional intelligence and self-relationship in adolescence. The sample consisted of 50 students of different courses studying at the Faculty of Legal Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University. The main hypothesis is the assumption of the existence of significant connections between the various functions of psychological boundaries, the characteristics of emotional intelligence, self-relationship and, in general, the individual psychological characteristics of the individual. In the course of the study, a large number of positive and negative connections were obtained. In general, it can be said that young men, who have a high level of psychological boundary, have a higher level of emotional intelligence, while young men with a low level of psychological boundaries have a low level of emotional intelligence, as well as a tendency to increase personal anxiety and a high degree of self-blame.

Key words: psychological border of the person, emotional intelligence, personality traits, self-attitude, youthful age.

References

1. Andreeva I.N. Azbuka emotsional'nogo intellekta [The ABCs of emotional intelligence]. Saint-Petersburg: Publ. «BKHV–Peterburg», 2012. 288 p.
2. Gerasimov P.E. Teoreticheskie aspekty problemy «Samootnosheniya» ["Self-relation" Theoretical aspects of the problem.]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya [Proceedings of the Saratov University. New episode. Series Acmeology of Education. Developmental Psychology], 2010, no. 4, pp. 80–84.

3. Levi T.S. Dinamika psikhologicheskikh granits v protsesse lichnostno-razvivayushchei raboty, osnovannoi na telesnom dvizhenii [Dynamics of psychological boundaries in the process of personal development work based on bodily movement]. *Kul'turnoistoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2009. no. 1. pp. 36–41.
4. Levi T.S. Telesnaya paradigma razvitiya lichnostnoi autentichnosti: nauchnoe izdanie [Bodily paradigm of personal authenticity]. Moscow: Publ. MosGU, 2011. 191 p.
5. Lyusin D.V. Sotsial'nyi intellekt: Teoriya, izmereniya, issledovanie [Social Intelligence: Theory, measurement, study]. Moscow: Publ. IP RAN, 2004. 176 p.

Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей

Устинов Д.В., аспирант ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»; заместитель начальника Отдела по делам несовершеннолетних МВД ДНР, подполковник полиции (d-ustin.80@mail.ru)

В статье представлена классификация мотивов противоправного имущественного поведения несовершеннолетних, критерием которой является содержание потребностей подростков и юношей, удовлетворяемых посредством совершения криминальных действий, посягающих на чужую собственность. Выявление таких потребностей позволяет определить и провести мероприятия профилактики рецидивных преступлений, а также принять меры раннего предупреждения противоправного поведения с учетом индивидуальных особенностей мотивационной сферы конкретной личности. Кроме того, в статье приводится краткое описание экспериментальной проективной методики, направленной на диагностирование реальных и потенциальных мотивов совершения детьми имущественных преступлений. Рассмотрены результаты исследования с помощью представленной методики мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей и законопослушных несовершеннолетних. Проведен анализ выявленных доминирующих мотивов противоправного имущественного поведения несовершеннолетних различных категорий с учетом характерных возрастных особенностей.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, мотив преступления, потребности несовершеннолетних правонарушителей, преступления против собственности.

Для цитаты:

Устинов Д.В. Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 1. С. 63-76.
doi: 10.17759/psylaw.2018080105

For citation:

Ustinov D.V. Content of needs as classification criteria of unlawful property behavior of children. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.63-76.

doi: 10.17759/psylaw.2018080105

Детская преступность, как и любое негативное явление, связанное с детьми, у представителей современного общества справедливо вызывает тревогу и ставит под сомнение веру в завтрашний день. Наряду с этим уровень преступности несовершеннолетних является одним из индикаторов эффективности выполнения сразу нескольких государственных функций, в первую очередь, обеспечения общественной безопасности в стране и реализации социальной политики.

Ежегодные статистические показатели детской преступности указывают на абсолютное количественное доминирование подростков и юношей, совершивших преступления против собственности. Последние семь лет в Донецком регионе доля похитителей составляет от 71 до 94% от общего количества несовершеннолетних преступников (например, в 2016 г. – 190 из 229). В тоже время изучение обстоятельств таких преступлений и личности преступников показало, что значительная часть несовершеннолетних (56%) не имели явных внешних причин материального характера для совершения такого рода преступлений. Полученные данные говорят о том, что совершение детьми преступлений против собственности в большом количестве случаев связано не только с корыстными побуждениями. Такая ситуация требует углубленного изучения мотивов противоправного поведения несовершеннолетних и подчеркивает необходимость учета этой психологической составляющей, как субъектами государственной деятельности по профилактике повторных преступлений, так и родителями при осуществлении ранних воспитательно-предупредительных мер в отношении своих детей.

Целью изучения мотивов противоправного имущественного поведения несовершеннолетних является их систематизация, способствующая разработке практических решений, направленных на деактуализацию таких мотивов. В контексте данного исследования понятие «мотив противоправного поведения» тождественно широко применяемому понятию «мотив преступления» и определено как осознанное или неосознанное побуждение к удовлетворению потребности запрещенным законом способом. Исходя из такого понимания, критерием систематизации мотивов противоправного имущественного поведения несовершеннолетних определена содержательная составляющая удовлетворяемой потребности. Предполагается, что указанный подход в рамках дальнейшего исследования прикладного характера позволит определить способы воздействия на соответствующие провоцирующие потребности несовершеннолетнего, например, полное удовлетворение, устранение факторов, способствующих актуализации, подавление и пр.

Проблемы мотивации преступного имущественного поведения, а также мотивы противоправного поведения несовершеннолетних исследовались представителями различных отраслей отечественной науки. Изучавший особенности совершения преступлений против собственности преступниками всех возрастов, Ю.М. Антонян определил такие мотивы хищений, как сохранение (приобретение) значимых отношений с людьми, преодоление одиночества; игровые мотивы; обеспечение приемлемого существования лицом, ведущим антиобщественный образ жизни; семейные мотивы [2].

А.Ф. Зелинский, также изучавший мотивационную сферу имущественных преступников, выделяет в отдельные группы: устойчивые карьеристические влечения,

жажду власти, успеха и эстетические побуждения; стремления к лидерству, к самовыражению, известности; корпоративную солидарность, заботу о родственниках, дружбу, а также наркоманию, алкоголизм, сексуальную озабоченность; проявления статуса в малой социальной группе, влияние соучастников, а также наркотики, алкоголь, секс; накопительство ради материальной независимости и обеспечения экономической безопасности; стремления, возникшие в связи с утратой обычных источников доходов; борьба за выживание в условиях бедности; мотивы сохранения жизни и здоровья в экстремальных условиях [9].

Изучая общие закономерности детской преступности, Р.В. Овчарова и Ю.А. Малюшина в качестве отдельных мотивов, побуждающих детей к противоправному поведению, называют следующие: стремление немедленно получить удовольствие, стремление самоутвердиться, стремление к комфорту или к высокому социальному статусу, внутреннее стремление нарушать запреты, агрессивные стремления и садистические наклонности, следование социальным стереотипам, потребность чувствовать принадлежность к группе, стремление к риску и острым ощущениям, фрустрация, необходимость вынужденной защиты, альтруизм [15].

Н.В. Васильева и И.А. Горьковая также предлагают классификацию общих мотивов преступного поведения несовершеннолетних: биологические мотивы, общегуманные мотивы, корыстные мотивы, инфантильные мотивы с гедонистическими целями и приключенческим флером, мотивы самоутверждения в рамках референтной группы, агрессивные мотивы, мотив страха [7].

Наряду с этим, И.А. Коновалова, исследуя мотивы корыстных преступлений несовершеннолетних, выделяет виды корыстных мотивов: корысть-нужда, корысть-накопительство, корысть-престиж, псевдокорысть, корысть-игра, корысть-самоутверждение [12]. К.Ю. Логинова в процессе изучения детских имущественных преступлений подразделяет мотивы поведения на корыстные (стремление обеспечить нетрудовой образ жизни, стремление удовлетворить потребность в спиртном и наркотиках, стремление выглядеть не хуже других, стремление устранить материальную необеспеченность); стремление самоутвердиться; мотивы принадлежности к конкретной группе; стремление получить все желаемое [13].

Вышеперечисленные классификации, к сожалению, не в полной мере удовлетворяют целям проводимой нами работы, однако послужили методологической основой для разработки иной системы группировки мотивов преступного имущественного поведения несовершеннолетних. В их развитие, опираясь на положения иерархической модели потребностей А. Маслоу [14], проведено исследование, включающее в себя анализ потребностной сферы несовершеннолетних, совершивших различного рода хищения. Кроме того, в процессе исследования изучались материалы доследственных проверок и уголовных дел по фактам совершения несовершеннолетними краж, мошенничеств, грабежей, разбоев, угонов; также были проведены консультации с профильными психологами и специалистами-правоохранителями, использован личный практический опыт раскрытия преступлений.

В результате предложено группирование мотивов противоправного имущественного поведения несовершеннолетних, основанное на разграничении по содержанию потребностей, на удовлетворение которых направлено действие. Все обозначенные

потребности свойственны подростковому и раннеюношескому периоду развития личности и зачастую, в силу особенностей психики, находящейся на переходном этапе, и своеобразного влияния социальных факторов, являются специфической характеристикой данного возраста. *Необходимо отметить, что в большинстве своем идеальное смысловое содержание потребностей несовершеннолетнего правонарушителя носит «нейтральный» либо «позитивный» характер и приобретает «негативное» значение основы мотива преступления ввиду особого, запрещенного законом способа удовлетворения. Возможно, такое предложение будет лучше восприниматься* Необходимо отметить, что в большинстве своем идеальное смысловое содержание потребностей несовершеннолетнего правонарушителя является «нейтральным» либо «позитивным» и только особый, преступный способ их удовлетворения придает таким потребностям «негативный» характер. Наряду с этим, отдельно выделены свойственные несовершеннолетним потребности, именуемые в отечественной научной литературе низменными (зависть, месть).

Таким образом, среди мотивов преступного имущественного поведения несовершеннолетних выделены следующие виды.

1. Корыстный мотив – побуждение к незаконному овладению чужим имуществом, направленное на обращение этого имущества в свое фактическое пользование, распоряжение либо на уклонение от обязательных материальных затрат. *В юридической литературе и нормативных актах чаще используется понятие «завладение». Например, ст. ст. 166, 173.2 УК РФ, ст.ст. 178, 189 УК ДНР, научно-практические комментарии к статьям УК, предусматривающим ответственность за совершение преступлений против собственности (под редакцией Дзяконова и Кадникова, В.М. Лебедева и др.)*

Основным критерием потребностей корыстного мотива является возможность их удовлетворения наличием (использованием) соответствующей суммы денежных средств.

В жизни несовершеннолетнего такой мотив находит свое отражение:

- в побуждении получить определенную (подобную или конкретную) вещь, применять ее в соответствии со своими желаниями либо испытывать удовлетворение от самого факта обладания вещью и потенциальной возможностью обращаться с ней по своему усмотрению, не учитывая мнения других, в первую очередь взрослых;
- побуждении получить определенную вещь, распорядившись которой можно получить материальную выгоду (продажа, обмен, залог и пр.);
- побуждении избежать материальных затрат, к которым несовершеннолетнего обязывают обстоятельства.

2. Мотив самоутверждения – побуждение противоправным способом достичь или укрепить у окружающих мнение о себе, о своем социальном положении, статусе, месте в семье, сообществе.

Такие побуждения, проявляемые подростками и юношами, обусловлены, прежде всего, влиянием психических особенностей именно этой возрастной категории, как непосредственных (актуальная, как ни в одном другом периоде жизни, потребность в

самореализации), так и опосредованных (бурное развитие самосознания, вызывающее чрезмерную чувствительность к критике извне; потребность в дружбе, контактах и общении, требующая поддержания интереса к себе; желание сравнивать себя с другими и быть не хуже; чувство взрослости и порождаемое им стремление быть воспринятым окружающим как взрослый) [8].

3. Мотив повышения самооценки – побуждение, действуя запрещенным законом способом, подтвердить внутреннее мнение о себе, повысить самооценку, поднять уровень собственного достоинства.

Оценки со стороны в таком случае не требуется; более того, зачастую подросток не желает, чтобы кто-то вообще знал о его действиях, особенно люди из близкого окружения, чье мнение дорого и важно.

Побуждение к повышению самооценки является иной стороной вышеперечисленных особенностей подросткового и раннеюношеского возраста. Возникающие в процессе развития самосознания интерес к себе и основы самокритики обуславливают постоянное изучение внутреннего мира без допуска туда других.

4. Игровой мотив – побуждение, действуя запрещенным законом способом, получить особые ощущения, связанные с развлечением, отдыхом, эмоциональными, интеллектуальными, физическими нагрузками.

Среди эмоциональных ощущений, потребность в которых удовлетворяется при совершении противоправных действий имущественного характера, выделяются:

- *ощущение состязательности.* Все виды противостояния в процессе совершения преступления (в качестве оппонента могут выступать собственник имущества, его технические и иные средства защиты, работник правоохранительных органов и т. п.);
- *острые ощущения.* Эмоции, переживания, связанные с опасностью, приключениями, риском, в том числе запретом определенного поведения, его противоправностью;
- *актерские ощущения.* Эмоции, удовлетворяющие потребности в своего рода театральной игре, где обязательно наличие зрителя, на которого необходимо произвести впечатление;
- *новые впечатления.* Эмоции, которые ранее несовершеннолетний не испытывал.
- *гедонистические ощущения.* Эмоции удовольствия, наслаждения в момент совершения преступления, не связанные с вышеперечисленными. О стремлении к таким эмоциям, вероятно, можно говорить при фактическом повторном совершении противоправных действий.

5. Гуманный мотив – побуждение, направленное на достижение пользы, добра для других людей способом, запрещенным законом.

Желание помочь или вызвать позитивные эмоции близкого, значимого человека нередко приводят подростков к совершению краж, грабежей, когда похищенная вещь

должна доставить радость. Вероятно, опасность такого деяния не осознается в полной мере или не учитывается в силу возрастных особенностей.

6. Мотив безопасности – побуждение, действуя запрещенным законом способом, избежать страха, беспокойства, тревоги от грозящей или ожидаемой угрозы.

Можно выделить несколько видов страха в зависимости от характера возможных последствий, побуждающих подростка совершать действия, посягающие на чужое имущество:

а) страх, вызванный физической зависимостью, возможно прямыми угрозами физической расправы;

б) страх, связанный с возможной реакцией близких, значимых людей (друзей, родственников, учителей).

в) страх, связанный с возможной опасностью, при отсутствии психической либо физической зависимости от третьих лиц.

7. Физиологический мотив – побуждение незаконно извлечь материальную пользу для удовлетворения физиологических потребностей, если их неудовлетворение несет непосредственную угрозу жизни или здоровью.

К таким потребностям человека целесообразно отнести, кроме потребностей здорового организма (сон, еда), также потребности больного организма, в том числе страдающего алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией. Действия можно отнести к категории удовлетворяющих физиологические потребности, когда их невыполнение ведет к острым, может и временным, соматическим проблемам или угрожает жизни подростка. Критериями определения данного мотива можно считать угрозу ущерба здоровью, причиняемого здесь и сейчас, а также критичное восприятия ситуации неудовлетворения потребности правонарушителем.

8. Мотив зависти – побуждение, действуя запрещенным законом способом, проявить негативные эмоции или враждебное отношение к другому человеку, если они были вызваны его превосходством

В подростково-молодежной среде выделяются «злая» форма зависти, подразумевающая побуждение подростка не столько получить желаемое, сколько *лишить путем низвержения*, и «слепая» зависть тому, чего субъект не видел, но ему кажется, что все, чего ему не хватает, есть у других. *Возникло желание изменить предложение* Когда предметом зависти являются материальные предметы, похитив их несовершеннолетний решает личные задачи в разных направлениях, унижая объект до своего уровня и достигая предмета зависти. Когда предметом зависти является имущество, несовершеннолетний, похищая его, решает личные задачи в разных направлениях, унижая объект до своего уровня и достигая предмета зависти. Если же предметом является ситуация, личное качество, то всякое похищение направлено на принижение объекта в любой доступной для воздействия сфере [5].

9. Мотив мести – побуждение причинить запрещенным законом способом неприятности в ответ на оскорбление, обиду, страдание и пр.

Выделяя мотив мести как самостоятельный мотив при совершении имущественных преступлений на основе исследований отечественных ученых можно обозначить три группы такого поведения: действия под влиянием окружения (без личного удовлетворения от произведенного); действия с целью подтвердить, отстоять представление о себе, своем статусе для себя; действия с целью удовлетворить чувство справедливости, попытка психологически компенсировать понесенную утрату [3].

Мотивационная сфера несовершеннолетних при совершении имущественных преступлений, как и в любом виде социальной деятельности, довольно редко включает в себя один определенный мотив поведения. Анализ конкретных фактов преступного деятели свидетельствует о тенденции мотивов «наслаиваться», проявляя схожие, но не идентичные побуждения, что усиливает стремление к совершению преступления. Наряду с этим возможно наличие побуждений к осуществлению противоправных действий, взаимное влияние которых предотвращает преступление. Так, 15-летний Р. на определенном этапе своего преступного пути отказался от совершения грабежа пожилой женщины, так как «потом об этом никому не расскажешь».

В процессе прикладной реализации сформированной теоретической концепции возникла необходимость формирования способа выявления доминирующего мотива противоправного имущественного поведения путем установления актуальных потребностей, наличествующих латентных, а также не в полной мере сформированных побуждений, желаний. Специфическая неоднозначность противоправного поведения как сферы исследования, способствующая целенаправленному или непреднамеренному сокрытию за социально одобряемыми ответами истинных побуждений, послужила основанием для предпочтения проективного метода объективным тестам, в которых от испытуемых ожидают прямых ответов. Цели проективных методик относительно замаскированы, что уменьшает возможность скрыть проявления исследуемого свойства. Кроме того, несмотря на неоднозначность оценки надежности и интерпретации полученных данных, именно использование механизма проекции является наиболее чувствительным инструментом для выявления скрытых и неосознаваемых аспектов поведения, завуалированных или непризнаваемых сторон личности.

Опираясь на труды А. Анастаси, С. Урбина [1], П. Клайна [11], Л.Ф. Бурлачука, Е.Т. Соколовой [6], с учетом требований, предъявляемых к разработке действенных современных психодиагностических методик, сформулированных Н.А. Батуриным и Н.Н. Мельниковой [4], была разработана авторская проективная методика определения доминирующих мотивов детских имущественных преступлений.

Стимульный материал представляет собой основанные на реальных событиях девять сюжетных историй, описывающих ситуации априорно противоправного поведения несовершеннолетних, разнообразные по обстоятельствам хищений и сферам социального взаимодействия героев историй с представителями референтных групп. Истории подобраны таким образом, чтобы испытуемый при их интерпретации имел возможность отразить максимальное количество потребностей, которые могут быть удовлетворены при совершении описанных поступков. Соответствуя аддитивной проективной технике, после каждой стимульной истории следуют пять состоящих из нескольких слов неоконченных, но специфически сформулированных фраз, позволяющих направить проявление стимульной реакции несовершеннолетнего на отражение конкретных элементов мотивационной сферы. Испытуемому предлагается завершить фразы по своему усмотрению.

Теоретическая основа методики и ее практическое использование позволяют выявлять как актуальные мотивы поведения несовершеннолетних правонарушителей, так и потенциальные, которые могут организовать противоправное поведение, однако, благодаря действию иных факторов, не были реализованы диагностируемыми, в том числе законопослушными, подростками, юношами. Диагностирование доминирующих мотивов противоправного имущественного поведения произведено по показателям встречаемости (характеристика частоты проявления признака определенного мотива) и интенсивности (характеристика силы проявления определенного мотива), различное сочетание которых позволяет предположить их влияние на реальное поведение несовершеннолетнего.

Наряду с этим, методика позволила путем обратной связи подтвердить концептуальные положения предложенной ранее классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей. Забегая вперед, можно сказать, что все выделяемые виды мотивов нашли свое проявление в реакциях испытуемых различных групп. Кроме того, отдельно выведенная шкала «неприятя ситуации» позволила выявить несовершеннолетних, чья реакция выражала полное отрицание предложенных стимулов противоправного содержания либо была направлена на декриминализацию стимульного материала.

Исследование было проведено на двух выборках несовершеннолетних возрастом 14–17 лет. Первую группу составили несовершеннолетние состоящие на учете в подразделениях полиции за совершение имущественных преступлений, т. е. подростки и юноши, чьи побуждения удовлетворить потребности запрещенным способом, как минимум единожды находили свою реализацию (93 человека). Вторую группу составили ученики образовательных школ, в отношении которых нет сведений о совершении противоправных действий, т. е. законопослушные дети из социально-благополучных семей (74 человека).

Таблица 1

Выраженность потенциальных мотивов противоправного поведения у несовершеннолетних преступников

Критерий оценки проявления мотива	Корыстный	Самоутверждения	Повышения самооценки	Мести	Безопасности	Физиологический	Зависти	Игровой.	Гуманный	Неприятя ситуации
Частота встречаемости	60,4	42,4	43,6	19,2	25,6	3,2	8,4	9,8	44,3	2,8
Степень интенсивности	43,5	29,4	30,7	19	18,8	1,6	4,5	5,3	30,4	2,8

Выраженность мотивов противоправного имущественного поведения у испытуемых категории правонарушителей представлена в табл. 1. Полученные результаты

свидетельствуют о количественном преобладании корыстного мотива, примером которого является завершённое испытуемым предложение: «Понимая, что в общежитии ноутбуком он пользоваться не сможет...*оставит дома и будет пользоваться там*».

Показатель интенсивности проявления корыстного мотива также достаточно высокий, что свидетельствует о значительной вероятности его реализации представителями исследуемой группы в виде конкретных противоправных поступков.

Заслуживает внимание значительная выраженность в группе правонарушителей, как по критерию встречаемости, так и по критерию интенсивности, гуманного мотива совершения преступления. Такие эмпирические показатели побуждения, направленного на достижение пользы, добра для других людей могут быть обусловлены возрастной потребностью в социальной группе, которая их принимает, и *расположении ее участников*. Отдельные ответы были связаны с потребностью вызвать позитивные эмоции близкого члена семьи: «Оставить маму без подарка на 8-е марта для Вики означало бы...*что она ее не любит*».

Однако зачастую в реакциях на стимульный материал у диагностируемых несовершеннолетних гуманный мотив сочетался с собственной материальной выгодой («для себя Денис понимал, что на самом деле он так поступил...*вначале помогал, потом решил и заработать*»).

Часто и интенсивно в данной группе проявляется мотив повышения самооценки («ребята помогли Максиму совершить кражу. В компанию его приняли. Для себя Максим понял...*что он такой, как все*») и мотив самоутверждения («сумев первым из ребят принести товарищам виски, Сергей...*обрадовался и почувствовал к себе уважение*»). Также в реакциях правонарушителей достаточно выраженными оказались мотивы безопасности («Сравнивая условия ночевки в чужом городе и свои действия, Дима...*боялся и был готов на все, лишь бы не ночевать в чужом городе, взял украл деньги*») и мести («Андрей, объясняя себе свой поступок, думал...*вот ты издевался надо мной всю жизнь, теперь я тебе отомщу*»).

Значительно меньше остальных проявились игровой мотив («Антон понял, что когда скрывался от персонала магазина и брал крем, он ощутил...*как играет адреналин и мозги отключаются*»), мотив зависти («Когда Саша вспомнил, что это велосипед победителя...*он думал, что сейчас ему будет не до радости от победы, он его подколол, поиздевался*») и физиологический мотив («Оставшиеся деньги...*он оставил для покупки теплых вещей и для пропитания себя и семьи*»). Показатели последнего мотива свидетельствуют о частных случаях его проявления и о необходимости дополнительного (и немедленного) изучения личности несовершеннолетнего.

В группе несовершеннолетних правонарушителей крайне низкое значение показала реакция «неприятя ситуации», что говорит об актуальности для испытуемых тем, затронутых в методике и о наличии как минимум потенциальных побуждений к реализации имеющихся потребностей описанными в методике поступками.

Таблица 2

**Выраженность потенциальных мотивов противоправного поведения у
законопослушных несовершеннолетних**

Критерий оценки проявления мотива	Корыстный	Самоутверждения	Повышения самооценки	Мести	Безопасности	Физиологический	Зависти	Игровой	Гуманный	Неприятие ситуации
Частота встречаемости	53,3	44,1	51,4	4,9	31,6	2,6	5,8	11,7	34,2	5,5
Степень интенсивности	36,2	30,7	36,4	8,2	23,4	1,3	3,4	6,7	25	5,5

Анализ реакции законопослушных несовершеннолетних показал значение потенциального корыстного мотива как одного из доминирующих (табл. 2). В тоже время при наибольшем показателе встречаемости существенно меньший показатель интенсивности дает основание полагать, что мотив может быть реализован подростком, юношей при совпадении некоторого множества окружающих факторов. Такая тенденция в полной мере характеризуется словами одного из испытуемых «...неплохо было бы забрать себе его смартфон, но ничего для этого я делать не стал бы».

Результаты диагностирования законопослушных несовершеннолетних свидетельствуют о доминировании, наряду с корыстным, потенциального мотива повышения самооценки, интенсивность проявления которого занимает ведущую позицию. Сочетание с достаточно ярко выраженным близким по происхождению мотивом самоутверждения говорит о вызывающей тревогу потенциальной готовности к совершению имущественных преступлений с целью удовлетворения потребностей, соответствующих этим мотивам.

Следует отметить, что у законопослушных испытуемых достаточно редко, но существенно чаще, чем у нарушителей, проявляется реакция неприятия ситуации преступного поведения, что говорит о существующей склонности не допускать мысли о возможности преступить закон независимо от целей и потребностей.

Таким образом, в процессе изучения противоправного имущественного поведения несовершеннолетних была предложена классификация мотивов такого поведения, основанная на содержании потребностей, лежащих в его основе. Также была разработана авторская проективная методика выявления доминирующих реальных и потенциальных мотивов подросткового и юношеского противоправного имущественного поведения, представлены и описаны результаты применения данной методики при исследовании

мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей и законопослушных несовершеннолетних.

Реализованное исследование создает предпосылки для более глубокого понимания психологического портрета подростка и юноши, склонных к совершению имущественных нарушений, а также внутренних причин такого поведения; полученные при этом результаты являются основой для разработки мероприятий, как раннего предупреждения детской преступности, так и профилактики рецидивных преступлений несовершеннолетних.

Литература

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2007. 688 с.
2. Антонян Ю.М. Бессознательное в корыстном преступном поведении // *Общество и право*. 2015. № 2 (52). С. 120–128.
3. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. Москва: Юристъ, 1996. 203 с.
4. Батурин Н.А., Мельникова Н.Н. Технология разработки тестов: Часть 1 // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. 2011. № 13. С. 48–59.
5. Бескова Т.В. Особенности проявления зависти в межличностном взаимодействии субъектов // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. Т. 12. № 5 (37). С. 103–109.
6. Бурлачук Л.Ф. Введение в проективную психодиагностику. Киев: Вист-С, 1997. 128 с.
7. Васильева Н.В., Горьковая И.А. Судебная экспертиза и ее клинико-психологические основания. СПб.: Балтийская педагогическая академия, 1997. 170 с.
8. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. СПб.: Речь, 2007. 396 с.
9. Зелинский А.Ф. Криминальная психология: науч.-практич. издание. Киев: Юринком Интер, 1999. 240с.
10. Ильин Е.П. Психология зависти, враждебности, тщеславия. СПб.: Питер, 2014. 208 с.
11. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов: пер. с англ. Киев: ПАН Лтд., 1994. 288 с.
12. Коновалова И.А. Объективные и субъективные признаки несовершеннолетнего субъекта корыстно ориентированной преступности // *Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция»*. 2012. № 2. С. 30–32.
13. Логинова К.Ю. Мотивы имущественных преступлений несовершеннолетних //

Вестник томского государственного университета. Право. 2014. № 1 (11). С. 56–62.

14. Маслоу А.Х. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010. 352 с.
15. Овчарова Р.В., Малюшина Ю.А. Криминальная мотивация несовершеннолетних правонарушителей и ее коррекция. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. 176 с.
16. Ustinov D.V., Ustinova N.V. Problem the formation of concept motives crime with the use of psychological attribute underliberate // Pedagogics. Psychology: select Papers of International Scientific School «Paradigma» (summer-2015, Varna, Bulgaria). 2015. P. 128–136.

Content of needs as classification criteria of unlawful property behavior of children

Ustinov D.V., Postgraduate of Psychology Department, Donetsk National University, Deputy Chief of Juvenile Department of Ministry of Internal Affairs DPR, Lieutenant-colonel of Police (d-ustin.80@mail.ru)

The article presents a classification of motives unlawful property behavior by criterion content needs teenager and younker, which are satisfied during criminal acts, encroaching other's ownership. Detection this needs allows identify and implement events of recidivist crimes prevention also take action early prophylaxis with considering individual characteristics of personality. Besides in article lead shot description experimental projective technique, serving for diagnosis real and potential motives committing property crimes by children. Consider the results of study of motivational sphere of juvenal offender and low-abiding minor by dint of presented technique. Analyzed dominant motives unlawful property behavior different categories minors with considering age features.

Key words: juvenile delinquency, motive of crime, needs of juvenile offenders, crimes against property.

References

1. Anastasi A., Urbina S. Psikhologicheskoe testirovanie [Psychological testing]. Saint-Peterburg: Piter, 2007. 688 p.
2. Antonyan Yu.M. Bessoznatel'noe v korystnom prestupnom povedenii [Unconsciousness in mercenary criminal behavior]. *Obshchestvo i pravo [Society and law]*, 2015, no 2 (52), pp. 120-128.
3. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii [Psychology of the criminal and investigation of crimes]. Moscow: Yurist, 1996. 203 p.
4. Baturin N.A., Mel'nikova N.N. Tekhnologiya razrabotki testov: chast' 1 [Test development technology. Part 1]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Psikhologiya» [Bulletin of the South Ural State University. Psychology series]*, 2011, no 13, pp. 48-59.
5. Beskova T.V. Osobennosti proyavleniya zavisti v mezhlichnostnom vzaimodeistvii sub"ektov [Features of the manifestation of envy during interpersonal interaction of subjects]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [The news of Samara Science Center Russian Academy of Sciences]*, 2010, vol. 12, no 5 (37), pp. 103-109.

6. Burlachuk L.F. Vvedenie v proektivnuyu psikhodiagnostiku [Introduction to projective psychodiagnostics]. Kiev: Vist-S, 1997. 128 p.
7. Vasil'eva N.V., Gor'kovaya I.A. Sudebnaya ekspertiza i ee kliniko-psikhologicheskie osnovaniya [Forensic examination and its clinical, psychological grounds]. Saint-Peterburg: Baltiiskaya pedagogicheskaya akademiya, 1997. 170 p.
8. Granovskaya R.M. Elementy prakticheskoi psikhologii [Elements of practical psychology]. Saint-Peterburg: Rech', 2007. 396 p.
9. Zelinskii A.F. Kriminal'naya psikhologiya. Nauchno-prakticheskoe izdanie [Criminal psychology. Scientific and practical edition]. Kiev: Yurinkom Inter, 1999. 240 p.
10. Il'in E.P. Psikhologiya zavisti, vrazhdebnosti, tshcheslaviya [The psychology of envy, hostility, vanity]. Saint-Peterburg: Piter, 2014. 208 p.
11. Klain P. Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniyu testov [Test Development Reference Manual]. Kiev: PAN Ltd., 1994. 288 p. (in Russ.).
12. Konovalova I.A. Ob"ektivnye i sub"ektivnye priznaki nesovershennoletnego sub"ekta korystno orientirovannoi prestupnosti [Objective and subjective symptoms minor subject of mercenary-oriented crime]. *Vestnik MGOU. Seriya «Yurisprudentsiya» [Bulletin of Moscow State Region University. Jurisprudence series]*, 2012, no 2, pp. 30-32.
13. Loginova K.Yu. Motivy imushchestvennykh prestuplenii nesovershennoletnikh [Motives of property crimes by minors]. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. [Bulletin of Tomsk State University. Law]*, 2014, no 1 (11), pp. 56-62.
14. Maslow A. Motivatsiya i lichnost'. 3-e izdanie [Motivation and personality]. Saint-Peterburg: Piter, 2010. 352 p. (in Russ.).
15. Ovcharova R.V., Malyushina Yu.A. Kriminal'naya motivatsiya nesovershennoletnikh pravonarushitelei i ee korrektsiya [Criminal motivation of juvenile offenders and its correction]. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2011. 176 p.
16. Ustinov D.V., Ustinova N.V. Problem the formation of concept motives crime with the use of psychological attribute underliberate. *Pedagogics. Psychology: select Papers of International Scientific School "Paradigma" (summer-2015)*, 2015, pp. 128-136.

К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК¹

Чиркина Р.В., кандидат психологических наук, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии, МГППУ (rimmach@bk.ru)

Делибальт В.В., доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, МГППУ (delibalt@yandex.ru)

Дозорцева Е.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, МГППУ; руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского (edozortseva@mail.ru)

Дегтярев А.В., старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, МГППУ (art_milk@mail.ru)

Дебольский М.Г., кандидат психологических наук, профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, МГППУ; ведущий научный сотрудник, «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации» (mdebolsky@mail.ru)

Воронина А.В., аспирант кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, МГППУ (2106-91@mail.ru)

В статье рассматривается проблематика выделения диагностических признаков, дифференцирующих различные категории отклоняющегося поведения детей и подростков в контексте деятельности психолого-медико-педагогической комиссии (ПМПК), основной целью которой является своевременное выявление

¹ Статья выполнена в рамках Государственного задания № 25.4394.2017/НМ Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение проекта по теме «Разработка научно-методического обеспечения деятельности ПМПК при проведении обследования и разработке рекомендаций для обучающихся с девиантным поведением в том числе, находящихся в конфликте с законом».

детей с особенностями в физическом и (или) психическом развитии и (или) отклонениями в поведении, проведение их комплексного психолого-медико-педагогического обследования и подготовка по результатам обследования рекомендаций по оказанию им психолого-медико-педагогической помощи и организации их обучения и воспитания. К числу таких детей относятся не только дети с ОВЗ, но и с различными видами девиантного и делинквентного поведения. В статье представлены анализ личных дел воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа для несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом, инструмент структурированной оценки социальной ситуации развития ребенка, апробированный в рамках проекта «Разработка научно-методического обеспечения деятельности ПМПК при проведении обследования и разработке рекомендаций для обучающихся с девиантным поведением, в том числе находящихся в конфликте с законом».

Ключевые слова: девиантное поведение, делинквентное поведение, социальная ситуация развития, психолого-медико-педагогическая комиссия (ПМПК).

Для цитаты:

Чиркина Р.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г. и др. К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018(8). № 1. С. 77-94. doi: 10.17759/psylaw.2018080106

For citation:

Chirkina R.V., Delibalt V.V., Dozortseva E.G. et al. About the substantiation of diagnostic indices in different categories of juveniles with delinquent behavior within the authority of the psychological, medical and educational committee. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.77-94. doi: 10.17759/psylaw.2018080106

Введение

Психолого-медико-педагогическая комиссия устанавливает наличие ОВЗ у ребенка и потребность в создании специальных условий обучения и воспитания. В ФГОС предполагается изменение образовательного маршрута, программ и условий получения образования обучающимися с ОВЗ на основе комплексной оценки личностных, метапредметных и предметных результатов освоения адаптированных основных образовательных программ начального образования, заключения ПМПК и мнения родителей. В настоящее время произошло расширение категорий детей и подростков, которые направляются на обследование в ПМПК. Помимо отклонений в развитии анализаторных систем, интеллекта, речевого развития, опорно-двигательного аппарата, расстройств аутистического спектра, ПМПК также рассматривает проблемы, связанные с отклоняющимся поведением.

Можно выделить две различающиеся тяжестью и выраженностью формы отклоняющегося поведения. К первой относится девиантное поведение, нарушающее общие возрастные нормы и требования (прогулы школы, побеги из дома, употребление ПАВ, агрессивное поведение, ранний сексуальный опыт и др.), но не являющиеся уголовно наказуемыми. Вторая, более тяжелая форма, включает в себя делинквентное поведение, нарушающее нормы уголовного закона. В обоих случаях необходимы дифференцированные рекомендации по работе с ребенком.

Соответственно, в зависимости от категории детей и подростков с отклоняющимся поведением ПМПК проводит два вида обследования:

1. несовершеннолетних с девиантным поведением;
2. несовершеннолетних с делинквентным поведением, т. е. находящихся в конфликте с законом.

Легкие варианты девиантного поведения могут корректироваться в рамках общеобразовательных учреждений. Для детей и подростков с более серьезными поведенческими проблемами в России существуют два типа образовательных учреждений – специальные учебно-воспитательные учреждения (школы) открытого и закрытого типа.

В школы открытого типа (СУВУ ОТ) принимаются учащиеся в возрасте от 8 до 18 лет, требующие специального педагогического подхода, на основании постановления комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП), заключения ПМПК и с согласия родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, а также самих несовершеннолетних, достигших возраста четырнадцати лет. Вопрос об определении нуждаемости несовершеннолетнего в специальном педагогическом подходе отнесен к полномочию ПМПК, на основании заключения которой КДН и ЗП принимает постановление, разрешающее прием несовершеннолетнего в школу открытого типа.

В школы закрытого типа (СУВУ ЗТ) на основании постановления или приговора суда принимаются несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода в случаях, если:

1) они не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность;

2) достигли возраста уголовной ответственности, но в силу отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими;

3) осуждены за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления и освобождены судом от наказания в установленном Уголовным кодексом порядке (ст. 92 Уголовного кодекса РФ).

Перед ПМПК стоит задача комплексного и всестороннего обследования детей и подростков с девиантным поведением, а также находящихся в конфликте с законом. Это требует особого методологического обоснования для выделения признаков отклоняющегося поведения и факторов риска, применения диагностического инструментария, разработки модели деятельности комиссии, специфических организационных процедур и межсистемных взаимодействий (с судом, прокуратурой, следствием и другими органами) с учетом юридически значимого контекста, возрастной и клинической специфики обследуемых.

Методологические основания

Для выделения критериев диагностического обследования несовершеннолетних с девиантным и делинквентным поведением необходимо более точно определить данные понятия. В девиантологии под отклоняющимся (девиантным) поведением понимается устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, не соответствующее распространенным в обществе ценностям, правилам, стереотипам поведения, ожиданиям, установкам, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, непосредственно угрожающее благополучию межличностных отношений, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией [9; 10].

В праве под отклоняющимся поведением понимается все, что противоречит принятым в настоящее время правовым нормам и запрещено под угрозой наказания. Ведущим критерием правовой оценки действий индивида является мера их общественной опасности. По характеру и степени общественной опасности деяний их делят на преступления, административные и гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки. Таким образом, правовая оценка отклоняющегося поведения описывает делинквентное поведение. Иными словами, делинквентное (антисоциальное) поведение – это поведение, противоречащее правовым нормам, угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих людей. Это те действия или бездействия, которые запрещены законодательством.

В медицине отклоняющееся поведение рассматривается как расстройство поведения. Например, в DSM-IV выделяют четыре типа расстройств поведения: агрессия по отношению к другим, уничтожение имущества, обман или воровство, серьезные нарушения правил [2]. Однако важно отметить, что медицинская классификация поведенческих расстройств основана на психопатологическом и возрастном критериях. В соответствии с ними выделяются поведенческие нарушения, сообразные медицинским диагностическим критериям, т. е. достигающие уровня болезни. В данном контексте значимым является понятие психического дизонтогенеза, т. е. многомерного комплекса синдромов, проявляющегося в форме аномального психического, психосексуального, психофизического, психоэндокринного развития во время кризовых и внекризовых периодов детского и юношеского антропогенеза. В ряде случаев на фоне нарушенного развития, эмоционально-волевой дисрегуляции поведения, недостаточной сформированности контроля и прогноза своих поступков возникает и находит свое выражение агрессивное, девиантное и делинквентное поведение [7; 12; 13]. Если поведенческие нарушения проявляются на фоне тяжелых психических расстройств, то они не могут рассматриваться отдельно от клинической картины данных заболеваний.

Таким образом, для диагностики особенностей психического развития детей и подростков с девиантным и делинквентным поведением центральной категорией является «психологический возраст». В культурно-исторической психологии Л.С. Выготского психологический возраст представляет собой единицу анализа психического развития, в структуру которого входят социальная ситуация развития, ведущая деятельность, новообразования и возрастной кризис [4; 5].

Социальная ситуация развития характеризует специфические и неповторимые в каждом возрастном периоде отношения ребенка и его ближайшего окружения, в которых скрыта задача развития. Эта задача решается в рамках ведущей деятельности, которая определяет важные психологические новообразования возраста. А возрастной кризис приводит к изменению в системе отношений [4; 5]. Соответственно, нарушения в системе отношений, искажение или деформация ведущей деятельности обуславливают как проявления социально-психологической дезадаптации, так и нарушения смысловой регуляции поведения, которые могут привести к формированию проблемного и девиантного поведения.

Отклоняющееся поведение отличается возрастным своеобразием и в строгом смысле может применяться к детям в возрасте 9 лет и старше [9; 10].

В детском возрасте (от 5 до 12 лет) наиболее распространены такие формы девиантного поведения, как насилие по отношению к младшим детям или сверстникам, жестокое обращение с животными, воровство, мелкое хулиганство, разрушение имущества, поджоги, побеги из дома, бродяжничество, школьные прогулы, агрессивное поведение, злословие, ложь, воровство, вымогательство (попрошайничество).

У подростков (от 13 лет) преобладают такие виды девиантного поведения, как хулиганство, кражи, грабежи, вандализм, физическое насилие, торговля наркотиками, уходы из дома, бродяжничество, школьные прогулы или отказ от обучения, ложь, агрессивное поведение, промискуитет (беспорядочные половые связи), граффити (настенные рисунки и надписи непристойного характера), субкультуральные девиации (сленг, шрамирование, татуировки). Спецификой девиантного поведения в подростковом возрасте является его опосредованность групповыми ценностями.

Как отмечают многие авторы, у юношей старше 16 лет делинквентное поведение проявляется преимущественно в форме правонарушений, влекущих за собой уголовную или гражданскую ответственность и соответствующее наказание. При этом отмечается, что проявление такого поведения увеличивается в пубертатный период, а после 18 лет снижается [9; 10].

Для понимания специфики развития девиантного и делинквентного поведения изучаются различные детерминирующие факторы. Большинство исследователей сходится на том, что нельзя говорить о роли какого-то одного фактора в генезе девиантного поведения, чаще всего речь идет о различных факторах как предпосылках формирования нарушений поведения [2; 9; 10; 18]. Среди факторов выделяют внутренние (адекватность, критичность, продуктивность, когнитивные способности, эмоции, личностные характеристики, ведомость, подчиняемость, особенности волевой регуляции поведения, импульсивность, клиничко-психологические проблемы и др.) и внешние (отношения ребенка

с ближайшим окружением, специфика социальной среды, особенности района или региона проживания, доступность социальных сервисов и различных видов помощи и проч.).

Таким образом, в процессе диагностического обследования несовершеннолетних с девиантным и делинквентным поведением следует учитывать целый ряд факторов и признаков.

Исследование диагностических признаков

Для обоснования диагностических признаков отклоняющегося поведения и разработки процедуры обследования был проведен предварительный анализ личных дел несовершеннолетних правонарушителей, являющихся учащимися СУВУ ЗТ, направляемых преимущественно по постановлению или приговору суда в 2017 г.

Задачи исследования.

1. Выявление по материалам, сопровождающим воспитанников в СУВУ ЗТ, социально-психологических особенностей детей с делинквентным поведением и выделение типологических различий групп делинквентов.
2. Анализ заключений и рекомендаций ПМПК, передаваемых в СУВУ ЗТ.
3. Определение диагностических параметров, необходимых для вынесения ПМПК обоснованных рекомендаций психолого-педагогического характера.

Учитывались следующие параметры:

- возраст учащихся;
- основание для направления в СУВУ (характер деяния);
- образование (есть/нет, если есть, то какая именно подготовка);
- состояние здоровья (наличие сведений, какие сведения), сопутствующие заболевания (есть/нет сведений), наличие заключения психолого-медико-педагогической комиссии (есть/нет), наличие рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии (есть/нет, специфика рекомендаций);
- семейная ситуация (полная/неполная семья, несовершеннолетний находится под опекой, несовершеннолетний имеет статус ребенка-сироты или ребенка, оставшегося без попечения родителей (ранее проживал в детском доме)), характеристика семьи (наличие сведений, особенности семьи);
- симптомы девиантного/делинквентного поведения;
- наличие и содержание заключений ПМПК;
- психологическая характеристика (есть/нет, материалы из судебного дела), данные психологического обследования (есть/нет, содержание данных);

- характеристики социального окружения;
- противоправный дебют (в каком возрасте было совершено первое правонарушение, если судебное дело не первое, возраст на момент совершения деликта по данным судебного дела);
- прогноз (благоприятный/неблагоприятный/положительный при условии помощи).

Было рассмотрено более 200 личных дел. Из них данные по всем исследуемым параметрам, необходимые для полноты анализа, содержались в 116 делах, заключений ПМПК было 148. Поэтому разные показатели подсчитывались на выборке с разным количеством дел.

В выборку вошли несовершеннолетние из 42 регионов, направленные в 19 СУВУ в возрасте от 11–12 до 17 лет. В основном, ими совершались систематические противоправные действия, небольшой и средней тяжести, в том числе кражи, вымогательство, нанесение легких и средней тяжести телесных повреждений, угон транспортных средств, причинение ущерба имуществу, вандализм, распространение наркотиков.

Образование. По итогам рассмотрения вводных (общих данных) можно сказать, что большинство направляемых – ученики 5–9 классов, из 200 человек около 40% оставались на второй год. У 9% респондентов имеется профессиональная подготовка. 19% обучаются по программе 7-го вида, 11% – по программе 8-го вида.

Семейная ситуация. 26% воспитываются в полной семье. 20% – в неполной семье. В остальных случаях родители или лишены родительских прав, или ребенок – сирота. Также большая часть семей имеют статус «находящиеся в социально опасном положении» или «малообеспеченные семьи» (68%).

Поведение. Были выявлены общие характеристики девиантного поведения: алкоголизация (47%), наркомания (11%), курение 100%, демонстрация физической силы (22%), кражи (47%), уходы из дома (19%), бродяжничество (7%), ярко выраженная агрессивность (67%), токсикомания (13%), нарушения дисциплины, отсутствие реакции на замечания педагогов (84%).

По типам девиаций в выборке преобладает агрессивное поведение (35%), для 28% характерно противоправное поведение, для 23% – аддиктивное поведение и у 13% наблюдаются сочетанные формы поведенческих нарушений.

Психологические особенности были выявлены только из судебных документов, в которых наличие и степень подробности их описания очень неравнозначны. По результатам рассмотрения материалов дел были выявлены разрозненные психологические характеристики, учебные навыки и особенности социального взаимодействия.

Респонденты проявляют вспышки гнева, повышенную возбудимость, характеризуются как ведомые, конфликтные, импульсивные, неуравновешенные, агрессивные. Также очень часто их характеризуют как эгоцентричных, эмоционально неустойчивых, имеющих эмоциональную незрелость.

Социальное окружение описано также в некоторых судебных документах. Часто (более половины) в судебном деле указывается, что у детей в друзьях имеются нарко- и алкозависимые, судимые или состоящие на учете в ПДН сверстники или более старшие товарищи. Некоторые сами являются отрицательными лидерами (32%), не имеют близких друзей.

Проявляют низкую учебную мотивацию или отрицательное отношение к учебе, систематически пропускают учебные занятия, не выполняют домашнее задание более 80%, имеют нарушения внимания, усидчивости, эмоционально-волевой регуляции (69%).

Противоправный дебют чаще всего относится к возрасту 12–13 лет, более 70% детей до последнего деликта уже состояли на учете в ПДН и только у 30% противоправных действий ранее не установлено.

Прогноз практически у всех респондентов неблагоприятный (по материалам судебных дел прогностические риски являются мотивирующей частью решения о направлении в СУВУ ЗТ).

Состояние здоровья фиксируется в медицинских справках, которые выдаются медицинским учреждением по месту жительства, содержат предельно скудную информацию о заболеваниях и совсем не включают информации о заболеваемости, особенностях организма и состоянии здоровья в анамнезе. По состоянию здоровья практически всем направляемым определен статус «здоров» и «сопутствующих заболеваний не выявлено» (кроме нескольких несовершеннолетних, имеющих хронические соматические заболевания). Противопоказаний о направлении в СУВУ ЗТ в исследуемом массиве данных не обнаружено.

При этом в личных делах 36% подростков встречаются описания поведения, учебной деятельности, психологических особенностей, указывающие на возможную патологию (патохарактерологическое развитие личности, снижение интеллекта без диагноза, неадекватное поведение и пр.).

Таким образом, вышеуказанные факторы говорят о необходимости проведения тщательного обследования несовершеннолетних ПМПК, а в некоторых случаях и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Анализ заключений ПМПК по данной выборке показал, что наиболее часто встречаются следующие резюмирующие формулировки: «Обучающийся с ОВЗ» (встречается в 55% заключений у детей, обучающихся по программам 7-го и 8-го вида); «Обучающийся без ОВЗ» (встречается в 9% заключениях у детей, учащихся по общеобразовательной программе); «Социализированное расстройство поведения» (встречается у 20% респондентов); «Нарушение поведения» и «нарушение эмоционально-волевой сферы» (встречается также у 15% обследованных). У 10% респондентов имеются такие заключения: «Уровень развития в норме», «Интеллект соответствует возрасту», «Социально-педагогическая запущенность», диагнозы F 90.1 F 84.8.

В 7% дел заключения содержат констатацию того, что «психологическое развитие соответствует возрасту», «педагогическая запущенность», «пограничная интеллектуальная

недостаточность», «парциальная недостаточность когнитивного компонента». В одном из заключений зафиксировано мнение: «Считаю возможным исправление без реального лишения свободы». У 6% зафиксированы: «Дисгармоничное развитие (экстрапунитивный тип)»; «Нарушение речи»; «Нуждается в специальных условиях обучения и воспитания». Единично встречаются: «Патохарактерологическое расстройство личности»; «Психический статус в норме»; «Социальная дезадаптация»; «Познавательное развитие в нижних границах нормы»; «Ребенок с ОВЗ: смешанная парциальная недостаточность, интеллект недостаточен, знания, умения, навыки не соответствуют возрасту, нарушение чтения и письма»; «Имеет особенности в развитии»; «Трудности в обучении, тотальное недоразвитие психических функций с выраженными поведенческими нарушениями»; «Психическое развитие соответствует норме»; «Искаженное развитие».

Наиболее часто встречающиеся рекомендации ПМПК.

1. По образовательным программам: «Основная общеобразовательная программа основного общего образования – 100% (97 из 97 ПМПК), 70% – АООП с ЗПР, 30% – АООП с умственной отсталостью легкой степени.

2. Не связанные с программой обучения: «Наблюдение у психиатра» – 25%; «Формирование мотивации к учебной деятельности» – 30%; 22% – «Выработка навыков контроля»; 12% – «Профпросвещение»; «Требует специального педагогического подхода»; «Коррекция эмоционально-волевой сферы»; 10% – «Противопоказаний для обучения в учреждениях закрытого типа нет»; «Пересмотр родителями стиля воспитания»; «Составление плана личных достижений»; 7% – «Психолого-педагогическое сопровождение»; «Коррекционная работа с учителем дефектологом; логопедом; психологом»; 6% – «Ликвидация пробелов в знаниях»; «Развитие социальной адаптации»; 3% – «Коррекция поведения». Встречается единожды – «Нуждается в специальных условиях воспитания».

Анализ заключений ПМПК показал, что, несмотря на единство форм фиксации (протоколов, бланков заключений), в описании полученных в процессе обследования данных проявляются существенные различия, которые выражаются:

- в объеме представленной резюмирующей и рекомендательной части;
- в содержательной информативности заключения и рекомендаций;
- в степени развернутости и конкретности рекомендаций, их практической ориентированности;
- в разнотипности формулировок, описывающих статус и выявленные особенности.

На основе предварительного анализа личных дел учащихся СУВУ ЗТ была разработана программа апробации процедуры обследования и модели деятельности комиссии.

В настоящее время в работе ПМПК с несовершеннолетними с нарушениями поведения используется традиционная амбулаторная (констатирующая) модель

Чиркина Р.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г. и др. К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК. *Психология и право psyandlaw.ru* 2018. Том 8. №1. С. 77-94.

Chirkina R.V., Delibalt V.V., Dozortseva E.G. et al. About the substantiation of diagnostic indices in different categories of juveniles with delinquent behavior within the authority of the psychological, medical and educational committee. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2018. Vol. 8. no.1. pp. 77-94.

.....
обследования с однократным посещением ребенком специалистов. В рамках данной модели комиссии предоставляются те или иные документы и проводится комиссия диагностика в течение одного часа. Затем составляются заключение комиссии и рекомендации [6].

Однако данная модель деятельности и процедура обследования нуждается в существенной перестройке.

Модель обследования несовершеннолетнего на ПМПК и анализ диагностических признаков отклоняющегося поведения

В работе комиссии участвуют междисциплинарные специалисты – психолог (клинический психолог), социальный педагог, психиатр (психоневролог), дефектолог, логопед. Участие данных специалистов позволяет увидеть максимально полную картину и разработать рекомендации для индивидуальной программы помощи несовершеннолетнему. Фактически вся последующая практическая работа с несовершеннолетним выстраивается на основе заключения и рекомендаций ПМПК.

Авторами разработана «*Экспертная модель*» [6; 14] деятельности комиссии, которая включает ряд этапов.

На первом этапе социальный педагог, входящий в состав ПМПК, изучает и анализирует материалы, в которые могут входить различные документы, описывающие социальную ситуацию несовершеннолетнего, педагогические характеристики, ранее имевшиеся психологические заключения, медицинские документы, документы комиссии по делам несовершеннолетних, подразделений по делам несовершеннолетних органов полиции, при наличии – решение, постановление или приговор суда. При изучении документов социальный педагог использует метод структурированной оценки социальной ситуации развития несовершеннолетнего, разработанный авторами в рамках проекта [14]. После этого социальный педагог делает доклад другим специалистам комиссии, на основе которого подбирается батарея методик для каждого конкретного случая.

На втором этапе проводится обследование несовершеннолетнего психологом совместно с психиатром. Данный этап включает в себя проведение клинической беседы, комплексного экспериментально-психологического исследования и наблюдения за несовершеннолетним в процессе обследования. В случаях работы комиссии в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа обследование может проводиться на протяжении нескольких дней.

На третьем этапе несовершеннолетнего обследуют логопед и дефектолог.

На четвертом этапе специалистами комиссии проводятся совместный анализ результатов обследования, сопоставление данных с материалами, изученными на первом этапе, после чего составляется подробное заключение с выводами и рекомендательной частью.

Для обобщения и оценки данных о несовершеннолетнем требуется использование адекватных методов, в которых учитываются диагностические признаки девиантного и

делинкветного поведения, позволяющие обобщить информацию, оценить факторы риска и ресурсы развития, а также выйти на разработку рекомендаций по работе с ребенком. Такие методы должны отражать существующий в современной психиатрии и психологии целостный мультифакторный биопсихосоциальный подход [17]. Этот подход учитывает психологический, социальный и биологический контексты, которые также необходимо дополнить правовым контекстом, имеющим значение для оценки поведенческих нарушений.

Объединяясь в единую систему и взаимодействуя между собой, все контексты образуют *особую социальную ситуацию развития*, в которой находится несовершеннолетний на данном этапе своей жизни [1; 11; 16]. Именно данная особая социальная ситуация развития анализируется, сопоставляется с результатами обследования на этапе подготовки окончательного заключения по каждому отдельному случаю. С этой целью авторами разработана **«Структурированная оценка социальной ситуации развития несовершеннолетних с нарушениями поведения»** [14].

Данная методика построена по принципу метода структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетнего «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ) [3; 8; 15]. Отличие ~~из~~ методик состоит в том, что ОРВ имеет более глубокую методологическую проработку, и оценка показателей происходит в количественных показателях. *Структурированная оценка социальной ситуации развития* представлена в форме анкеты для качественного анализа правовых и биопсихосоциальных факторов, которая вначале заполняется социальным педагогом ПМПК, исходя из предоставленных материалов, характеризующих несовершеннолетнего, а затем дополняется другими специалистами комиссии.

В процессе работы специалистов ПМПК необходимо уделить особое внимание многомерной оценке, включающей в себя анализ социальной ситуации развития, индивидуально-психологических особенностей, десоциализирующих воздействий, социально-клинический анализ ведущего психического дизонтогенеза в случае его наличия с выделением базового механизма, его порождающего, клинико-психологический анализ проявлений аномального развития личности и психического состояния.

Психологические факторы в данной методике являются доминирующими, поскольку именно они, в конечном счете, определяют поведение несовершеннолетнего. К ним относятся личностные, когнитивные, аффективные и поведенческие особенности подростка (например, пониженная критичность, в том числе по отношению к девиантным и антиобщественным формам поведения, стрессовые переживания, негативные чувства по отношению к окружающим, заниженная самооценка, внушаемость, заостренные акцентуированные черты, склонность к протесту и негативизму, слабая смысловая наполненность социально позитивных видов деятельности и др.).

Среди **биологических (клинических) факторов**, выявляемых психиатрами, на первый план выступают последствия органического поражения головного мозга, проявления дизонтогенеза различных видов и происхождения и др.

Особое значение имеют **микро- и макросоциальные факторы** формирования отклоняющегося поведения: проблемная, неполная, деструктивная семья,

дисфункциональные и асоциальные группы сверстников, подверженность влиянию моды, СМИ, сети Интернет и т. п.

Социально-правовой статус несовершеннолетних с отклоняющимся поведением связан с факторами, которые можно обозначить как **правовые**. Они относятся к совершению подростком в прошлом противоправных действий различной степени тяжести, от незначительных до тяжких, иных правонарушений.

Заполнять предлагаемую *структурированную оценку социальной ситуации развития* возможно как до очной встречи с несовершеннолетним на основании тех материалов, которые предоставлены на ПМПК, так и непосредственно в процессе диагностики.

Психодиагностическая работа психологов имеет существенное значение не только для учебно-воспитательного процесса, но и для профилактики правонарушений и защиты прав несовершеннолетних. В процессе психодиагностики важно выявить признаки (индикаторы) девиантного поведения и ресурсов позитивного развития, включая факторы риска формирования отклоняющегося поведения, предохраняющие механизмы, сохраняемые стороны, на которые возможно опираться в процессе непосредственной практической работы с ребенком в образовательном учреждении. Эти характеристики могут быть положены в основу рекомендательной части заключения. Прежде всего, важно проанализировать способность к произвольной регуляции деятельности: особенности когнитивных функций, регулятивных характеристик деятельности в процессе обследования, особенности личности и степень ее зрелости.

Данные индикаторы предполагают проведение специалистами комиссии психологического и патопсихологического исследования, а также диагностики индивидуально-психологических особенностей, смысловой сферы, правосознания, саморегуляции и др.

Главный принцип психодиагностического обследования – целостный качественный анализ данных, получаемых в процессе изучения представленных на комиссию материалов, данных клинической беседы, поведения несовершеннолетнего в процессе обследования, сопоставления результатов каждой методики отдельно и всего обследования.

Психодиагностическое обследование представляет собой стандартизированную и в то же время гибкую процедуру, в ходе которой должны быть исследованы и оценены интеллектуальные и личностные особенности несовершеннолетних. При анализе интеллектуальных возможностей подростка проводится патопсихологическое исследование характеристик восприятия, памяти, внимания, мышления (операционального и логического), обучаемости, общей осведомленности и практической ориентации, индивидуально-психологических и личностных характеристик подростка, а также особенности отношений к себе и другим людям, социальных установок, мотивации. Батарея психодиагностического инструментария включает в себя в среднем от 10 до 15 методик. В то же время клиническая беседа и наблюдение представляют собой столь же важный источник информации, как и упомянутые выше методики. Во всех сферах констатация дефицитарности должна сопровождаться оценкой имеющихся сохраненных функций и свойств, а также ресурсных характеристик подростка.

Данные (результаты) экспериментально-психологического исследования оформляются в виде заключения психолога и используются при составлении заключения комиссии, обоснования выводов и рекомендованной индивидуальной программы работы с несовершеннолетним.

Каждый специалист в заключении комиссии отражает свою часть, с учетом предварительного согласования с результатами других членов комиссии и данных структурированной оценки социальной ситуации развития несовершеннолетнего. Отметим, что при обследовании детей с ОВЗ комиссия дает список рекомендаций, связанных с характеристикой учебной программы и сопровождением учебного процесса. В отношении несовершеннолетних с девиантным и делинквентным поведением список рекомендаций должен быть расширен за счет привлечения всех ресурсов и социальных сервисов системы профилактики. Только комплексный мультисистемный подход позволит нивелировать факторы риска и обеспечить нормативные условия развития детей и подростков.

Литература

1. Арон И.С. Структурно-содержательный анализ понятия «социальная ситуация развития» в контексте профессионального самоопределения личности // *Культурно-историческая психология*. 2013. № 4. С. 53–58.
2. Венар Ч. Психопатология развития детского и подросткового возраста / Ч. Венар, П. Кериг. СПб.: Изд-во «Прайм-Еврознак», 2007. 672 с.
3. Воронова Е.Л., Дрейзен А.А., Дозорцева Е.Г., Зыков О.В., Ошевский Д.С., Павлова Т.Н., Полятыкин А.А., Шипшин С.С., Шипшина О.С., Шкандыкова М.А. Оценка рисков и возможностей (ОРВ). Метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетнего: практика применения / Под ред. В.Б. Васечкина, А.А. Дрейзина, С.А. Полятыкина. М.: РБФ НАН, 2010. 40 с.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика. 1984. 432 с.
5. Делибалт В.В., Богданович Н.В. Психосоциальная реабилитация несовершеннолетних, попавших в юридически значимые ситуации, как задача культурно-исторической психологии // *Культурно-историческая психология*. 2017. Т. 13. № 3. С. 41–50.
6. Делибалт В.В., Дегтярев А.В. Вариативные модели деятельности психолого-медико-педагогических комиссий в контексте работы с несовершеннолетними с девиантным поведением // *Итоги и перспективы реализации важнейших положений национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: сб. материалов конференции* / Под ред. З.Ф. Драгункиной, В.В. Рубцова, Г.В. Семьи, А.С. Дубовик, А.А. Шведовской – М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С 117–118.
7. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным

поведением. М.: РИО «ГНЦ ССП Росздрава», 2004. 352 с.

8. Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Александрова Н.А. Оценка риска противоправных действий у детей и подростков: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011. 25 с.
9. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2010. С. 99–108.
10. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). М.: Издательский центр «Академия», 2003. 288 с.
11. Карабанова О.А. Понятие «социальная ситуация развития» в современной психологии // *Методология и история психологии*. 2007. № 4. С. 40–56.
12. Макушкин Е.В. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием. М.: ООО «Медицинское информационное агентство». 2009. 83 с.
13. Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Чибисова И.А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе: руководство для врачей. М.: Нестор-История. 2014. 124 с.
14. Методические рекомендации по организации обследования детей с тяжелыми и легкими поведенческими нарушениями и созданию для них специальных образовательных условий / С.В. Алехина, В.В. Делибалт, Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.В. Дегтярев Д.А. Малкин, В.А. Пимонов, Н.Я. Семаго, М.М. Семаго, Р.В. Чиркина. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. 113 с.
15. Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г. Перспективы использования структурированных методов оценки риска повторных деликтов при психологическом сопровождении несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами // *Психическое здоровье*. 2014. №. 7 (98). С. 3–11.
16. Султанова А.С., Иванова И.А. Особенности социальной ситуации развития детей в современных российских условиях [Электронный ресурс] // *Теория деятельности: деятельностные исследования в Германии*. 2011. № 4. С. 53–64. URL: <http://psyjournals.ru/tatigkeitstheorie/2011/n4/52956.shtml> (дата обращения: 27.10.2017).
17. Холмогорова А.Б. Две конфликтующие методологии в исследованиях психотерапии и ее эффективности: поиск третьего пути (часть II) // *Консультативная психология и психотерапия*. 2010. № 1. С. 14–37.
18. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. Академический проект. М.: Гаудеамус, 2007. С. 21–45.

About the substantiation of diagnostic indices in different categories of juveniles with delinquent behavior within the authority of the psychological, medical and educational committee

Chirkina R.V., PhD in Psychology, Head of Chair of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (rimmach@bk.ru)

Delibalt V. V., Associate Professor, Chair of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (delibalt@yandex.ru)

Dozortseva E.G., Doctor of Psychology, Professor, Chair of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Head of Laboratory for Child and Adolescent Psychology, National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky (edozortseva@mail.ru)

Degtyaryov A.V., senior lecturer, Chair of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (art_milk@mail.ru)

Debolsky M.G., PhD in Psychology, professor, Chair of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (mdebolsky@mail.ru)

Voronina A.V., PhD student, Chair of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (2106-91@mail.ru)

The problems of developing diagnostic indices, which could differentiate categories of deviant behavior in children and adolescents in the context of psychological, medical and educational committees' (PMEC) activities are considered. The main goal of PMEC is timely detection of children with peculiarities in their physical and / or mental development and / or behavior deviation, their complex psychological, medical and educational examination and, on the basis of its results, development of recommendations for the corresponding assistance and organization of their education. This group of minors includes children and adolescents not only with limited

health conditions, but also with different kinds of deviant behavior and in conflict with the law. In the article, the analysis of pupils' personal files from special closed educational institutions for minors in conflict with the law is presented. The methodical instrument for the structured assessment of a child's social situation of development in the work of a PMEC approved in the framework of the project "Development of scientific-methodical provisions for the PMEC work concerning examination and producing recommendations for pupils with deviant behavior and in conflict with the law" is described and used.

Key words: deviant behavior, delinquent behavior, social situation of development, psychological, medical and educational committee (PMEC).

References

1. Aron I.S. Strukturno-soderzhatel'nyi analiz ponyatiya «sotsial'naya situatsiya razvitiya» v kontekste professional'nogo samoopredeleniya lichnosti [Structural-content analysis of the concept of "social development situation" in the context of professional self-determination of the individual]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*. 2013, no. 4, pp. 53–58.
2. Venar, Ch. *Psikhopatologiya razvitiya detskogo i podrostkovogo vozrasta [Psychopathology of development of children and adolescence]*. St. Petersburg: Publ. «Praim-Evroznak», 2007, 672 p.
3. Voronova E.L., Dreizen A.A., Dozortseva E.G., Zykov O.V., Oshevskii D.S., Pavlova T.N., Polyatykin A.A., Shipshin S.S., Shipshina O.S., Shkandykova M.A. Otsenka riskov i vozmozhnostei (ORV). Metod strukturirovannoi otsenki riskov soversheniya povtornykh pravonarushenii i vozmozhnostei reabilitatsii nesovershennoletnego: praktika primeneniya [Risk and Opportunity Assessment (ODS). The method of structured assessment of the risks of committing repeated offenses and the possibilities of rehabilitation of a minor: the practice of applying]. Pod red. V.B. Vasechkina, A.A. Dreizina, S.A. Polyatykina. Moscow: Publ. RBF NAN, 2010, 40 p.
4. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii [Collected Works]: V 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya [Child psychology]*. Moscow: Publ. Pedagogika, 1984, 432 p.
5. Delibalt V.V., Bogdanovich N.V. Psikhosotsial'naya reabilitatsiya nesovershennoletnikh, popavshikh v yuridicheski znachimye situatsii, kak zadacha kul'turno-istoricheskoi psikhologii [Psychosocial rehabilitation of minors caught in legally significant situations, as a task of cultural-historical psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*. 2017. Vol. 13. no. 3, pp. 41–50.
6. Delibalt V.V., Degtyarev A.V. Variativnye modeli deyatel'nosti psikhologo-mediko-pedagogicheskikh komissii v kontekste raboty s nesovershennoletnimi s deviantnym povedeniem [Variative models of the activity of psychological, medical and pedagogical commissions in the context of working with minors with deviant behavior]. *Itogi i perspektivy realizatsii vazhneishikh polozhenii natsional'noi strategii deistvii v*

-
- interesakh detei na 2012– 2017 gody: Sbornik materialov konferentsii [Results and prospects for implementing the most important provisions of the national strategy for children for 2012-2017: Conference proceedings]. In Dragunkinoi Z.F., Rubtsova V.V., Sem'i G.V., Dubovik A.S., Shvedovskoi A.A. (eds.). Moscow: Publ. GBOU VPO MGPPU, 2015, pp. 117-118.
7. Dozortseva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem [Abnormal personality development in adolescents with unlawful behavior]. Moscow: Publ. RIO «GNTs SSP Roszdrava», 2004, 352 pp.
 8. Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Oshevskii D.S., Aleksandrova N.A. Otsenka riska protivopravnykh deistvii u detei i podrostkov: metod. rekomendatsii [Assessment of the risk of illegal actions in children and adolescents: a method. recommendations]. Moscow: Publ. FGBU «GNTsSSP imeni V.P. Serbskogo» Minzdravsotsrazvitiya Rossii, 2011, 25 p.
 9. Zmanovskaya E.V., Rybnikov V.Yu. Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy: Uchebnoe posobie [Deviant behavior of the individual and the group: Textbook]. St. Petersburg: Publ. Piter, 2010. pp. 99-108.
 10. Zmanovskaya, E.V. Deviantologiya: (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya) [Deviantology: (Psychology of deviant behavior)]. E.V. Zmanovskaya.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2003, 288 p.
 11. Karabanova O.A. Ponyatie «sotsial'naya situatsiya razvitiya» v sovremennoi psikhologii [The concept of "the social situation of development" in modern psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and history of psychology]. 2007, no. 4, pp. 40–56.
 12. Makushkin E.V. Agressivnoe kriminal'noe povedenie u detei i podrostkov s narushennym razvitiem [Aggressive criminal behavior in children and adolescents with disrupted development]. Moscow: Publ. OOO «Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo», 2009, 83 p.
 13. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Oshevskii D.S., Chibisova I.A. Kompleksnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza nesovershennoletnikh obvinyaemykh v ugovnom protsesse : Rukovodstvo dlya vrachei [Comprehensive psycho-psychiatric examination of juvenile defendants in criminal proceedings: A guide for doctors.]. Moscow: Publ. «Nestor-Istoriya», 2014, 124 p.
 14. Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii obsledovaniya detei s tyazhelymi i legkimi povedencheskimi narusheniyami i sozdaniyu dlya nikh spetsial'nykh obrazovatel'nykh uslovii [Methodical recommendations on the organization of examination of children with severe and mild behavioral disorders and the creation of special educational conditions for them]. In S.V. Alekhina, V.V. Delibalt, N.V. Dvoryanchikov, E.G. Dozortseva, M.G. Debol'skii, A.V. Degtyarev D.A. Malkin, V.A. Pimonov, N.Ya. Semago, M.M. Semago, R.V. Chirkina, Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2017. 113 s.

15. Oshevskii D.S., Dozortseva E.G. Perspektivy ispol'zovaniya strukturirovannykh metodov otsenki riska povtornykh deliktov pri psikhologicheskom soprovozhdenii nesovershennoletnikh pravonarushitelei s psikhicheskimi rasstroistvami [Prospects for using structured methods for assessing the risk of repeated delinquencies in the psychological accompaniment of juvenile offenders with mental disorders]. *Psikhicheskoe zdorov'e [Mental health]*. 2014, no. 7 (98), pp. 3–11.
16. Sultanova A.S., Ivanova I.A. Osobennosti sotsial'noi situatsii razvitiya detei v sovremennykh rossiiskikh usloviyakh [Elektronnyi resurs] [Features of the social situation of the development of children in modern Russian conditions]. *Teoriya deyatel'nosti: deyatel'nostnye issledovaniya v Germanii [Theory of activity: activity research in Germany]*. 2011, no 4, pp. 53–64. URL: <http://psyjournals.ru/tatigkeitstheorie/2011/n4/52956.shtml> (data obrashcheniya: 27.10.2017).
17. Kholmogorova A.B. Dve konfliktuyushchie metodologii v issledovaniyakh psikhoterapii i ee effektivnosti: poisk tret'ego puti (chast' II) [Two conflicting methodologies in the research of psychotherapy and its effectiveness: the search for the third way (Part II)]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Consultative psychology and psychotherapy]*. 2010, no 1, pp. 14–37.
18. Shneider L.B. Deviantnoe povedenie detei i podrostkov Akademicheskii Proekt [Deviant behavior of children and adolescents. Academic Project]. Moscow: Publ. Gaudeamus, 2007, pp. 21–45.

К вопросу о нормативно-правовом регулировании организации деятельности психолого-медико- педагогических комиссий в контексте профилактики правонарушений несовершеннолетних

Пимонов В.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (p_vlad70@mail.ru)

Делибальт В.В., доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, МГПП (delibalt@yandex.ru)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, декан факультета юридической психологии, МГППУ (dvorian@gmail.com)

Малкин Д.А., кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, МГППУ (dampsy@rambler.ru)

Психолого-медико-педагогические комиссии (далее – ПМПК) представляют уникальную форму работы междисциплинарной команды специалистов с детьми и подростками. Являясь частью системы образования, ПМПК также входят в систему профилактики правонарушений несовершеннолетних. Однако действующее законодательство требует серьезной проработки в контексте организации деятельности комиссий, согласования тезауруса. В статье анализируются спорные вопросы законодательной регламентации деятельности ПМПК в контексте определения специальных образовательных условий при направлении несовершеннолетних в систему специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типа. Обоснован перечень необходимых документов, сопровождающих ребенка при направлении на ПМПК. На основе проведенного анализа обосновываются рекомендации по устранению пробелов в нормативно-правовом регулировании ПМПК, имеющие значение как для системы образования, так и для системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, в том числе в контексте межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: несовершеннолетние, психолого-медико-педагогическая комиссия (ПМПК), комплексное обследование, нормативно-правовое регулирование.

Для цитаты:

Пимонов В.А., Делибальт В.В., Дворянчиков Н.В., Малкин Д.А. К вопросу о нормативно-правовом регулировании организации деятельности психолого-медико-педагогических комиссий в контексте профилактики правонарушений несовершеннолетних. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 1. С.95-109.

doi: 10.17759/psylaw.2018080107

For citation:

Pimonov V.A., Delibalt V.V., Dvoryanchikov N.V., Malkin D.A. On legal regulation of activities of psychological, medical and educational committees in the context of crime prevention among minors. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.95-109.

doi: 10.17759/psylaw.2018080107

Предварительные замечания

Психолого-медико-педагогическая комиссия (далее – ПМПК) является уникальной российской практикой оказания комплексной помощи различным категориям детей и подростков [1; 3; 4]. В соответствии со статьей 2 приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 сентября 2013 г. № 1082 «Об утверждении положения о психолого-медико-педагогической комиссии» ПМПК «... создается в целях своевременного выявления детей с особенностями в физическом и (или) психическом развитии и (или) отклонениями в поведении, проведения их комплексного психолого-медико-педагогического обследования и подготовки по результатам обследования рекомендаций по оказанию им психолого-медико-педагогической помощи и организации их обучения и воспитания, а также подтверждения, уточнения или изменения ранее данных рекомендаций». Следует отметить, что Комиссия, относясь к ведомству системы образования, также входит в государственную систему профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, деятельность которой регламентируется Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 02.04.2014, с изм. от 04.06.2014) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2].

Статистические данные показывают, что в последнее время отмечается тенденция к снижению количества правонарушений несовершеннолетних, характерная как для России, так и для европейских стран. Однако следует отметить другую тенденцию, которая вызывает серьезную озабоченность и сохраняется на протяжении ряда лет, связанную с повышением криминальной активности детей, не достигших возраста уголовной ответственности (т. е. детей до 14 лет). Наблюдается также утяжеление социальных девиаций у подростков, состоящих на внутришкольном учете, на учете в Комиссиях по

делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП), а также ранее привлекавшихся к административной и уголовной ответственности за менее тяжелые правонарушения.

Данные тенденции обуславливают особую значимость деятельности ПМПК, поскольку проведение квалифицированного обследования и составление развернутого заключения имеет существенное значение не только для организации обучения и воспитания несовершеннолетних с девиантным поведением, но и для профилактики правонарушений в широком смысле. Обследование несовершеннолетних, особенно в возрасте от 14 до 18 лет, начинает играть важную роль в виду того, что данный возрастной период соотносится с нормами уголовного законодательства (возраст уголовной ответственности определен законодателем с 16 лет, а за ряд тяжких и особо тяжких преступлений – с 14 лет). Соответственно, заключение и рекомендации ПМПК могут быть использованы в процессе решения юридически значимых ситуаций с участием несовершеннолетних на досудебном, судебном и постсудебном этапе в уголовном процессе.

Вместе с тем следует различать деятельность ПМПК и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). Судебная экспертиза назначается в тех случаях, когда следствие и суд наряду со сведениями клинического характера интересуют данные о психическом состоянии, уровне психического развития, особенностях личности несовершеннолетних обвиняемых для решения вопросов об их вменяемости и мере ответственности. Такая экспертиза проводится в экспертных учреждениях системы здравоохранения. В свою очередь ПМПК, являясь частью системы образования, проводит комплексное и всестороннее обследование детей и подростков с девиантным поведением, а также находящихся в конфликте с законом с целью оказания им практической помощи и решения вопроса об организации обучения.

Как отмечалось выше, ПМПК осуществляют отдельные функции по профилактике правонарушений несовершеннолетних, и в этом плане основополагающим законодательным актом для деятельности данных комиссий является Федеральный закон № 120-ФЗ от 24 июня 1999 года «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – закон № 120-ФЗ) [5]. С другой стороны, ПМПК должны осуществлять свою деятельность в полном соответствии с Положением о психолого-медико-педагогической комиссии», утвержденным приказом Министерства образования и науки России от 20.09.2013 № 1082 (далее – Положение о ПМПК) [5].

В обязанности ПМПК входит выявление детей с отклонениями в поведении, проведение комплексного обследования несовершеннолетних, в том числе в отношении которых решается вопрос о направлении в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее – СУВУ ЗТ). Правовые основания для проведения подобного рода комплексных обследований содержатся в главе третьей закона № 120-ФЗ [6].

Таким образом, в части деятельности, направленной на профилактику правонарушений несовершеннолетних, нормативно-правовыми актами регламентировано два вида обследования, которые проводятся ПМПК:

- 1) обследование несовершеннолетних с девиантным поведением, нуждающихся в специальном педагогическом подходе;

2) обследование несовершеннолетних, в отношении которых решается вопрос о направлении в СУВУ ЗТ.

В контексте определения специальных образовательных условий для несовершеннолетних с девиантным поведением, первый вид обследования (комплексное психолого-медико-педагогическое обследование) осуществляется в соответствии с абзацем 2 пункта 1, пунктов 14–15 Положения о ПМПК, а также закона № 120-ФЗ. Так, в соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 15 данного закона, «... специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа принимают для содержания, воспитания и обучения лиц в возрасте *от восьми до восемнадцати лет*, требующих специального педагогического подхода, на основании постановления комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, заключения психолого-медико-педагогической комиссии и с согласия несовершеннолетних, достигших возраста четырнадцати лет, их родителей или иных законных представителей».

По смыслу цитируемой правовой нормы вопрос об определении такой нуждаемости несовершеннолетнего в специальном педагогическом подходе отнесен к полномочию ПМПК, на основании заключения которой комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав принимает постановление, разрешающее прием несовершеннолетнего в школу открытого типа.

Второму виду обследования подлежат лишь те несовершеннолетние, в отношении которых решается вопрос о направлении их в СУВУ ЗТ.

Проблемные вопросы законодательной регламентации деятельности ПМПК в контексте определения специальных образовательных условий при направлении несовершеннолетних в систему специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типа

На поверхности рассматриваемой проблемы есть ряд спорных и довольно уязвимых вопросов законодательной регламентации деятельности ПМПК в контексте определения специальных образовательных условий при направлении несовершеннолетних в систему специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типа. К числу таких вопросов следует отнести следующие.

Чем вызвано отсутствие однообразия в терминах, используемых в Положении о ПМПК и в законе № 120-ФЗ?

Является ли комплексное обследование, проводимое на основании ст. 26 закона № 120-ФЗ, видом медицинского вмешательства?

Какие документы должны быть представлены для проведения комплексного обследования в ПМПК, проводимого на основании ст. 26 закона № 120-ФЗ?

В каких случаях обследование, осуществляемое ПМПК на основании ст. 26 закона № 120-ФЗ, проводится на основании постановления начальника органа внутренних дел, а в каких – на основании постановления прокурора?

Каковы критерии отбора несовершеннолетних, подлежащих обучению в специализированных образовательных учреждениях открытого типа?

Предлагается рассмотреть данные вопросы.

1. Отсутствие однообразия в терминах, используемых в Положении о ПМПК и в законе № 120-ФЗ.

Как указано в абзаце 1 п. 1 Положения о ПМПК, «... положение регламентирует деятельность психолого-медико-педагогической комиссии (далее – комиссия), включая порядок проведения комиссией комплексного психолого-медико-педагогического обследования детей».

В то же время ст. 26 закона № 120-ФЗ указывает на проведение ПМПК комплексного обследования. Иными словами, текст названной нормы не содержит указания на психолого-медико-педагогическую составляющую данного вида обследования.

Это немаловажный вопрос, касающийся соблюдения прав и процессуальных гарантий несовершеннолетних, направляемых на ПМПК в порядке ст. 26 закона № 120-ФЗ.

Так, Положением о ПМПК предусмотрено право родителей (законных представителей) обследуемых детей на обжалование заключения территориальной комиссии в центральную ПМПК. Вместе с тем ст. 26 закона № 120-ФЗ не содержит указания на возможность обжалования заключения ПМПК. Более того, закон № 120-ФЗ, при регламентации вопроса о проведении комиссией комплексного обследования несовершеннолетнего, не делает отсылки к Положению о ПМПК.

Между тем, абзац 23 пункта II Положения о ПМПК определяет, что заключение комиссии носит именно для родителей (законных представителей) детей рекомендательный характер.

Однако в соответствии с п. 4.1 ст. 26 закона № 120-ФЗ ПМПК осуществляет комплексное обследование несовершеннолетнего с целью подготовки рекомендаций по оказанию несовершеннолетнему, в отношении которого рассматривается вопрос о помещении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, психолого-медико-педагогической помощи и определению форм его дальнейшего обучения и воспитания.

Таким образом, заключение ПМПК, составленное по результатам комплексного обследования (по сравнению с комплексным психолого-медико-педагогическим обследованием, которое регламентируется Положением о ПМПК), носит также рекомендательный характер, но уже не для родителей несовершеннолетнего, а для суда.

Но все же непреодолимого барьера между данными видами обследования не существует. В частности, по объему рекомендаций, которые должны содержаться в заключении, регламентированном Положением о ПМПК и в заключении, составляемом на основании п. 4.1 ст. 26 закона № 120-ФЗ, принципиального расхождения нет. Так, в соответствии с п. 4.1 ст. 26 закона № 120-ФЗ заключение должно содержать рекомендации по оказанию несовершеннолетнему, в отношении которого рассматривается вопрос о

помещении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, психолого-медико-педагогической помощи и определению форм его дальнейшего обучения и воспитания, тогда как рекомендации, содержащиеся в заключении комиссии, составленном в соответствии с Положением о ПМПК, касаются определения формы получения образования, образовательной программы, которую ребенок может освоить, форм и методов психолого-медико-педагогической помощи, созданию специальных условий для получения образования

Однако существуют принципиальные различия в основаниях проведения обследования, осуществляемого комиссиями в соответствии со ст. 26 закона № 120-ФЗ, и обследования, осуществляемого в рамках Положения о ПМПК.

Абзац 14 п. 2 данного Положения определяет, что обследование детей осуществляется в комиссии:

- по письменному заявлению родителей (законных представителей);
- по направлению образовательных организаций, организаций, осуществляющих социальное обслуживание, медицинских организаций;
- других организаций с письменного согласия их родителей (законных представителей).

Обследование же, осуществляемое комиссиями в соответствии со ст. 26 закона № 120-ФЗ, проводится на основании постановления начальника органа внутренних дел или прокурора.

В этом случае согласие родителей на проведение комиссией комплексного обследования законом не требуется. Данное согласие может иметь место, но оно носит факультативный (необязательный) характер. Это обусловлено тем, что начальник органа внутренних дел и прокурор выносят соответствующее постановление в рамках осуществляемых ими публичных полномочий (в интересах индивидуально неопределенного круга лиц), тогда как обследование детей, проводимое на основании абзаца 14 п. 2 Положения о ПМПК, осуществляется в интересах конкретного ребенка.

Следовательно, заключение территориальной ПМПК, составленное в соответствии со ст. 26 закона № 120-ФЗ, не может быть обжаловано в центральную комиссию родителями (законными представителями) обследуемого ребенка.

Полагаем, что отсутствие однообразия в терминах, используемых в Положении о ПМПК (комплексное психолого-медико-педагогическое обследование) и в ст. 26 закона № 120-ФЗ (комплексное обследование) вряд ли можно отнести к дефекту законодательной техники. Речь идет о двух видах обследования, отличающихся как по обследуемым, по основаниям проведения, так и по правовым последствиям.

2. Является ли комплексное обследование, проводимое на основании ст. 26 закона № 120-ФЗ видом медицинского вмешательства?

Вопрос требует серьезной проработки законодателем, поскольку законом № 120-ФЗ четко не определено, могут ли родители (законные представители) обжаловать постановление о проведении комплексного обследования несовершеннолетнего психолого-медико-педагогической комиссией.

Вместе с тем в состав комиссии входят и медицинские работники, в том числе: педиатр, невролог, офтальмолог, оториноларинголог, ортопед, психиатр детский. При необходимости в состав комиссии включаются и другие специалисты (абз. 4 п. 1 Положения о ПМПК).

По смыслу п. 5 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинское вмешательство – выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности, по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований [7].

Таким образом, комплексное обследование несовершеннолетнего психолого-медико-педагогической комиссией, осуществляемое на основании постановления начальника органа внутренних дел или прокурора, является видом медицинского вмешательства. Любое же медицинское вмешательство должно осуществляться на добровольной основе, за исключением случаев, определенных законодательством об охране здоровья граждан (ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ). Исключением из этого правила являются случаи, перечисленные в ч. 9 ст. 20 данного закона, а именно:

- 1) если медицинское вмешательство необходимо по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю или отсутствуют законные представители;
- 2) в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих;
- 3) в отношении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами;
- 4) в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния (преступления);
- 5) при проведении судебно-медицинской экспертизы и (или) судебно-психиатрической экспертизы.

При этом решение о медицинском вмешательстве без согласия несовершеннолетнего, совершившего общественно опасные деяния (преступления); а также без согласия одного из родителей или иного законного представителя принимается судом, что следует из содержания пункта 10 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Таким образом, родители (законные представители) несовершеннолетнего могут обжаловать постановление начальника органа внутренних дел или прокурора о проведении

комплексного обследования несовершеннолетнего психолого-медико-педагогической комиссией.

Дополнительно это подтверждается статьей 27 закона № 120-ФЗ, часть 3 которой предусматривает право родителей (законных представителей) несовершеннолетнего на обжалование принятых решений.

Теперь обратимся вновь к статье 26 закона № 120-ФЗ. Нормами данной статьи регламентировано, что для определения возможности помещения несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа медицинские организации проводят их медицинское, в том числе психиатрическое, освидетельствование на основании:

1) постановления начальника органа внутренних дел или прокурора при наличии согласия несовершеннолетнего на медицинское освидетельствование либо согласия его родителей или иных законных представителей в случае, если несовершеннолетний не достиг возраста пятнадцати лет;

2) постановления судьи в случаях, когда несовершеннолетний и (или) его родители или иные законные представители не дали согласия на медицинское освидетельствование.

В случае если несовершеннолетний, не подлежащий уголовной ответственности, и (или) его родители или иные законные представители не дали согласия на медицинское освидетельствование, начальник органа внутренних дел или прокурор подает в суд по месту жительства несовершеннолетнего заявление о проведении медицинского освидетельствования несовершеннолетнего без его согласия либо без согласия его родителей или иных законных представителей.

В этом случае, медицинское освидетельствование осуществляется на основании решения суда.

Таким образом, представляется правильным п. 4.1 ст. 26_закона № 120-ФЗ изложить в следующей редакции.

Для подготовки рекомендаций по оказанию несовершеннолетнему, в отношении которого рассматривается вопрос о помещении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, психолого-медико-педагогической помощи и определению форм его дальнейшего обучения и воспитания психолого-медико-педагогическая комиссия проводит на основании постановления начальника органа внутренних дел или прокурора комплексное обследование несовершеннолетнего при наличии согласия несовершеннолетнего на проведение такого обследования либо согласия его родителей или иных законных представителей в случае, если несовершеннолетний не достиг возраста пятнадцати лет.

В случае если несовершеннолетний, не подлежащий уголовной ответственности, и (или) его родители или иные законные представители не дали согласия на проведение комплексного обследования несовершеннолетнего психолого-медико-педагогической комиссией, такое обследование осуществляется на основании решения суда.

3. Какие документы должны быть представлены для проведения комплексного обследования в ПМПК, проводимого на основании ст. 26 закона № 120-ФЗ?

Законом № 120-ФЗ не определено, какие документы должны быть представлены для проведения комплексного обследования в ПМПК.

В соответствии с абз. 15 п. 2 Положения о ПМПК для проведения обследования ребенка его родители (законные представители) предъявляют в комиссию документ, удостоверяющий их личность, документы, подтверждающие полномочия по представлению интересов ребенка, а также предоставляют следующие документы:

а) заявление о проведении или согласие на проведение обследования ребенка в комиссии;

б) копию паспорта или свидетельства о рождении ребенка (предоставляются с предъявлением оригинала или заверенной в установленном порядке копии);

в) направление образовательной организации, организации, осуществляющей социальное обслуживание, медицинской организации, другой организации (при наличии);

г) заключение (заключения) психолого-медико-педагогического консилиума образовательной организации или специалиста (специалистов), осуществляющего психолого-медико-педагогическое сопровождение обучающихся в образовательной организации (для обучающихся образовательных организаций) (при наличии);

д) заключение (заключения) комиссии о результатах ранее проведенного обследования ребенка (при наличии);

е) подробную выписку из истории развития ребенка с заключениями врачей, наблюдающих ребенка в медицинской организации по месту жительства (регистрации);

ж) характеристику обучающегося, выданную образовательной организацией (для обучающихся образовательных организаций);

з) письменные работы по русскому (родному) языку, математике, результаты самостоятельной продуктивной деятельности ребенка.

Для определения перечня документов, необходимых для проведения комплексного обследования в ПМПК в рамках закона № 120-ФЗ, нужно еще раз вернуться к перечню тех мероприятий, которые предшествуют проведению психолого-медико-педагогической комиссией комплексного обследования несовершеннолетних, в отношении которых решается вопрос о направлении их в СУВУЗТ.

Итак, проведению обследования в ПМПК предшествуют (см. ст. 26 закона № 120-ФЗ):

1) прекращение уголовного дела либо отказ в возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего;

2) передача материалов в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав и вынесение комиссией постановления ходатайствовать перед судом о помещении

несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа;

3) медицинское, в том числе и психиатрическое освидетельствование несовершеннолетнего;

4) в целях подготовки для рассмотрения судом материалов о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа органы внутренних дел и (или) органы прокуратуры направляют в соответствующие органы и учреждения запросы о предоставлении необходимых документов. Так, по смыслу ст. 27 закона № 120-ФЗ органы внутренних дел и (или) органы прокуратуры запрашивают: характеристику с места учебы (работы) несовершеннолетнего; сведения о правонарушениях, ранее совершенных несовершеннолетним, и принятых в этой связи мерах воздействия; объяснения свидетелей и иных лиц

Таким образом, для проведения комплексного обследования в ПМПК в рамках закона № 120-ФЗ в комиссию поступают следующие документы:

1) материалы прекращенного уголовного дела или материалы об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего либо заверенные в установленном порядке копии таких материалов;

2) постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, содержащее ходатайство о направлении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа;

3) характеристику с места учебы (работы) несовершеннолетнего;

4) справку органа внутренних дел, содержащую сведения о правонарушениях, ранее совершенных несовершеннолетним, и принятых в этой связи мерах воздействия;

5) заключение медицинской организации о состоянии здоровья несовершеннолетнего и возможности его помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Представляется правильным статью 26 закона № 120-ФЗ дополнить пунктом 4.2 следующего содержания.

Должностные лица и (или) органы, указанные в п. 4.1. настоящей статьи, для подготовки рекомендаций по оказанию несовершеннолетнему, в отношении которого рассматривается вопрос о помещении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, психолого-медико-педагогической помощи и определению форм его дальнейшего обучения и воспитания, предоставляют в психолого-медико-педагогическую комиссию следующие документы:

1) материалы прекращенного уголовного дела или материалы об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего либо заверенные в установленном порядке копии таких материалов;

2) постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, содержащее ходатайство о направлении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа;

3) характеристику с места учебы (работы) несовершеннолетнего;

4) справку органа внутренних дел, содержащую сведения о правонарушениях, ранее совершенных несовершеннолетним, и принятых в этой связи мерах воздействия;

5) заключение медицинской организации о состоянии здоровья несовершеннолетнего и возможности его помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

4. В каких случаях обследование, осуществляемое ПМПК на основании ст. 26 закона № 120-ФЗ, проводится на основании постановления начальника органа внутренних дел, а в каких – на основании постановления прокурора?

В Законе № 120-ФЗ четко не определено, в каких случаях обследование, осуществляемое комиссиями, проводится на основании постановления начальника органа внутренних дел, а в каких – на основании постановления прокурора.

Следует помнить, что направление несовершеннолетнего в СУВУЗТ должно инициироваться начальником ОВД (или лицом его замещающим)

Прокурор прекращенное уголовное дело в отношении несовершеннолетнего или материалы об отказе в возбуждении уголовного дела незамедлительно передает в КДН и ЗП для рассмотрения возможности применения к несовершеннолетнему мер воспитательного воздействия или вынесения ходатайства перед судом о помещении несовершеннолетнего в СУВУЗТ.

Данное утверждение вытекает из процессуальных полномочий органов предварительного расследования и прокуратуры, определенных в УПК РФ.

5. Каковы критерии отбора несовершеннолетних, подлежащих обучению в специализированных образовательных учреждениях открытого типа?

Пункт 1 ч. 2 ст. 15 закона № 120-ФЗ в качестве основания приема несовершеннолетних в специальные общеобразовательные школы открытого типа определил необходимость применения к ним специального педагогического подхода в целях обеспечения психолого-медико-педагогической реабилитации несовершеннолетних и получения ими соответствующего уровня образования.

Вопрос об определении такой нуждаемости отнесен к полномочию психолого-медико-педагогической комиссии, на основании заключения которой комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав принимает постановление, разрешающее прием несовершеннолетнего в школу указанного типа.

Вместе с этим упомянутый закон не раскрывает категории несовершеннолетних с девиантными формами поведения, нуждающихся в специальном педагогическом подходе.

Указанные обстоятельства приводят на практике к вольному определению категорий лиц, подлежащих обучению в специальных общеобразовательных школах открытого типа.

Представляется, что в целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетних с девиантным поведением при решении вопроса о продолжении их обучения необходимо внести дополнения в подп. 1 п. 2 ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», чтобы четко определить критерий отбора несовершеннолетних, подлежащих обучению в специализированных образовательных учреждениях открытого типа.

Статья выполнена в рамках Государственного задания № 25.4394.2017/НМ Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение проекта по теме «Разработка научно-методического обеспечения деятельности ПМПК при проведении обследования и разработке рекомендаций для обучающихся с девиантным поведением, в том числе находящихся в конфликте с законом».

Литература

1. *Алехина С.В., Фальковская Л.П.* Межведомственное взаимодействие как механизм развития психологической службы в образовании [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9. № 3. С. 116–128. doi:10.17759/psyedu.2017090312
2. *Делибалт В.В., Дегтярев А.В.* Вариативные модели деятельности психолого-медико-педагогических комиссий в контексте работы с несовершеннолетними с девиантным поведением // Итоги и перспективы реализации важнейших положений национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: сб. материалов конференции / Под ред. З.Ф. Драгункиной, В.В. Рубцова, Г.В. Семьи, А.С. Дубовик, А.А. Шведовской – М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С 117–118.
3. Организация деятельности психолого-медико-педагогических комиссий в условиях реализации ФГОС для детей с ОВЗ // Под общ. ред. Е.Н. Кутеповой, М.М. Семаго. М.: Изд-во. МГППУ, 2017. 324с.
4. Организация деятельности системы ПМПК в условиях развития инклюзивного образования / Под общ. ред. М.М. Семаго, Н.Я. Семаго. М., АРКТИ, 2014. 368 с.
5. Приказ Минобрнауки России от 20.09.2013 N 1082 «Об утверждении Положения о психолого-медико-педагогической комиссии» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.10.2013 N 30242) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=153650&rnd=299965.232141947&dst=100011&fld=134#0> (дата обращения: 24.12.17).
6. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 07.06.2017) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=217908&fld=134&dst=100110,0&rnd=0.24590793347173734#0> (дата обращения: 24.12.17).

Пимонов В.А., Делибальт В.В., Дворянчиков Н.В., Малкин Д.А. К вопросу о нормативно-правовом регулировании организации деятельности психолого-медико-педагогических комиссий в контексте профилактики правонарушений несовершеннолетних. *Психология и право psyandlaw.ru* 2018. Том 8. №1. С. 95-109.
Pimonov V.A., Delibalt V.V., Dvoryanchikov N.V., Malkin D.A. On legal regulation of activities of psychological, medical and educational committees in the context of crime prevention among minors. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2018. Vol. 8. no.1. pp. 95-109.

7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL:
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286937&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.08487041789131466#0> (дата обращения: 24.12.17).

On legal regulation of activities of psychological, medical and educational committees in the context of crime prevention among minors

Pimonov V.A., PhD in Law, Associate Professor, Chair of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (p_vlad70@mail.ru)

Delibalt V. V., Associate Professor, Chair of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (delibalt@yandex.ru)

Dvoryanchikov N.V., PhD in Psychology, professor, Chair of Legal and Forensic Psychology, Dean, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (dvorian@gmail.com)

Malkin D.A., PhD in Medicine, Associate Professor, Chair of Legal and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (dampsy@rambler.ru)

Psychological, medical and educational committees (PMECs) represent a unique type of work carried out by their interdisciplinary teams of specialists and aimed at children and adolescents. Being a part of the educational system, PMECS also belong to the system of prevention of crime among minors. However, existing legislation needs serious reconsideration within the context of activity arrangement of the committees, as well as harmonization of the problem domain thesaurus. The article analyzes controversial issues in legislative regulation of PMEC's activities in the context of defining specific educational conditions when referring minors to the system of specialized open and closed teaching and educational facilities. We proposed and substantiated the list of documents required for a child being referred to the examination by a PMEC. On the basis of the analysis we justify the recommendations for closing the legislative gaps in regulation of PMECS, which are relevant both to the educational system and to the system of prevention of lawbreaking among minors – all with the inter-agency cooperation in mind.

Key words: minors, a psychological, medical and educational committee, PMEC, comprehensive examination, legal regulation.

References

1. Alekhina S.V., Fal'kovskaya L.P. Mezhdodomstvennoe vzaimodeistvie kak mekhanizm razvitiya psikhologicheskoi sluzhby v obrazovanii [Interdepartmental interaction as a mechanism for the development of psychological service in education] [Elektronnyi

- resurs]. Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological and pedagogical research]. 2017, Tom 9, № 3, pp. 116–128. doi:10.17759/psyedu.2017090312
2. Delibalt V.V., Degtyarev A.V. Variativnye modeli deyatel'nosti psikhologo-mediko-pedagogicheskikh komissii v kontekste raboty s nesovershennoletnimi s deviantnym povedeniem [Variative models of the activity of psychological, medical and pedagogical commissions in the context of working with minors with deviant behavior]. Itogi i perspektivy realizatsii vazhneishikh polozhenii natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei na 2012– 2017 gody: Sbornik materialov konferentsii [Results and prospects for implementing the most important provisions of the national strategy for children for 2012-2017: Conference proceedings]. In Dragunkinoi Z.F., Rubtsova V.V., Sem'i G.V., Dubovik A.S., Shvedovskoi A.A. (eds.). Moscow: Publ. GBOU VPO MGPPU, 2015, pp. 117-118.
 3. Organizatsiya deyatel'nosti psikhologo-mediko-pedagogicheskikh komissii v usloviyakh realizatsii FGOS dlya detei s OVZ [Organization of the activities of psychological, medical and pedagogical commissions in the context of the implementation of GEF for children with HIA]. In Kutepovoi E.N., Semago M.M. (eds). Moscow: Publ. MGPPU, 2017. 324 p.
 4. Organizatsiya deyatel'nosti sistemy PMPK v usloviyakh razvitiya inklyuzivnogo obrazovaniya [Organization of the PMPC system in the context of the development of inclusive education]. In Semago M.M., Semago N.Ya (eds). Moscow: Publ. ARKTI, 2014. 368 p.
 5. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 20.09.2013 N 1082 «Ob utverzhdenii Polozheniya o psikhologo-mediko-pedagogicheskoi komissii» [Order of the Ministry of Education and Science of Russia of September 20, 2013 No. 1082 "On the Approval of the Regulations on the Psycho-Medical and Pedagogical Commission"] (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 23.10.2013 N 30242) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=153650&rnd=299965.232141947&dst=100011&fld=134#0> (Accessed 24.12.17).
 6. Federal'nyi zakon ot 24.06.1999 N 120-FZ (red. ot 07.06.2017) «Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh» [Federal Law of 24.06.1999 N 120-FZ (Edited on 07.06.2017) "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency"] [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=217908&fld=134&dst=100110,0&rnd=0.24590793347173734#0> (Accessed 24.12.17).
 7. Federal'nyi zakon ot 21.11.2011 N 323-FZ (red. ot 29.12.2017) «Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law of 21.11.2011 N 323-FZ (Edited on December 29, 2017) "On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation"] [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286937&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.08487041789131466#0> (Accessed 24.12.17).

Оценка межличностной совместимости военнослужащих на основе изучения иерархии качеств личности

Петров В.Е., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военный университет» (*v.e.petrov@yandex.ru*)

Кокурин А.В., кандидат психологических наук, доцент, декан факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (*kokurin1@bk.ru*)

Статья посвящена разработке подхода к оценке диадной (попарной) совместимости представителей профессий особого риска. В основу оценки межличностной совместимости при несении службы в составе групп (расчетов, экипажей, нарядов и т. п.) положено единство представлений о качествах идеального коллеги (сослуживца). Предложена методика определения актуальных личностных качеств попарно совместимых военнослужащих. Метрическую основу измерения составил прием ранжирования списка 15 социально одобряемых качеств личности. В результате проведенного эмпирического исследования 163 человек были установлены статистически значимые различия в иерархии востребованности качеств личности у военнослужащих различной степени диадной совместимости. Сформирована регрессионная модель оценки межличностной совместимости, определены ее нормативные значения и алгоритм работы с методикой. Проведены апробация предложенного диагностического подхода, а также исследование типа распределения результирующего показателя. Оценены дифференциальные способности алгоритма классификации диагностических образов совместимых и несовместимых лиц.

Методику можно применять для оценки межличностной совместимости не только военнослужащих, но и сотрудников правоохранительных органов. Подход направлен на совершенствование деятельности представителей профессий особого риска.

Ключевые слова: совместимость военнослужащих, межличностная (диадная) совместимость, методика диагностики совместимости, совпадение представлений, ранжирование, качества личности.

Для цитаты:

Петров В.Е., Кокурин А.В. Оценка межличностной совместимости военнослужащих на основе изучения иерархии качеств личности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 1. С. 110-118. doi: 10.17759/psylaw.2018080108

For citation:

Petrov V.E., Kokurin A.V. Assessment of interpersonal compatibility of military personnel on the basis of the study of the hierarchy of personality qualities. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.110-118. doi: 10.17759/psylaw.2018080108

На успешность профессиональной деятельности представителей профессий особого риска оказывают влияние различные психологические факторы. Далеким не последним из них является степень психологической совместимости персонала (военнослужащих, сотрудников, работников) и межличностные отношения. Актуальность совместимости людей возрастает при необходимости активного межличностного взаимодействия в экстремальных условиях, например, при несении службы в составе сводных отрядов, групп и экипажей, нарядов и расчетов, смен и т. п.

Исследования проблемы межличностной совместимости при комплектовании первичных (трудовых, воинских, служебных, учебных и т. п.) коллективов проводились ведущими учеными в области военно-психологической науки, юридической психологии, экстремальной психологии и психологии труда (Е.С. Авдеев, А.Д. Глоточкин, В.Ф. Давыдов, А.В. Евсюк, Н.Н. Исаева, А.Г. Караяни, А.Н. Капралова, В.А. Кораблин, П.А. Корчемный, М.П. Крапивин, Ю.А. Кретов, В.М. Крук, С.В. Круткин, В.П. Лазарев, А.В. Липницкий, В.А. Макаров, Н.Н. Обозов, В.Ф. Перевалов, К.К. Платонов, В.А. Пономаренко, Ф.К. Свободный, Ю.Г. Сулимов, В.В. Сысоев и др.). Единство мировоззренческих характеристик и представлений о партнере часто рассматривается как предпосылка успешности совместной деятельности представителей различных правоохранительных органов [3; 4; 8].

Подходов к анализу феномена «совместимость» достаточно много [5; 7]. Не принижая значения иных подходов, важнейшим можно считать концепцию ценностного единства. Заложенная еще в стратометрической концепции коллектива А.В. Петровского идея учета групповых и личностно значимых ценностей нашла широкое развитие в современной психологии. Именно опора на морально-психологическое единство (мировоззренческое, идеологическое) рассматривается как центральный элемент сплочения коллективов.

Актуальность выбора представлений о другом человеке, иерархии востребованных качеств личности как критерия оценки межличностной сплоченности персонала обусловлена тем, что именно образ «идеального сотрудника» определяет цели и приоритеты жизнедеятельности самого человека, в известной степени управляет ею. Именно несоответствие ценностей отражается в существовании взаимной неприязни (эмоциональная компонента совместимости), различий в понимании партнера по совместной деятельности (когнитивная компонента совместимости), неспособности

согласовывать свои действия в экстремальных ситуациях (поведенческая компонента совместимости).

Несмотря на достаточно хорошую проработку научно-теоретических аспектов проблемы межличностной совместимости в различных сферах профессиональной деятельности [1; 2; 6], вопросы методической оценки диадной совместимости таких представителей профессий особого риска, как военнослужащие, изучены не в полной мере. Принимая во внимание существенные изменения ценностно-мотивационной сферы людей, произошедшие в современном Российском обществе, выступающие основой единения воинских коллективов и сплочения военнослужащих, перспективным является изучение востребованности качеств личности.

Разработке подхода к оценке межличностной совместимости на основе иерархии личностных качеств и было посвящено реализованное нами в 2017 г. научное исследование. В нем приняли участие 163 человека (мужчины): 146 курсантов 3–4 курсов Военного университета Минобороны России (средний возраст 21,9 года), 17 военнослужащих (слушателей факультета переподготовки и повышения квалификации Военного университета Минобороны России), проходящих военную службу в различных частях и соединениях (средний возраст 39,3 лет). Изучение предпочтений осуществлялось методом анкетирования с ранжированием пятнадцати фиксированных качеств личности. В качестве внешнего критерия проводилась экспертная оценка и самооценка совместимости военнослужащих. Было сформировано 68 хорошо совместимых, 33 несовместимых и 328 средне совместимых пар. Применялись частотная обработка результатов, корреляционный и регрессионный анализ, а также оценка межгрупповых различий с помощью t-критерия Стьюдента в пакете статистических программ SPSS 13.0 for Window. В результате исследования был разработан предлагаемый подход к оценке межличностной совместимости военнослужащих.

Методика оценки диадной совместимости военнослужащих на основе иерархии личностных качеств включает в себя: 1) анкету с инструкцией и стимульным материалом, представленным в виде списка качеств личности, которые расположены в случайном порядке и которые индивиду необходимо проранжировать; 2) алгоритм обработки данных психологического исследования и интерпретации результатов.

Инструкция. Перед Вами список различных качеств человека, которые расположены в случайном порядке. Вам необходимо указать, каким качеством должен обладать сослуживец для того, чтобы быть максимально совместимым с Вами при несении службы в составе группы (экипажа, наряда и т. п.). Напротив этого качества поставьте цифру 1. Затем найдите второе по важности и значимости качество, потом – третье и т. д. Рассмотрите и пронумеруйте по значимости все 15 приведенных качеств.

	КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ	РАНГ
1	ОСМОТРИТЕЛЬНЫЙ	
2	ДОБРОСОВЕСТНЫЙ	
3	ИСКРЕННИЙ	
4	ПРИНЦИПАЛЬНЫЙ	
5	СПРАВЕДЛИВЫЙ	
6	ЭНЕРГИЧНЫЙ	
7	ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ	
8	ИНИЦИАТИВНЫЙ	
9	РАЗГОВОРЧИВЫЙ	
10	САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ	
11	ТРУДОЛЮБИВЫЙ	
12	ОТКРОВЕННЫЙ	
13	УРАВНОВЕШЕННЫЙ	
14	ДОБРОДУШНЫЙ	
15	ПРАКТИЧНЫЙ	

Методика имеет *широкие возможности применения*. Так, она может использоваться: 1) для оценки уровня развития группы через одну из ее узловых характеристик – ценностно-ориентационное единство (при применении методики для изучения социально-психологического климата); 2) исследования диадной совместимости конкретной пары военнослужащих при принятии решения о несении ими службы в составе групп, нарядов, смен, экипажей и т. п.; 3) подбора из группы военнослужащих максимально совместимых лиц; 4) построения индивидуальных и групповых профилей, отражающих представление об идеальном образе военнослужащих.

Алгоритм определения диадной совместимости военнослужащих на основе иерархии качеств личности реализуется в три *этапа*.

1. Проведение в группе военнослужащих психологическое исследование с помощью стандартизированной анкеты. При этом нельзя менять ее структуру – качества личности и порядок их расположения в списке.

2. Расчет суммы произведений корреспондирующих рангов (весов) по результатам, полученным для двух испытуемых. При этом следует учитывать 9 характеристик из 15 (табл. 1). Полученная сумма представляет собой первичное («сырое») значение индекса совместимости военнослужащих.

Таблица 1

Таблица ключей к расчету индекса совместимости

Условный номер качества	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Весовой коэффициент	-1	-1	1	-1	0	0	1	-1	1	0	0	1	0	1	0

3. Преобразование первичного значения индекса совместимости во вторичный показатель **DC (dual compatibility)**, например шкалу стенов, с учетом следующих нормативных значений: среднее значение – 73,248; стандартное отклонение – 196,310.

4. Интерпретация результатов исследования по индексу DC. Следует считать что, чем выше индекс, тем более выражена диадная совместимость между военнослужащими. Так, если значение индекса составляет 3 балла и менее, то отмечается низкий уровень диадной совместимости; если значение DC составляет 8 баллов и более, то выражена высокая степень совместимости. Средние уровни показателя указывают на некоторое совпадение иерархии качеств личности, частичное принятие мировоззрения партнера (коллеги), приемлемую совместимость людей в штатных, не осложненных, бесконфликтных и непротиворечивых ситуациях.

Предложенный диагностический инструментарий имеет следующие *особенности*:

- простота применения (от психолога не требуется дополнительной квалификации или прохождения специализированной подготовки; подсчет результатов может осуществляться вручную);

- компактность (расход стимульного материала минимален);
- оперативность проведения обследования и обработки данных;
- точность психодиагностического измерения.

Для проверки эффективности работы алгоритма классификации диагностических образов были сформированы две контрастные выборки (табл. 2): 1) группа хорошо совместимых военнослужащих (68 человек); 2) группа несовместимых военнослужащих (33 человека). Поскольку общее распределение коэффициента диадной совместимости носило близкий к нормальному (Гауссовский) характер, то в качестве критерия проверки гипотезы о различии в контрастных группах был выбран t-критерий Стьюдента. Полученное значение t-критерия (2,80) превысило критическое для уровня значимости 0,01 (2,63), что указывает на хорошие дифференциальные способности алгоритма классификации. Аналогичные сведения получены при сравнении вторичных показателей ДС. При этом процент ошибок отнесения совместимых лиц к несовместимым составил 1,47%, а несовместимых к совместимым – 3,03% (табл. 3, рис. 1). Результаты статистического анализа свидетельствуют о высоком качестве предлагаемой диагностической психотехнологии.

Таблица 2

Некоторые статистические параметры проверки алгоритма классификации диагностических образов

	Статистический параметр (первичный балл)	Группа совместимых	Группа несовместимых
1	Среднее значение	108,96	- 0,33
2	Стандартное отклонение	196,03	177,99
3	Объем выборки, чел.	68	33
4	Процент ошибки, % (чел.)	1,47 % (1 чел.)	3,03 % (1 чел.)

Таблица 3

Распределение вторичного показателя

Стен	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Частота появления для группы совместимых (кол-во человек)	0	0	1	3	5	9	15	18	11	6
Частота появления для группы	1	4	7	8	6	4	2	1	0	0

несовместимых (кол-во человек)										
Частота появления для группы совместимых (%)	0	0	1,5	4,4	7,3	13,2	22,1	26,5	16,2	8,8
Частота появления для группы несовместимых (%)	3	12,2	21,2	24,2	18,2	12,1	6,1	3	0	0

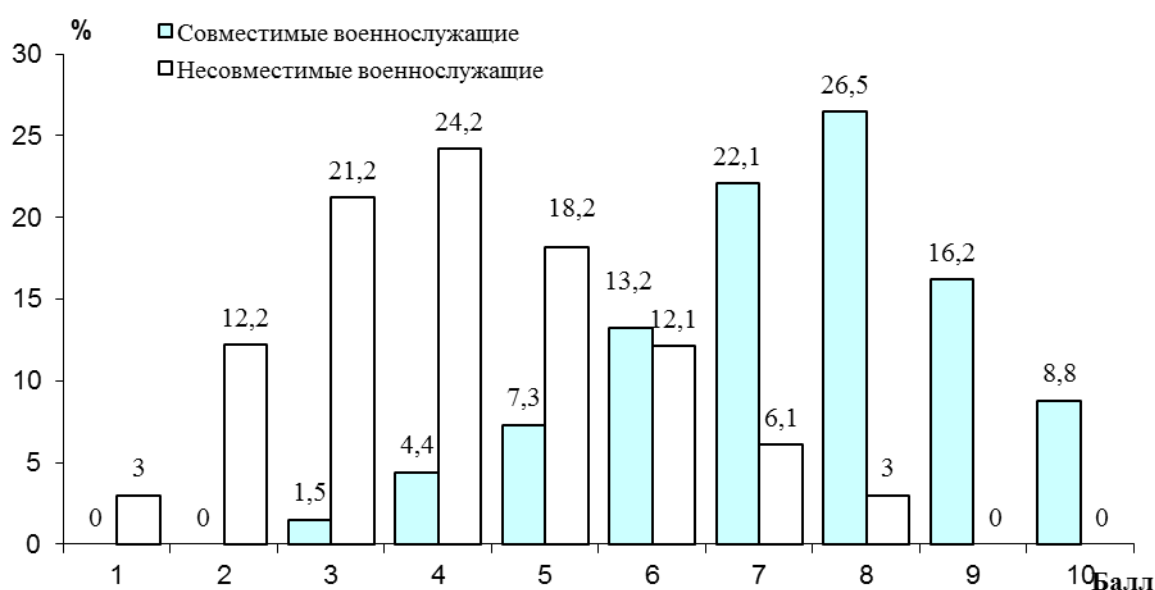

Рис. 1. Распределение показателя совместимости военнослужащих для различных выборок

При выраженных достоинствах предлагаемой технологии она имеет некоторые ограничения, а именно: методика диагностики основана на оценке лишь одной составляющей межличностной совместимости – иерархии качеств личности, восприятию образа «другого». Такие аспекты, как совместимость характеров, групповая идентификация, поведенческие паттерны, единство интеллектуально-познавательной сферы, мотивационные ожидания, коммуникативная продуктивность, особенности эмоционального реагирования и другие, к сожалению, не учитываются. Однако, поскольку ценности человека являются важнейшей характеристикой, влияющей на восприятие партнера по деятельности, комплексную оценку его личности, принятие или непринятие его как субъекта отношений, в конечном счете, на успешность взаимодействия с ним, методика определения диадной совместимости военнослужащих на основе иерархии качеств личности может рассматриваться в качестве одной из основных в диагностическом арсенале психолога. Именно личностно значимые ценности определяют не только индивидуальный вектор развития и поведения человека, но и оценку ценностной сферы сослуживца, а соответственно, его поведения, отношения к нему (в том числе готовность прийти на помощь, понимание, терпимость и т. п.). Степень совпадения представлений об

идеальном члене коллектива – это своеобразная мера совместимости военнослужащих, которая может быть оценена посредством предлагаемой методики. В конечном счете, подобная прикладная диагностика выступает отправной точкой для оптимизации управленческой деятельности, проведения последующей социально-психологической работы с личным составом.

Литература

1. *Авдеев Е.С.* Психологическая совместимость как фактор эффективности совместной деятельности военнослужащих пограничного наряда: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010. 22 с.
2. *Евсюк А.В.* Условия эффективного обеспечения психологической совместимости субъектов воинской деятельности: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2014. 204 с.
3. *Исаева Н.Н.* Педагогическое обеспечение психологической совместимости военнослужащих в подразделениях внутренних войск МВД России // Современная наука. 2010. № 3 (3). С. 134–138.
4. *Капралова А.Н.* Социально-психологические условия оптимизации совместной деятельности сотрудников подразделений вневедомственной охраны: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2003. 170 с.
5. *Кочуров М.Г.* Влияние личностных особенностей на межличностную совместимость. Киров: Издательство Вятского социально-экономического института, 2006. 109 с.
6. *Круткин С.В.* Психологическая совместимость как фактор оптимизации комплектования первичных воинских подразделений: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004. 178 с.
7. *Обозов Н.Н.* Совместимость и срабатываемость людей, СПб.: ЛНПП «Облик», 2000. 212 с.
8. *Петров В.Е.* Психологические аспекты совместимости сотрудников полиции в профессиональной деятельности: учеб. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 55 с.

Assessment of interpersonal compatibility of military personnel on the basis of the study of the hierarchy of personality qualities

Petrov V. E., Ph.D., associate Professor of the Department of psychology of the Federal state military educational institution of higher professional education «Military University» (v.e.petrov@yandex.ru)

Kokurin A. V., Ph.D., associate professor, Dean of the faculty of extreme psychology, Moscow state psychological and pedagogical University (kokurin1@bk.ru)

The article is devoted to the development of the assessment approach diagonal (pairwise) compatibility of professions at particular risk. The assessment of interpersonal compatibility in the line of duty in groups (settlements, crews, outfits, etc.) necessary unity of ideas about the qualities of the ideal colleague (colleague). The technique of determining the relevant personal qualities are pairwise compatible soldiers. The metric basis of measurement amounted to the admission ranking list of 15 socially approved qualities. As a result of the empirical study 163 patients were statistically significant differences in the hierarchy as to the relevance of personality traits among military personnel of different degrees diagonal compatibility. The generated regression model assessing interpersonal compatibility, defined by its normative values and the algorithm works with the method. Testing of the proposed diagnostic approach, as well as the study of the type of distribution of the resulting indicator. The differential abilities of the algorithm of classification of diagnostic images of compatible and incompatible faces are estimated. The technique can be used to assess interpersonal compatibility, not only the military but law enforcement. The approach is aimed at improving the activities of the representatives of the professions at particular risk.

Key words: compatible military personnel, interpersonal (dual) compatibility, the technique of diagnostics compatibility, the coincidence of views, ranking, quality personality.

References

1. Avdeev E.S. Psychological compatibility as a factor of efficiency of joint activities of border troops of the outfit: author. dis. kand. the course of studies. sciences. M., 2010. 22 p.
2. Evsuk A.V. Conditions for the effective provision of psychological compatibility of constituent entities of the military activity: Dis. kand. the course of studies. sciences. M., 2014. 204 p.

3. Isaeva N.N. Pedagogical provision of psychological compatibility of military units in the internal troops of the MIA of Russia // *Modern science*. No. 3 (3). 2010. P. 134-138.
4. Kapralova A.N. Socio-psychological conditions of the optimization of joint activities of employees of divisions of private security: Dis. kand. the course of studies. sciences. M., 2003. 170 p.
5. Kochurov M.G. Influence of personality characteristics on interpersonal compatibility. Kirov: publishing house of the Vyatka social and economic Institute, 2006. 109 p.
6. Krutkin S.V. Psychological compatibility as a factor of optimization of manning the primary military units: Dis. kand. the course of studies. Sciences. M., 2004. 178 p.
7. Obozov N.N. Compatibility and srbatyvaet people, SPb.: LNPP "Appearance", 2000. 212 p.
8. Petrov V.E. Psychological aspects of compatibility of police officers in their professional activities: textbook. Domodedovo: rati MIA of Russia, 2013. 55 p.

Научно-практические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания у судей

Попова Т.В., выпускник факультета юридической психологии, ФГБОУ ВПО МГППУ
(tatyana9197@yandex.ru)

Калашникова А.С., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации; доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (kaspsy@mail.ru)

В статье анализируется специфика судебной деятельности, подразумевающая принятие судебных решений путем тщательного анализа имеющихся альтернатив с опорой на знания закона и собственный опыт. При этом отмечается, что готовность к риску в ситуации неопределенности в совокупности с высокой нагрузкой, а также индивидуально-психологическими особенностями судьи может приводить к формированию эмоционального выгорания, что, в свою очередь, определяет появление судебных ошибок. На основании исследования психологических особенностей процесса принятия решения в профессиональной деятельности 41 судьи из разных городов РФ (все судьи мужского пола в возрасте 30–54 лет (средний возраст – 40 лет), с профессиональным стажем от 3 до 32 лет (средний стаж – 13 лет), представлены научно-практические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания у судей и оптимизации профессиональной деятельности суда в целях предотвращения судебных ошибок.

Ключевые слова: судьи, судебные ошибки, психология профессиональной деятельности судей, копинг-стратегии, эмоциональное выгорание, готовность к риску, ситуации неопределенности.

Для цитаты:

Попова Т.В., Калашникова А.С. Научно-практические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания у судей. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 1. С. 119-127.
doi: 10.17759/psylaw.2018080109

For citation:

Popova T.V., Kalashnikova A.S. Scientific and practical recommendations for the prevention of emotional burnout among judge. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.119-127.

doi: 10.17759/psylaw.2018080109

Процесс принятия решения, как один из фундаментальных вопросов психологии, ставит перед исследователями задачу прикладной оптимизации профессиональной деятельности и отбора кандидатов. Считается, что процесс принятия решения в особенности важен в профессиях, связанных с высокой ответственностью и интеллектуальной нагрузкой. Таковой можно считать и профессию судьи. Вся судебная система, ее стабильность и эффективность связаны и зависят в первую очередь от эффективной профессиональной деятельности судей.

Конечная цель уголовного судопроизводства – это выяснение фактических обстоятельств совершения преступления, а именно, достижение истины [10]. В судебной практике правовые факторы, влияющие на принятие решения судьей, отражены в законодательстве, неправовые факторы, предполагающие в первую очередь саму личность судьи и внешние условия формирования решения, не регламентированы [7]. Так, анализ судебной практики показывает, что судьи при назначении наказаний часто используют смягчающие обстоятельства, которые не регламентированы законом. Г.И. Чечель в своем исследовании установил, что в 80,3% случаев назначения наказания отмечается опора судьи на смягчающие обстоятельства, не указанные в законе [5]. Аналогичные данные были получены при изучении судебных решений по уголовным делам за 2000–2005 гг. Уральского, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского регионов РФ. Так, из пяти тысяч в 76% случаев судьи ссылались на смягчающие обстоятельства, которые прямо не указаны в ч. 1 ст. 60 УК РФ [5]. Таким образом, очевидно, что закон не в полной мере контролирует деятельность суда, а, следовательно, возрастает актуальность исследования психологии принятия решения судьями с целью предотвращения явления судебной ошибки и факторов, способствующих его возникновению.

В то же время уровень психологической нагрузки, которую испытывает судья в своей профессиональной деятельности, связан не только с ожиданиями его справедливого и безошибочного решения, но и с особенностями самого процесса принятия решения, условиями, в которых он разворачивается, а также индивидуально-психологическими особенностями самого судьи, его физическим и психическим состоянием на момент судебного заседания и т. д. Вкупе с высокой нагрузкой, связанной с организационными аспектами деятельности судьи, это может приводить к формированию эмоционального выгорания. Последнее же напрямую влияет на способность судьи эффективно действовать в рамках процесса принятия решения.

Говоря об эмоциональном напряжении, следует отметить, что судьи работают в ситуации неопределенности и вынуждены принимать решения после тщательного анализа имеющихся альтернатив с опорой на знания закона и собственный опыт. Эмоциональное напряжение в этом случае изначально сопровождает весь судебный процесс. Риск как следствие ситуации неопределенности, к сожалению, является неотъемлемой частью процесса принятия решения в судопроизводстве. Это связано с тем, что закон не учитывает того факта, что в объективной деятельности суда слишком много субъективного. Такой парадокс сам по себе является стрессогенной ситуацией, с которой судья вынужден справляться на протяжении всей профессиональной деятельности. Это усугубляется тем, что в большинстве своем судьи не готовы к риску при принятии решений в силу своих индивидуально-психологических особенностей и, что не менее важно, в силу специфики

профессии, так как рациональность в этой сфере – залог успеха. Так, судьи вынуждены затрачивать огромное количество энергии для принятия решения в ситуации неопределенности. Из этого следует, что процесс принятия решения в профессиональной деятельности судей отличается специфическим своеобразием, которое требует более тщательного исследования.

Вместе с тем современные юристы все чаще сталкиваются с наличием пробелов в исследованиях механизма принятия решения в судопроизводстве, которые могут быть заполнены с помощью психологических знаний, хотя на сегодняшний день таких работ все еще немного. Так, С.А. Пашин одной из причин судебной ошибки определял профессиональную непригодность. В данном случае речь идет не только о слабом теоретическом уровне подготовки судьи, но и о наличии психологических факторов, способствующих увеличению вероятности совершения ошибки [8]. К таким факторам наиболее правомерно было бы отнести явление профессионального выгорания у судей. Другой автор Г.И. Бушуев пишет, что принятие решения судьей происходит вследствие взаимодействия имеющихся у него знаний, опыта с его личностными особенностями, установками, убеждениями и позицией [1]. Многие из таких психологических конструктов актуализируются и обостряются в ситуации неопределенности. Например, в случае, когда судья в ходе судебного заседания не находит альтернативы, исключающей разумные сомнения, у него увеличивается уровень тревожности, что в свою очередь влияет на продуктивность волевой активности судьи, увеличивает шанс судебной ошибки. Так, С.З. Гусейнов отмечает, что в судебном заседании частым явлением считаются случаи, когда предъявляемая информация со стороны обвинения «не учитывается законом, но способна оказать психологическое воздействие на суд (например, фотографии с места происшествия), помешав объективно оценивать факты, принимая решение» [4]. Таким образом, можно сделать вывод, что на повышение или снижение вероятности судебной ошибки влияют личностные особенности судьи. При этом, несмотря на то, что с 1992 г. действует Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации», как попытка регламентации наличия необходимых личностных качеств у судьи [6], по результатам исследований Н.В. Радутной обнаруживается несовершенство данного закона. Судьи при анкетировании отмечают гораздо большее количество важных положительных профессиональных качеств, отмечая при этом и те, которые они считают нежелательными для успешной профессиональной деятельности [9].

С другой стороны, анализируя исследования других авторов, можно сделать вывод, что при увеличении стажа работы у судей увеличивается и их чувствительность к эмоциональным компонентам профессиональной деятельности [2]. В ходе таких наблюдений можно отчетливо заметить признаки формирования эмоционального выгорания. Так, в исследовании Ю.Н. Тарасовой отмечается, что с нарастанием стажа и опыта у судей формируются такие симптомы, как «переживание психотравмирующих обстоятельств», «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», «эмоциональная отстраненность», «личностная отстраненность» [11]. Вместе с тем, важным является и то, что более 60% судей систематически прибегают к медикаментозным способам снятия эмоционального напряжения, используя успокоительные препараты [3].

Таким образом, несмотря на немногочисленность психологических работ по анализу деятельности судей, психологические исследования являются отправной точкой для повышения эффективности, независимости судебной системы, а также для повышения профессиональной психологической компетентности судей. В настоящем исследовании при

выявлении психологических особенностей процесса принятия решения судьями стало возможным разработать научно-практические рекомендации по профилактике профессионального выгорания судей, а также такого явления, как судебная ошибка, которые могут быть использованы при составлении программ психологического сопровождения судей, внедрены в функционирующую систему судопроизводства.

Представленные в данной статье рекомендации основываются на результатах психологической диагностики 41 судьи из различных городов РФ. Все судьи – мужского пола в возрасте 30–54 лет (средний возраст – 40 лет), с профессиональным стажем от 3 до 32 лет (средний стаж – 13 лет). Исследование проводилось с помощью диагностики уровня эмоционального выгорания (В.В. Бойко), а также диагностики толерантности–интолерантности к неопределенности (апробация Т.В. Корниловой), личностных факторов принятия решения (ЛФР-25) (Т.В. Корнилова), диагностики уровня креативности (Краткий тест Торранса. Фигурная форма), а также диагностики копинг–поведения (Э. Хайм). Результаты исследования были проанализированы с использованием коэффициента корреляции Спирмена и построением корреляционных плеяд.

Согласно полученным данным, несмотря на то, что все судьи являются действующими, многие из них обнаруживают признаки (порой выраженные) эмоционального выгорания. Так, 38% (16 человек) находятся на стадии «напряжение», 83% (34 человек) – в фазе «резистенция» (причем 27% выборки (11 человек) обнаруживают неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, в основном в сочетании с редукцией профессиональных обязанностей (7 человек)), 49% всей выборки (20 человек) обнаруживают повышение баллов по некоторым признакам в фазе «истощение».

Вместе с тем подавляющее число судей (95%, 40 человек) не склонны к креативности и перед принятием решений стремятся к скрупулезному обдумыванию всех имеющихся альтернатив, достигая при этом максимальной ориентации в сложившейся ситуации для устранения сомнений и снижения вероятности судебной ошибки. При этом большая часть выборки судей (61%, 25 человек) обнаруживают непринятие ситуации неопределенности, склонны к дихотомическому восприятию способов принятия решений (правильные–неправильные). Эти судьи стремятся анализировать поступающую информацию, имеющиеся альтернативы и принимать решения уже выработанными ими способами. А 28% всей выборки (16 человек) склонны к отрицанию возможности риска при принятии решений, что говорит об отсутствии готовности судьи к принятию решений на основе интуиции, на основе собственного опыта. Использование неадаптивных копинг-стратегий встречалось у 23% (9 человек) в когнитивной, у 11% (4 человек) в эмоциональной и у 17% (6 человек) в поведенческой сфере.

Полученные путем корреляционного анализа данные легли в основу создания настоящих научно-практических рекомендаций профилактики эмоционального выгорания у судей, причем особое место в них занимает показатель профессионального стажа трудовой деятельности.

Итак, первичным этапом научно-практических рекомендаций по профилактике судебных ошибок и профессионального выгорания является своевременная диагностика. Так, выявление признаков эмоционального выгорания позволит выделить группу риска в коллективе судей и на основании имеющихся данных составить индивидуальные и (или) групповые рекомендации по формам работы. Наибольшим профилактическим эффектом

будет обладать постоянное психологическое сопровождение, целью которого является повышение эффективности сопровождаемой деятельности. Как было продемонстрировано выше, юриспруденция предполагает взаимодействие судьи лишь с законом, не принимая во внимание, что в зале суда судья взаимодействует в первую очередь с людьми. Это является упущением, которое с успехом можно восполнить психологическими знаниями. Так, одной из важных задач профилактики судебных ошибок является формирование навыков совладания со стрессом у судей, а также поиск ресурсов для преодоления трудных ситуаций. Формат тренинга не предусмотрен в нынешней профессиональной сфере судей, как и сопровождение психологом в целом. Поэтому, безусловно, необходимо корректировать имеющиеся условия труда у судей, уделяя особое внимание психологической составляющей их профессиональной деятельности. Тем не менее, на первых этапах возможно внедрение психологического просвещения, так как очевидно, что профессия судьи находится на стыке юридических знаний и психологических компетенций. Развитие психологических знаний у судей о явлении эмоционального выгорания, его признаках, факторах, способствующих ему, и, напротив, препятствующих, является также одной из наиболее эффективных профилактических мер. В этом же ключе представляется возможным развитие представлений у судей о деятельности психолога, о видах психологической помощи, которую судьи могут получить.

Второй этап включает учет стажа профессиональной деятельности, в связи с тем, что в каждый из своих периодов он имеет свои особенности.

1. Согласно полученным результатам, наиболее продуктивны и благополучны в психологическом аспекте судьи со стажем от пяти до пятнадцати лет. В этот период судьи обладают гибкостью в отношении неопределенности при принятии решений, способны обращаться к рациональному исследованию имеющихся альтернатив, не исключая обращение к собственным ощущениям и опыту для оценки эффективности и справедливости принимаемого решения. Однако очевидно, что в начале профессиональной деятельности специалист может испытывать значительные трудности с адаптацией. Недостаточность опыта, неуверенность и сомнения так или иначе играют свою роль в психологическом состоянии молодого судьи. Согласно результатам нашего исследования, молодые судьи находятся в состоянии сильного напряжения, вынуждены затрачивать на порядок большее количество энергии и сил при сопротивлении стрессу. Да, они не испытывают какого-либо дискомфорта в ситуации неопределенности в отличие от «старших» судей, но в меньшей степени склонны контролировать свое состояние и рискуют потерять самообладание в стрессовых ситуациях. Исходя из этого, навыки сопротивления стрессу могут сформироваться как продуктивные, так и неадаптивные. Вместе с тем, учитывая тенденцию к толерантности к неопределенности у молодых судей, следует посвятить некоторое время и развитию навыков самоконтроля. Психологическое сопровождение, просвещение, тренинги в данном случае являются неотъемлемой частью профилактики эмоционального выгорания.

2. Готовность к риску, как один из важных аспектов принятия решения у судей, является также темой, требующей внимания психологов. Очевидно, что в сочетании с рациональностью готовность к риску проявляется в лучших для судебной деятельности качествах. Такие судьи способны опираться на собственную интуицию, опыт при принятии решений, не игнорируя тщательного рационального исследования имеющихся альтернатив. Такой подход представляется наиболее актуальным в ситуации неопределенности, когда судья вынужден принимать решения лишь с частичной опорой на закон, т. е. по совести, по

собственным субъективным представлениям. Такое положение вещей можно наблюдать лишь у судей, чей стаж не превышает пяти лет. Казалось бы, очевидной была бы эффективность такой позиции у судей с большим опытом работы. Именно в этом ключе представляется возможной развивающая деятельность (тренинг) со «старшими» судьями. После пятнадцати лет стажа судьи не готовы опираться на интуицию, свои ощущения и предпочитают тщательно анализировать имеющиеся альтернативы согласно закону и в меньшей степени обращаются к собственному опыту. Уровень стрессогенности ситуации неопределенности в этом случае возрастает и общее эмоциональное состояние поддерживается с помощью усиленного удовлетворения иных потребностей, которые гарантируют появление положительных эмоций, тем самым компенсируя неудовлетворенность от разрешения актуальных проблем. Развитие гибкости в рамках принятия решений, а именно ориентация на поиск новых путей преодоления трудностей в случае неопределенности, можно начинать с развития креативного мышления. В нашем исследовании креативность, даже в минимальных проявлениях, предотвращает использование судьями непродуктивных поведенческих копинг-стратегий. В то же время грамотно структурированный материал может стать и психотерапевтическим инструментом в профилактике эмоционального выгорания.

3. Ощущение дискомфорта в ситуации неопределенности фактически является «пусковым механизмом» для успешного решения судьей поставленной задачи. Изначально судья находится в ситуации, когда его решение должно быть принято по результатам тщательного отбора альтернатив и может оказаться верным или, напротив, неверным и отмененным в вышестоящей инстанции. Однако высокий уровень интолерантности все же представляется сильным стрессогенным фактором и может лишь увеличить риск судебной ошибки. В качестве профилактики могут быть предложены мероприятия по развитию стрессоустойчивости, навыков снятия напряжения (в том числе и при общении с другими людьми), навыков рефлексии. Особенно важным психологическое сопровождение представляется для судей, чей стаж приближается к тридцатилетнему. В этот период риск развития эмоционального выгорания наиболее высокий. После тридцати лет профессиональной деятельности судьи в большей степени склонны к подавлению собственных эмоций, активному избеганию переживаний в стрессовой ситуации, склонны оценивать сложившиеся трудности как несущественные, не требующие внимания, не влияющие на общее благополучие, стараться сохранять подобие беззаботности. Кроме психологического сопровождения в этот период судьи могут нуждаться и в медицинской помощи, так как отмечается прием медикаментозных средств для устранения последствий стресса. Кроме того, важной профилактической мерой может стать оптимизация внерабочего досуга в коллективе судей, что также является способом релаксации, снятия напряжения.

Таким образом, на основе проведенного исследования психологических особенностей принятия решений профессиональными судьями можно сделать следующий вывод: при реализации профилактических мероприятий, помимо своевременной диагностики признаков эмоционального выгорания, в первую очередь следует опираться на профессиональный стаж судей. Так, в первые пять лет профессиональной деятельности судей следует обращать внимание на развитие у них навыков самоконтроля, повышение адаптации. Стаж от пяти до пятнадцати лет предполагает развитие навыков рефлексии, саморелаксации. После пятнадцати лет актуальным представляется развитие стрессоустойчивости, организация индивидуального психологического сопровождения. При работе с судьями с высоким профессиональным стажем (более 20 лет) наиболее актуальны

развитие гибкости, ориентация на поиск новых путей преодоления трудностей в случае неопределенности, развитие стрессоустойчивости, навыков снятия напряжения (в том числе и при общении с другими людьми). Кроме психологического сопровождения в этот период судьи могут нуждаться и в медицинской помощи, так как отмечается прием медикаментозных средств для устранения последствий стресса.

Литература

1. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002. 176 с.
2. Баканова А.А. Психологические особенности профессиональной деятельности судей арбитражного суда [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2010. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n1/26657.shtml (дата обращения: 11.09.2017).
3. Буньков В.М., Лукманов М.С., Сумароков И.А. Судьи работают на износ, в судах нужны кабинеты психологической разгрузки // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 31–45.
4. Гусейнов С.З. К вопросу закрепления понятия «несправедливое предубеждение» в российском законодательстве // Инновационная наука. 2017. № 1. С. 140–142.
5. Дядькин Д.С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания: монография. М.: Спутник, 2016. 342 с.
6. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2016) «О статусе судей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 26.06.1992. № 30. ст. 1792.
7. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М.: Эксмо, 2007. 404 с.
8. Посохина И.В. К вопросу о классификации судебных ошибок // Криминалистика. 2011. № 1. С. 89–95.
9. Радутная Н.В. Этика судьи. М.: Юридический центр-Пресс, 2002. 166 с.
10. Стельмах В.Ю. Характер истины в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета // Право. 2016. № 3. С. 75–89.
11. Тарасова Ю.Н., Набоков Н.Л. Анализ стратегий копинг поведения федеральных судей с помощью теста «SACS» и их взаимосвязь с профессиональной успешностью // Материалы международной научно-практической конференции «Медико-психологическая реабилитация: теория и практика, технологии и перспективы». Санкт-Петербург: МИРВЧ, 2004. С. 184–185.

Scientific and practical recommendations for the prevention of emotional burnout among judges

Popova T.V. graduate of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (tatyana9197@yandex.ru)

Kalashnikova A.S., PhD, associate Professor of Clinical and Forensic psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, senior researcher, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation, (kaspsy@mail.ru)

The article analyzes the specifics of judicial activity involving the judicial decisions through scrupulous analysis of available alternatives based on knowledge of the law and their own experience. It is noted that the willingness to take risks in situations of uncertainty combined with the high load, as well as individual psychological characteristics of the judge can lead to the formation of emotional burnout, which in turn, can cause miscarriages of justice. Based on the study of the psychological characteristics of the decision-making process in professional activities of 41 judges from different cities of the Russian Federation (all judges are males 30-54 years old (mean age 40 years); with professional experience from 3 to 32 years (average experience 13 years)) presents research-based recommendations for the prevention of emotional burnout among judges and optimizing the professional activities of the court to prevent miscarriages of justice.

Key words: judges, judicial errors, psychology of professional activity of judges, coping strategies, emotional burnout, the willingness to take risks, a situation of uncertainty.

References

1. Abushenko D.B. Sudebnoe usmotrenie v grazhdanskom i arbitrazhnom processe [Judicial discretion in civil and arbitration process]. Moscow: Norma, 2002. 176 p.
2. Bakanova A.A. Psihologicheskie osobennosti professional'noj dejatel'nosti sudej arbitrazhnogo suda [Elektronnyj resurs] [Psychological peculiarities of professional activity of judges of the arbitration court]. *Psihologo-pedagogicheskie issledovanija [Psychological and pedagogical research]*, 2010. no. 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n1/26657.shtml (accessed date: 11.09.2017).
3. Bun'kov V.M., Lukmanov M.S., Sumarokov I.A. Sud'i rabotajut na iznos, v sudah nuzhny kabinety psihologicheskoy razgruzki [Judges work hard, in the courts of the appropriate rooms of psychological unloading]. *Rossijskaja justicija [Russian justice]*, 2009. no. 8. pp. 31-45.

4. Gusejnov S.Z. K voprosu zakrepljenija ponjatija «nespravedlivoe predubezhdenie» v rossijskom zakonodatel'stve [To the question of integration of the concept of «unfair prejudice» in the Russian legislation]. *Innovacionnaja nauka [Innovative science]*, 2017. no. 1. pp. 140-142.
5. Djad'kin D.S. Teoretiko-metodologicheskie osnovy naznachenija ugolovnogo nakazanija: monografija [Theoretical and methodological basis to criminal punishment]. Moscow: Sputnik, 2016. 342 p.
6. Zakon RF date 26.06.1992 № 3132-1 (ed. 28.12.2016) «O statute sudei v Rossiiskoi Federacii» [Law about the status of judges in the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of legislation of the Russian Federation]*. 26.06.1992. no. 30. st. 1792.
7. Kashanina T.V. Juridicheskaja tehnika: uchebnik [Jurisprudence technology]. Moscow: Jeksmo, 2007. 404 p.
8. Posohina I.V. K voprosu o klassifikacii sudebnyh oshibok [To the question of the classification of judge's mistakes]. *Kriminalist [The Criminalist]*, 2011. no. 1. pp. 89-95.
9. Radutnaja N.V. Jetika sud'i [Ethics of judges]. Moscow: Juridicheskij centr Press, 2002. 166 p.
10. Stel'mah V.Ju. Harakter istiny v ugolovnom sudoproizvodstve [Characteristic of the truth in criminal proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Bulletin of the Tomsk state University. The Law]*, 2016. no. 3. pp. 75-89.
11. Tarasova Ju.N., Nabokov N.L. Analiz strategij koping povedenija federal'nyh sudej s pomoshh'ju testa «SACS» i ih vzaimosvjaz' s professional'noj uspešnost'ju» [The analysis of strategies of coping behavior of Federal judges by the test of «SACS» and their correlation to professional success». *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii «Mediko-psihologičeskaja reabilitacija: teorija i praktika, tehnologii i perspektivy» [Materials of international scientific-practical conference «Medico-psychological rehabilitation: theory and practice, technology and prospects»]*. Saint-Petersburg: MIRVCh, 2004. pp. 184-185.

Экспериментальное обоснование лично-профессиональной спецификации в диагностике характерологических особенностей государственных служащих

Носс И.Н., доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Московского государственного областного университета (innoss2007@yandex.ru)

Бородина Т.И., аспирантка кафедры психологии труда и организационной психологии Московского государственного областного университета (takvilona@yandex.ru)

В статье отмечается, что проблематика выявления и оценки личностных предпосылок профессионализации, связи особенностей личности с особенностями профессии в настоящее время недостаточно изучены. Определяется, что лично-профессиональная спецификация – это параметры, которыми должна обладать личность для эффективной работы. В литературе по социальной экономике и кадровому менеджменту приводятся три системы личностной спецификации (А. Роджер, Д. Монро-Фрейзер, Д. МакКлелланд), которые должны разрабатываться и специальной профессиологией. Личностная предрасположенность кладется в основу системы оценки соответствия специальности и личностных особенностей. К ним относятся всеобщие, общие, специфические и индивидуальные параметры личности. В соответствии с ними осуществляется соотнесение параметров профессии и особенностей людей. В статье приводятся эмпирические данные за двадцатилетний период наблюдений на выборке 1088 сотрудников государственной службы из 28 регионов России, подтверждающие статистически значимые различия характерологии специалистов семи специальностей, различающихся, в свою очередь, и по культурно-социальным условиям профессиональной деятельности. Делается вывод о наличии лично-профессиональной и региональной спецификаций и о необходимости перестройки системы лично-профессиональной диагностики персонала.

Ключевые слова: лично-профессиональная спецификация персонала, региональная спецификация, лично-профессиональные особенности, значимые различия параметров персонала, культурно-географические

Носс И.Н., Бородина Т.И. Экспериментальное обоснование личностно-профессиональной спецификации в диагностике характерологических особенностей государственных служащих. *Психология и право* psyandlaw.ru 2018. Том 8. №1. С. 128-146.

Noss I.N., Borodina T.I. Experimental study of the personal and professional specifications in the diagnosis of characteristic features of state employees. *Psychology and law* psyandlaw.ru 2018. Vol. 8. no.1. pp. 128-146.

особенности, культурно-социальные особенности, личностно-профессиональная диагностика, отбор персонала.

Для цитаты:

Носс И.Н., Бородина Т.И. Экспериментальное обоснование личностно-профессиональной спецификации в диагностике характерологических особенностей государственных служащих. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018(8). № 1. С. 128-146.
doi: 10.17759/psylaw.2018080110

For citation:

Noss I.N., Borodina T.I. Experimental study of the personal and professional specifications in the diagnosis of characteristic features of state employees. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.128-146.
doi: 10.17759/psylaw.2018080810

Сложная социально-экономическая обстановка в России выдвигает на передний план задачу повышения качества персонала государственных органов. Решение этой задачи напрямую связано с личностно-профессиональной диагностикой, отбором кандидатов в органы внутренних дел, и исходит, как из методической, так и из теоретической проблематики профессионализации сотрудников.

Проблематика выявления и оценки личностных предпосылок профессионализации, связи особенностей личности с особенностями профессии в настоящее время недостаточно изучены. А. Анастаси в связи с этим указывает, что «... важный и пока еще недостаточно исследованный вопрос касается определения наиболее релевантных измерений (dimensions) личности по отношению к конкретным специальностям или семействам специальностей» [1, с. 553].

Профессиональная жизнедеятельность – это основная форма существования подавляющего числа вменяемых, цивилизованных людей. Поэтому поиск той деятельности, которая по складу трудовых функций, специфике отношений между коллегами, по режиму труда и т. д. удовлетворит работника, даст ему возможность совершенствоваться, раскрыть свой талант, является наиважнейшей гуманитарной задачей практической психологии и специальной физиологии.

Как профессия посредством определения пригодности «ищет под себя» специалиста, так и личность «осуществляет поиск своей» профессии. Многообразие профессий породило многообразие систем профессиональных требований. Существуют общие признаки (требования) профессий, которые определяют для человека возможность трудиться вообще. Есть профессиональные признаки (требования) частные, которые составляют родовидовые особенности профессий. На этом основании они и сводятся в рода, виды или типы. И, наконец, есть признаки (требования) единичные, характерные только для одной профессии, специальности или организации. *Личностно-профессиональная спецификация* – это параметры, которыми должна обладать личность для эффективной работы. В

литературе по социальной экономике и кадровому менеджменту под личностной спецификацией понимается набор требований, которые должность предъявляет к работнику [2, с. 334–335; 6, с. 21–23]. Приводятся, по крайней мере, три системы личностной спецификации. Первую разработал в 50-е гг. прошлого века профессор А. Роджер; вторая – система Д. Монро-Фрейзера – акцентирует внимание на аспектах карьерного развития работника; и, наконец, третья основана на так называемых *компетенциях* персонала (Д. МакКлеланд, Р. Боядис, Л. и С. Спенсер и др.).

Личностно-профессиональная спецификация, во-первых, объединяет общие качества работника, удовлетворяя тем самым общие требования труда, во-вторых, в личности наличествуют особенные качества, сопоставимые с частными требованиями определенного вида деятельности, и, в-третьих, есть такие особенности конкретного человека, возможно существующие в потенции, которые способствуют, компенсируют или противодействуют необходимым для успешного выполнения трудовых обязанностей качествам [7; 8].

Названные деятельностные и личностные слои пересекаются и сопоставляются друг с другом. Вместе они создают некую личностно-профессиональную систему, которая продуктивно или непродуктивно существует и развивается. Эффективность данной конструкции может быть определена только в условиях профессионального функционирования. Поэтому данная модель в истоке должна содержать позитивный личностно-профессиональный результат.

Выявление (измерение) возможностей профессионализирующейся личности, моделирование соотношений личностных качеств с трудовыми требованиями есть *квинтэссенция* оценки личностно-профессиональной спецификации. Организации нуждаются в прогнозах интенсивности и качества будущей профессиональной деятельности специалистов для того, чтобы принимать кадровые решения. В этих целях все чаще выбираются модельные методы и обобщения достоверности, которые позволяют оценивать валидность метода для конкретной работы и, как пишет Дж. Кэмпбелл, «... давать сходящиеся результаты в отношении существа оцениваемых конструктов» [1, с. 540]. Поэтому основной целью личностно-профессиональной спецификации является прогноз характеристик развития персонала и его продуктивности в профессиональном плане. Однако, как отмечает А. Анастаси, психология испытывает дефицит исследований такого рода [1, с. 540].

Этой проблемной теме на эмпирической базе организаций государственной службы и посвящено наше исследование, часть результатов которого обсуждается в данной статье. Нами с 1994 по 2016 г. были собраны эмпирические данные в более чем двух десятках регионах России, обследовано около четырех тысяч государственных служащих. В основном – это представители правоохранительных органов, военнослужащие и государственные гражданские служащие Минобороны.

В настоящей статье обсуждаются данные, полученные на выборке 1088 испытуемых из 28 регионов подразделений органов внутренних дел, изученных фрагментарно когортным методом в 1996, 2011, 2014 и 2016 гг. Средний возраст сотрудников – 30,6 лет, из которых 80,5% – мужчины, соответственно, 19,5% – женщины; 65,6% – сотрудники, имеющие семьи. Исследования характерологии показали, что 27% сотрудников имели

акцентуированные личностные черты. Из них: акцентуации импульсивного типа – 13,7%, тормозимого типа – 3,7%, демонстративного типа – 0,8% и оригинального типа – 4,4%.

Экспериментальная выборка представляла персонал семи специализаций правоохранительной деятельности: коммуникативно-информационную деятельность (КИД), охранную (ОхД), транспортно-инспекторскую (ТИД), аналитико-юридическую (АЮД), информационно-контрольную (ИКД), сенсорно-моторную (СМД) и экспертно-аналитическую деятельности (ЭАД).

В процессе психологического обследования нами применялись три методики оценки личностных особенностей персонала: Многопрофильный метод исследования личности [3] (ММИЛ), методика оценки волевого контроля [4] (уровень волевого самоконтроля – УВС) и тест оценки уровня самоконтроля (Методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера) [10] (УСК). В целях уточнения задачи по выявлению ЛПС при помощи экспертизы выборка была разделена на две полярные группы: успешные и неуспешные сотрудники.

Также с целью проверки надежности показателей тестов по данным, полученным при помощи опросника ММИЛ, который применялся нами в разные годы с временным интервалом соответственно пятнадцать и пять лет, произведено сравнение результатов. Обнаружено, что средние данные остаются стабильными, что подтверждает их относительную статистическую устойчивость (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение значений шкал ММИЛ

шкалы опросника	1996 г.	2011 г.	2014 г.
Ипохондрия	5	5	5
Депрессия (пессимизм)	5	5	6
Истерия (демонстративность)	5	6	5
Психопатия (импульсивность)	6	5	6
Мужественность / женственность	5	5	5
Паранойя (педантизм)	5	5	4
Психоастения (тревожность)	5	5	5
Шизофрения (индивидуализм, оригинальность, эмоциональная холодность)	5	5	5
Маниакальность (оптимизм)	6	4	5

Социальная интроверсия (самоаналитичность)	5	5	6
--	---	---	---

Однако детально-качественный анализ результатов все же демонстрирует некоторые флуктуации характерологического профиля сотрудников (на 1 стэн). Так, если в 1996 г. нами наблюдались признаки «импульсивного оптимизма», то в 2011 г. – было отмечено доминирование демонстративных черт, а в 2014г. – пессимистических тенденций личности, склонной к самоанализу.

Анализ специфики видов деятельности по показателям ММИЛ свидетельствует о явном расхождении практически всех значений, кроме шкал ПП и ПА (табл. 2).

Таблица 2

Значения показателей ММИЛ сотрудников разных специальностей организации (803 чел.)

Показатели Вид деятельности	П	Е	С	П	Ж	Я	А	И	А	Н
КИД	5,4	5,8	5,4	5,5	5,2	4,3	4,6	5	5,2	5,8
АЮД	6,1	6,1	5,4	5,4	5,0	3,9	5,3	4,4	5,6	5,5
СМД	3,0	4,8	5,2	4,8	3,7	4,4	3,8	3,4	4,5	5
ТИД	3,9	5,8	5,8	4,9	4,9	4,7	3,8	3,9	4,7	5,7
ИКД	5,2	5,7	6,4	5,6	5,9	5,8	5,0	5,0	5,8	5,8
ОхД	5,2	5,8	5,4	4,6	4,8	5,2	4,7	3,9	4,4	5,8
ЭАД	4,6	4,9	6,4	5,3	5,4	4,6	3,5	3,6	4,8	4,3

Примечание: ИП – ипохондрия; ДЕ – депрессия (пессимизм); ИС – истерия (демонстративность); ПП – психопатия (импульсивность); МЖ – мужественность/женственность; ПА – паранойя (педантизм); ПА – психастения (тревожность); ШИ – шизофрения индивидуализм; оригинальность; эмоциональная холодность); МА – маниакальность (оптимизм); ИН – социальная интроверсия (самоаналитичность); КИД – коммуникативно-информационная деятельность; АЮД – аналитико-юридическая деятельность; СМД – сенсорно-моторная деятельность; ТИД –

транспортно-инспекторская деятельность; ИКД – информационно-контрольная деятельность; ОхД – охранный деятельность; ЭАД – экспертно-аналитическая деятельность.

По значениям показателей тестов УВС и УСК тоже обнаруживаются статистически значимые различия у сотрудников, занимающихся коммуникативно-информационной, аналитико-юридической и транспортно-инспекторской деятельностью (рис. 1).

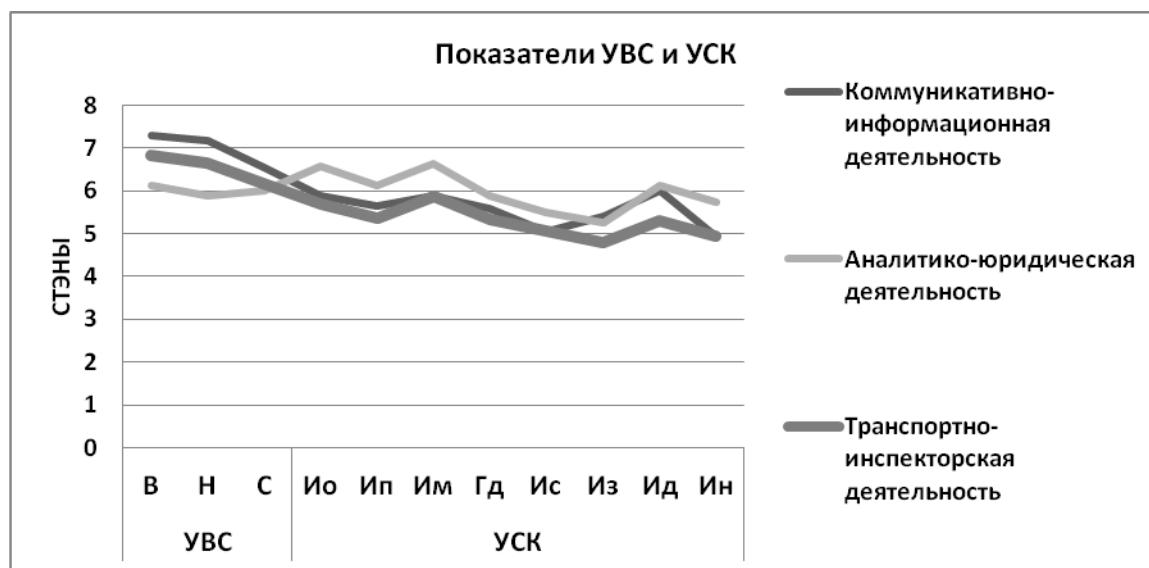

Рис. 1. Соотношение показателей УВС и УСК:

В – волевой самоконтроль; Н – настойчивость; С – самообладание; Ио – интернальность общая; Ип – интернальность в профессиональной деятельности; Им – интернальность в межличностных отношениях; Гд – готовность к деятельности; Ис – интернальность в семейных отношениях; Из – интернальность здоровья; Ид – интернальность достижений; Ин – интернальность неудач

В процессе исследования характерологии мы воспользовались возможностью сопоставить личностные особенности эффективных и малоэффективных сотрудников. Для этого выборка была по данным экспертизы разделена на две группы, которые различались по критерию результативности служебно-профессиональной деятельности. Такое сопоставление высоких и низких результатов и, соответственно, высоко- и низкоэффективных сотрудников дало нам основание для выводов относительно дифференцирующих способностей диагностического инструментария.

При помощи статистического критерия (t-критерия Стьюдента) мы сопоставили полученные значения показателей тестов двух «полярных» групп. В отдельных группах специалистов были подтверждены статистические различия данных теста ММИЛ ($\alpha_F=0,04-0,05$; $\alpha_K=0,05$; $\alpha_{ис}=0,09$; $\alpha_{пп}=0,09$; $\alpha_{па}=0,05$; $\alpha_{ши}=0,04$; $\alpha_{ма}=0,03$). На рис. 2 и 3 в качестве примера показаны соотношения показателей сотрудников двух специальностей сенсорно-моторной и экспертно-юридической деятельности.

Рис.2. Соотношение показателей ММИЛ эффективных и неэффективных сотрудников сенсорно-моторной деятельности:

L, F, K – коррекционные шкалы; Hs – ипохондрия, D – депрессия (пессимизм); Hy – истерия (демонстративность); Pd – психопатия (импульсивность); Mf – мужественность/женственность; Pa – паранойя (педантизм); Pt – психастения (тревожность); Sc – шизофрения индивидуализм, оригинальность, эмоциональная холодность; Ma – маниакальность (оптимизм); Si – социальная интроверсия (самоаналитичность)

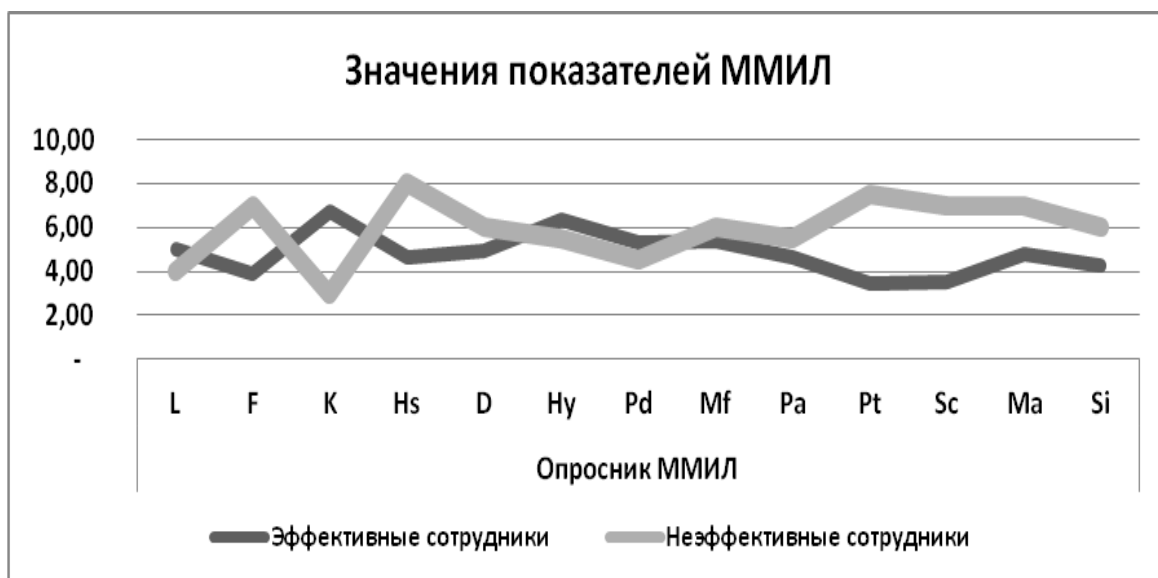

Рис.3. Соотношение показателей ММИЛ эффективных и неэффективных сотрудников экспертно-аналитической деятельности:

L, F, K – коррекционные шкалы; Hs – ипохондрия; D – депрессия (пессимизм); Hy – истерия (демонстративность); Pd – психопатия (импульсивность); Mf – мужественность/женственность; Pa – паранойя (педантизм); Pt – психастения

(тревожность); Sc – шизофрения индивидуализм, оригинальность, эмоциональная холодность); Ma – маниакальность (оптимизм); Si – социальная интроверсия (самоаналитичность)

Исследования ЛПС в регионах России выявило региональную спецификацию [9], которая амальгамно соотносится с личностно-профессиональной спецификацией, наслаиваясь, перемешиваясь и создавая новую специфичность.

Региональная спецификация изучалась нами выборочно в 2016 г. в 13 (ММИЛ, УВС и УСК). Общая экспериментальная выборка составила 285 человек.

Информационно-аналитическая деятельность исследовалась в организациях Мурманской области¹, сенсорно-моторная деятельность изучалась в Иркутской области², Республике Северная Осетия-Алания³, Московской области⁴ и Забайкальском крае⁵. Анализ психологических данных сотрудников, исполняющих охранную деятельность, производился в г. Москве⁶ и Республике Хакасия⁷. Транспортно-инспекторская деятельность исследовалась в г. Саратове⁸, коммуникативно-информационная деятельность – в Кировской области⁹ и Пермском крае¹⁰. Экспертно-аналитическая деятельность была изучена в г. Севастополе¹¹ и Республике Саха (Якутия)¹². Информационно-контрольная деятельность была исследована в г. Самаре¹³.

Анализ результатов изучения региональной личностно-профессиональной спецификации показывает различия по шкалам ММИЛ. Так, личностные профили сотрудников организаций, занимающихся *сенсорно-моторной деятельностью*, имеют различия в регионах по шкалам: депрессия, истерия, мужественность/женственность, паранойя, психастения и шизофрения. Причем статистически значимый уровень они достигают по показателям депрессии, мужественности/женственности и психастении. Однако даже эти визуальные наблюдения подтверждают наличие региональной спецификации (рис. 4)¹⁴.

¹ Исследования М.Н.Макаревича. Были обследованы 20 сотрудников. Средний стаж работы около – 8 лет.

² Исследования О.В. Бухаровой. Обследовано 30 сотрудников. Средний стаж работы – 9 лет.

³ Исследования О.Ю. Гиреевой. Выборка – 20 сотрудников.

⁴ Исследования В.С.Радюхиной. Обследовано 20 сотрудников.

⁵ Исследования Н.Д.Кузнецовой. Выборка – 28 сотрудников. Средний возраст – 29 лет.

⁶ Исследования Е.А.Иниховой. Обследовано 26 сотрудников. Средний возраст – 33,3 лет. Средний стаж службы – 10,2 лет.

⁷ Исследования Н.А.Кочетковой. Выборка составила 27 сотрудников.

⁸ Исследования М.Н.Суровцевой. Обследовано 20 сотрудников. Средний стаж работы составлял 10 лет.

⁹ Исследования С.В. Одинцова. Тестированию подвергались 20 сотрудников, возраст которых составлял от 27 до 42 полных лет, а стаж госслужбы – от 7 до 19 лет.

¹⁰ Исследования Д.А.Лучниковой. Обследовано 20 человек. Средний возраст выборки – 37,6 лет. По половому соотношению 95% обследованных сотрудников – мужчины. Стаж госслужбы составил более пяти лет.

¹¹ Исследования Н.Ю. Латышевой. Выборка – 20 сотрудников.

¹² Исследования С.Г.Наумовой. Выборка – 24 сотрудника. Стаж государственной службы – от 3 до 15 лет.

¹³ Исследования С.Ю. Жихаревой. Выборка – 20 человек. Служебный стаж – от 1,5 до 15 лет.

¹⁴ Здесь и далее на рисунках показаны латинские обозначения шкал ММИЛ. – *Авт.*

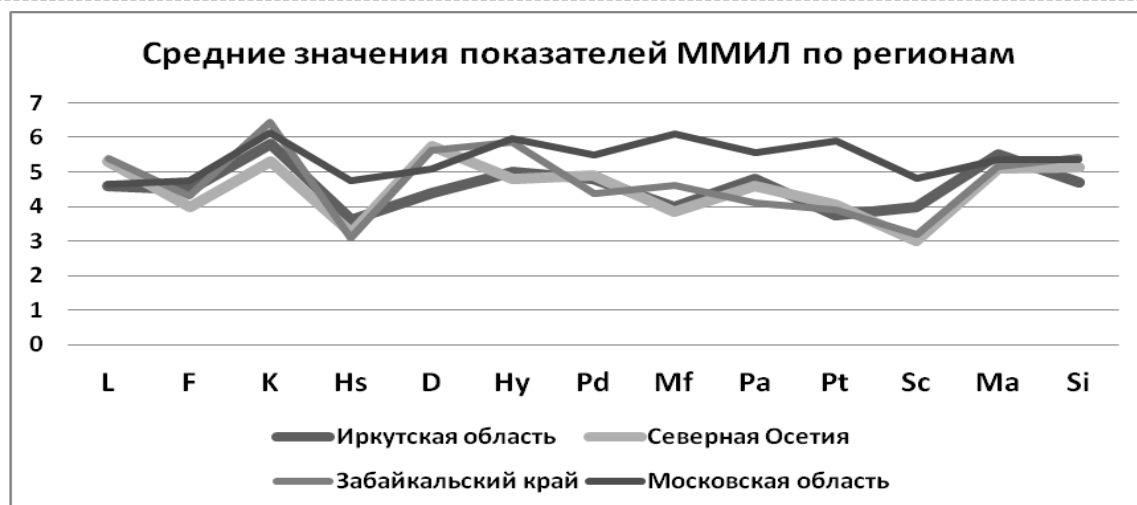

Рис.4. Соотношение средних показателей ММИЛ сотрудников по регионам:

L, F, K – коррекционные шкалы; Hs – ипохондрия; D – депрессия (пессимизм); Hy – истерия (демонстративность); Pd – психопатия (импульсивность); Mf – мужественность/женственность; Pa – паранойя (педантизм); Pt – психастения (тревожность); Sc – шизофрения индивидуализм; оригинальность; эмоциональная холодность; Ma – маниакальность (оптимизм); Si – социальная интроверсия (самоаналитичность)

Более сглаженная картина наблюдается при анализе данных тестов УВС и УСК. По тесту УВС значимых особенностей нет. Локус контроля фиксирует спецификацию по показателям интернальности общей, интернальности в профессиональной деятельности и интернальности в межличностных отношениях. Причем показатели по Московской области довольно сильно отличаются от остальных регионов, кроме интернальности межличностных отношений, где они солидаризируются с показателем теста УСК, полученным в Северной Осетии.

Региональная спецификация в рамках *охранной деятельности* между Москвой и Хакасией выражена довольно выпукло. Мы зафиксировали по ММИЛ значимые различия практически по всем шкалам кроме следующих: депрессия, истерия, маниакальность и социальная интроверсия, – что показано на рис. 5.

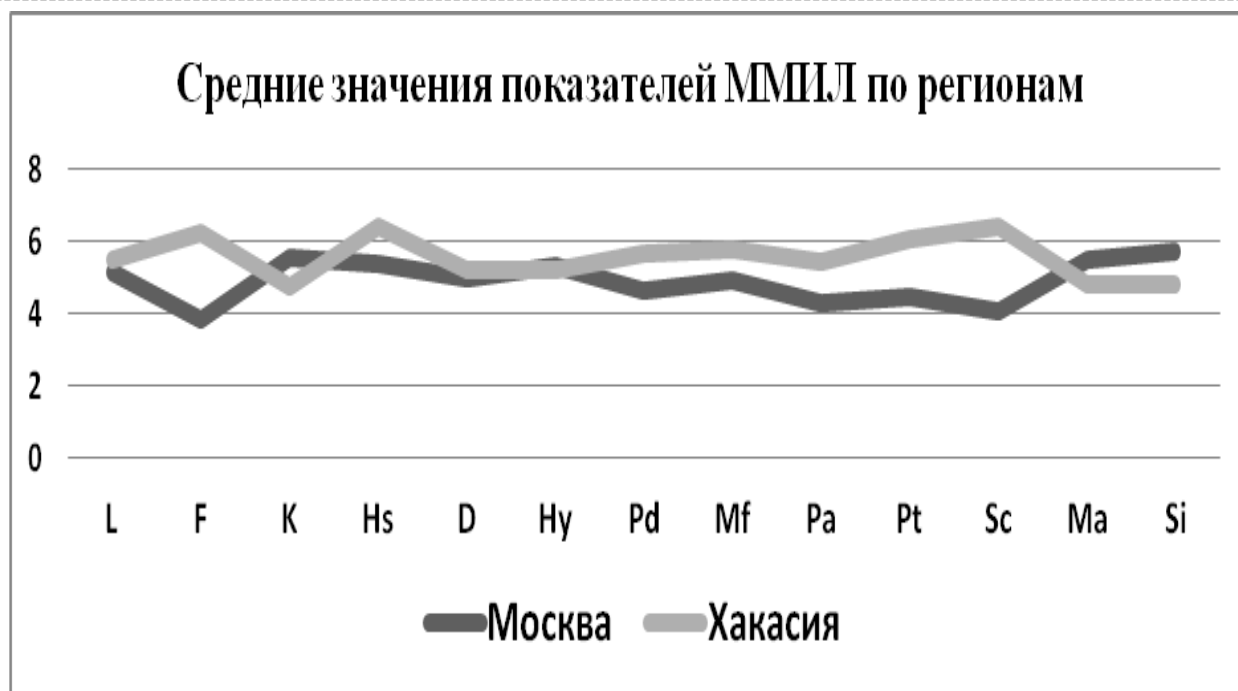

Рис. 5. Соотношение показателей ММИЛ:

L; F; K – коррекционные шкалы; Hs – ипохондрия; D – депрессия (пессимизм); Hy – истерия (демонстративность); Pd – психопатия (импульсивность); Mf – мужественность/женственность; Pa – паранойя (педантизм); Pt – психастения (тревожность); Sc – шизофрения индивидуализм; оригинальность; эмоциональная холодность); Ma – маниакальность (оптимизм); Si – социальная интроверсия (самоаналитичность)

По результатам тестирования сотрудников при помощи тестов УВС УСК различия выявлены по трем показателям локуса контроля: интернальность общая, интернальность готовности к деятельности, интернальность неудач (рис. 6).

Рис. 6. Соотношение тестовых показателей по регионам:

В – волевой самоконтроль; Н – настойчивость; С – самообладание; Ио – интернальность общая; Ип – интернальность в профессиональной деятельности; Им – интернальность в межличностных отношениях; Гд – готовность к деятельности; Ис – интернальность в семейных отношениях; Из – интернальность здоровья; Ид – интернальность достижений; Ин – интернальность неудач

Региональная спецификация в экспертно-аналитической деятельности у сотрудников проявляется в большей мере и практически по всем параметрам ММИЛ. Это видно на рис. 7.

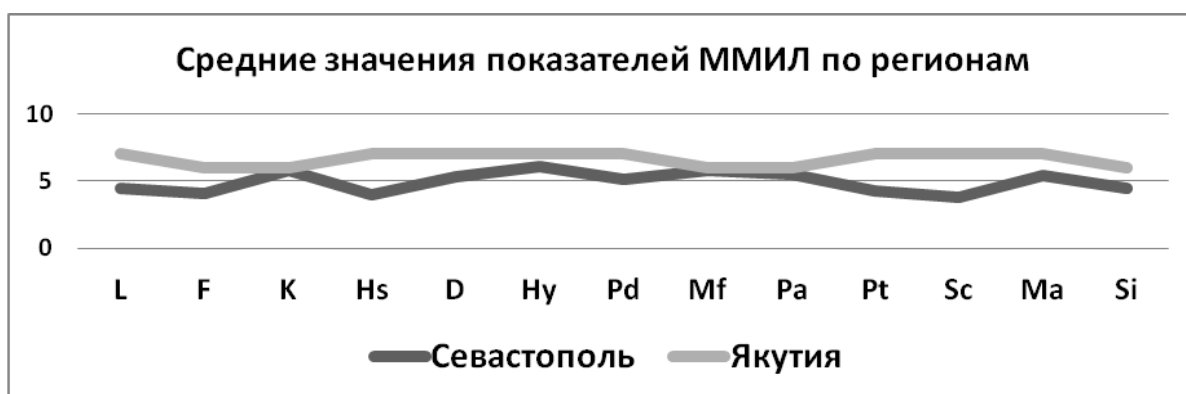

Рис.7. Соотношение показателей ММИЛ по регионам:

L; F; K – коррекционные шкалы; Hs – ипохондрия; D – депрессия (пессимизм); Hy – истерия (демонстративность); Pd – психопатия (импульсивность); Mf – мужественность/женственность; Pa – паранойя (педантизм); Pt – психастения (тревожность); Sc – шизофрения индивидуализм; оригинальность; эмоциональная холодность; Ma – маниакальность (оптимизм); Si – социальная интроверсия (самоаналитичность)

Показатели тестов УВС и УСК двух исследуемых регионов, хотя культурно-географические особенности очевидны, различаются статистически незначимо (рис. 8). Причины этого, видимо, кроются в относительно слабой дифференциации контрольно-волевых функций у сотрудников, занимающихся экспертизой, а также – ограничениями диагностических возможностей тестов УВС и УСК.

Рис. 8. Соотношение региональных показателей УВС и УСК:

В – волевой самоконтроль; Н – настойчивость; С – самообладание; Ио – интернальность общая; Ип – интернальность в профессиональной деятельности; Им – интернальность в межличностных отношениях; Гд – готовность к деятельности; Ис – интернальность в семейных отношениях; Из – интернальность здоровья; Ид – интернальность достижений; Ин – интернальность неудач

При сравнении между довольно отдаленным по культурно-географическим условиям жизнедеятельности результатов тестирования сотрудников, в работе которых преобладает коммуникативно-информационная деятельность, выявлены различия, по крайней мере, по пяти шкалам ММИЛ. Так статистически значимое различие наблюдается по таким шкалам, как ипохондрия, депрессия, истерия, психопатия, паранойя. На рис. 9 заметны пики этих показателей у сотрудников Пермского края.

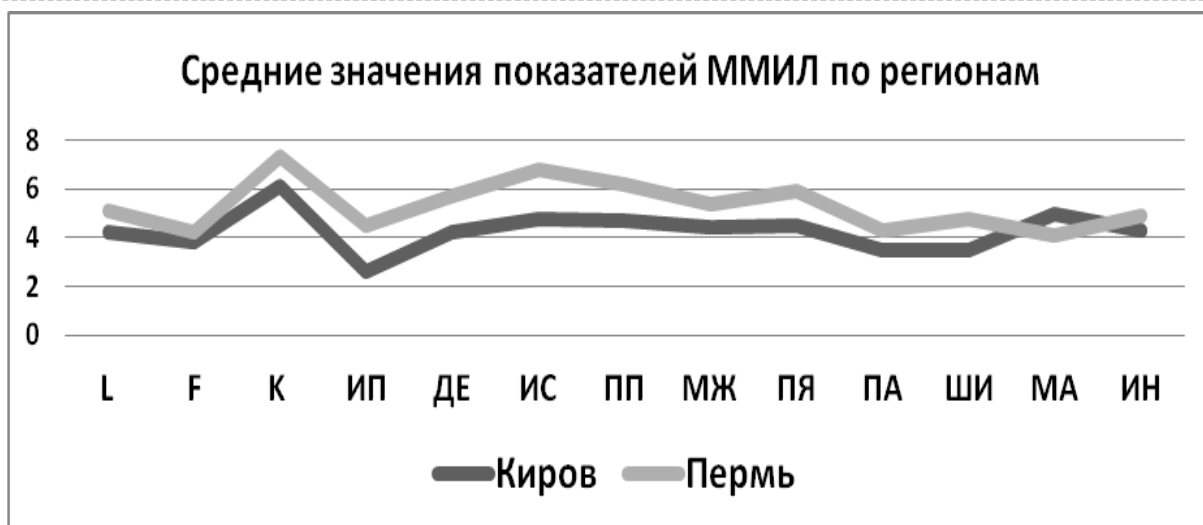

Рис.9. Соотношение профилей ММИЛ по регионам:

L; F; K – коррекционные шкалы; ИП – ипохондрия; ДЕ – депрессия (пессимизм); ИС – истерия (демонстративность); ПП – психопатия (импульсивность); МЖ – мужественность/женственность; ПЯ – паранойя (педантизм); ПА – психастения (тревожность); ШИ – шизофрения индивидуализм; оригинальность; эмоциональная холодность; МА – маниакальность (оптимизм); ИН – социальная интроверсия (самоаналитичность).

Нами было замечено, что региональные показатели имеют отличия от централизованных показателей одних и тех же тестов. Поэтому мы провели повторный анализ региональных данных по критерию личностно-профессиональной спецификации, основываясь на конкретизированных показателях (имеющих статистически значимое различие), полученных психологами на местах (рис.10 и 11).

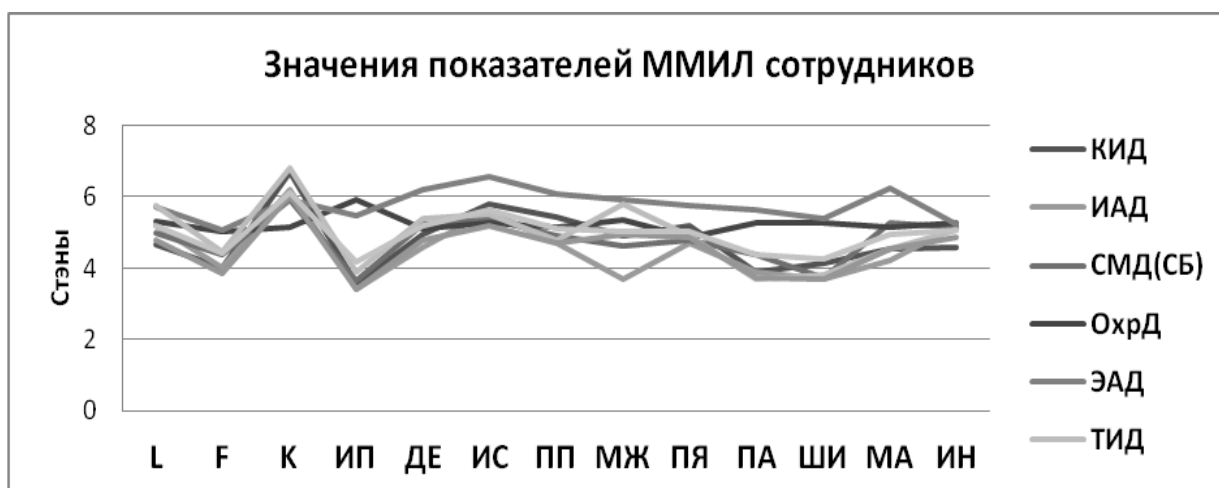

Рис.10. Соотношение показателей ММИЛ по специальностям:

L; F; K – коррекционные шкалы; ИП – ипохондрия; ДЕ – депрессия (пессимизм); ИС – истерия (демонстративность); ПП – психопатия (импульсивность); МЖ – мужественность/женственность; ПА – паранойя (педантизм); ПА – психастения

(тревожность); ШИ – шизофрения индивидуализм; оригинальность; эмоциональная холодность); МА – маниакальность (оптимизм); ИН – социальная интроверсия (самоаналитичность); КИД – коммуникативно-информационная деятельность; ИАД – информационно-аналитическая деятельность; СМД (СБ) – сенсорно-моторная деятельность; ОхрД – охранная деятельность; ЭАД – экспертно-аналитическая деятельность; ТИД – транспортно-инспекторская деятельность

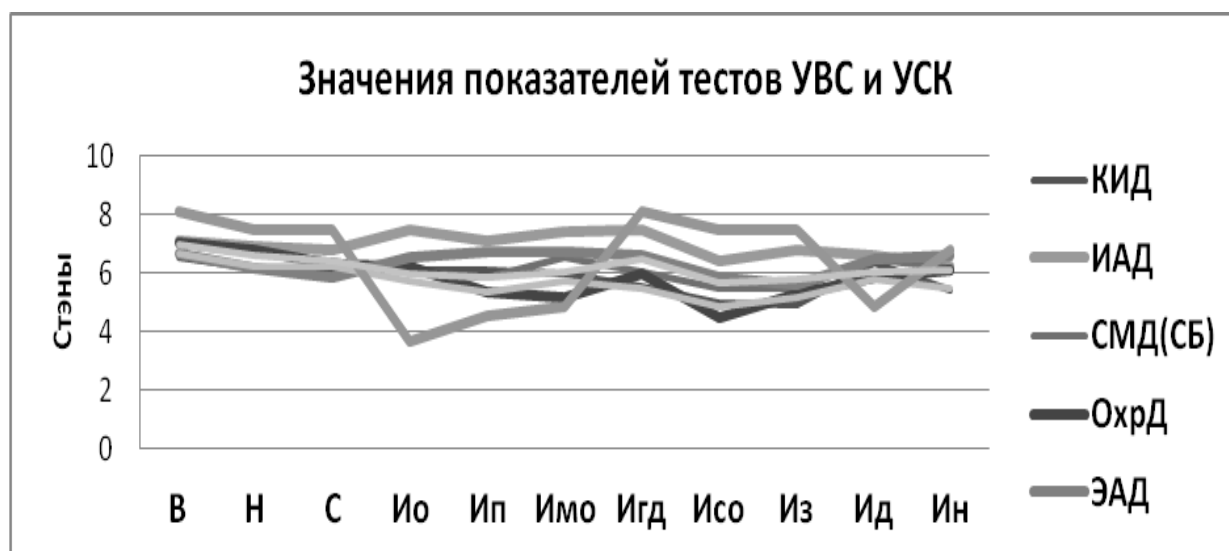

Рис.11. Соотношение показателей тестов УВС и УСК по специальностям:

В – волевой самоконтроль; Н – настойчивость; С – самообладание; Ио – интернальность общая; Ип – интернальность в профессиональной деятельности; Имо – интернальность в межличностных отношениях; Игд – интернальность готовности к деятельности; Исо – интернальность в семейных отношениях; Из – интернальность здоровья; Ид – интернальность достижений; Ин – интернальность неудач; КИД – коммуникативно-информационная деятельность; ИАД – информационно-аналитическая деятельность; СМД (СБ) – сенсорно-моторная деятельность; ОхрД – охранная деятельность; ЭАД – экспертно-аналитическая деятельность

Эмпирические данные, представленные выше, показывают явную ЛПС по некоторым специальностям. Так, по значениям показателей ММИЛ, сотрудники, выполняющие экспертно-аналитическую деятельность, статистически значимо отличаются от других профессий по таким шкалам, как ипохондрия, депрессия, истерия, психопатия и маниакальность; у них выражены черты ипохондрии, демонстративно-импульсивные и депрессивно-маниакальные тенденции. Представители охранных подразделений проявляют особенности по показателям: ипохондрия, психастения и шизофрения: тревожны и оригинальны. По данным тестов УВС и УСК от других отличаются информационно-контрольный и информационно-аналитический типы деятельности. При том, что самоконтроль у сотрудников первого вида труда понижен, а у вторых – статистически значимо повышен.

Таким образом, наши исследования на эмпирическом материале правоохранительной системы подтвердили наличие личностно-профессиональной спецификации, отражающей психологические особенности работников и региональную спецификацию, влияние

культурно-географического фактора на личность сотрудника и результативность его служебно-профессиональной деятельности.

В качестве вывода следует резюмировать, что осуществляемый нами на протяжении нескольких лет анализ личностных особенностей сотрудников различных профессий и специальностей государственной службы обнаруживает связь эффективности их профессионального функционирования с показателями личностных тестов по шкалам демонстративности, импульсивности, пунктуальности, тревожности и оптимистичности.

При помощи психологического анализа в структуре личности эффективных специалистов коммуникативно-информационной деятельности выявлено наличие прямой сильной связи коммуникативных качеств характера с профессиональными способностями. Причем у профессионально эффективных сотрудников эти элементы составляют единый фактор ($R_{xy} = 0,998$; $p \leq 0,01$), а у неуспешных они разорваны и противопоставлены ($R_{xy} = -0,72$; $p \leq 0,05$). На успешность профессиональной деятельности коммуникативно-информационной деятельности положительно влияют такие качества, как упорство в достижении цели и склонность к самоанализу, проявление жесткости и снижение эмоциональности, тревожности и ипохондрии. В эффективных подразделениях информационно-аналитического обеспечения наблюдается значительный рост числа лиц с акцентуированными чертами характера, на передний план выходят депрессивный и оригинальный типы личности. В подразделениях экспертно-аналитического профиля у сотрудников наиболее выражены тревожно-мнительные черты характера. Причем у низкоэффективных работников на фоне внешнего проявления так называемого волевого поведения активно подавляются черты тревожности, неуверенности, что связано с определенными трудностями в принятии решений.

Интеркорреляционный анализ взаимосвязей психологических признаков (по ММИЛ) различных специализаций выявил значимые различия между людьми, что опосредованно, путем выявленного отсутствия значимых корреляций, свидетельствует о наличии их спецификации.

Влияние личностных особенностей на продуктивность профессиональной деятельности как закономерность выражается в соотношении числа лиц с акцентуированными чертами характера и эффективности деятельности в целом. У сотрудников, неудовлетворительно выполняющих свои функциональные обязанности, преобладали так называемые «оригинальная» и «оптимистическая» акцентуации. Личностно-профессиональная акцентуация не является в психолого-акмеологическом смысле негативным явлением. Более того, она может положительно влиять на успешность профессионализации человека, ибо каждая профессия и специальность «требует» «своего профиля».

Наши данные и опыт других исследователей позволяют констатировать, что люди с определенным профилем личности активно осуществляют поиск профессий, соответствующих их личностным качествам. Следует заметить, что феномен регрессии личностных черт к системе профессиональных условий и требований оптимально реализуется только при наличии соответствующего базиса, роль которого неизменно выполняет структура личностных черт конкретного человека. Если у человека отсутствуют соответствующие черты, составляющие содержание личностно-профессиональной

спецификации, то изменение, приспособление личности, ее профессионализация вряд ли происходят успешно.

Таким образом, функция спецификации личности в условиях профессии обозначает личностно-профессиональную предрасположенность человека по основным параметрам к оптимальному функционированию в условиях этой деятельности. Оно также предполагает наличие некой структуры общих и частных личностных черт, совпадающих со структурой профессиональных требований, причем не устраняющее иные индивидуальные наличные качества реальной личности, но только ограничивающее их проявление (противодействие, компенсацию) в процессе труда.

Спецификация предполагает существование некоего группового личностно-профессионального субъекта (эталона), в соответствии с которым реальные черты личности удовлетворяют профессиональным требованиям. Поэтому кадровым органам следует разрабатывать соответствующие отборные психодиагностические модели, предполагающие оценку не только общей пригодности людей к профессии, но и специфической предрасположенности с учетом особенностей специальности и региональных личностно-профессиональных, культурно-социальных параметров.

Литература

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2001. 688 с.
2. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 8-е изд.: пер. с англ. СПб., Питер, 2004. 832 с.
3. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Методика многопрофильного исследования личности (в клинической медицине и психогигиене). М.: Медицина, 1976. 186 с.
4. Зверков А.Г., Эйдман Е.В. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ, 1990. С. 116–124.
5. МакКлелланд Д. Проверка на компетентность, а не на интеллект (Testing for Competence Rather Than for "intelligence" // *American Psychologist*. 1973. № 28. С. 1–14.
6. Мэйтланд Я. Руководство по управлению персоналом в малом бизнесе: пер. с англ. М.: Аудит, ЮНИТИ, 1996. 160 с.
7. Носс И.Н. Личностно-профессиональная спецификация: определение и функционирование // *Психология и психотехника*. 2014. № 10. С. 84–91.
8. Носс И.Н., Бородина Т.И. Личностно-профессиональная спецификация в диагностике персонала // *Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)*. 2015. № 3. URL:<http://evestnik-mgou.ru / Articles / View / 674>.

Носс И.Н., Бородина Т.И. Экспериментальное обоснование личностно-профессиональной спецификации в диагностике характерологических особенностей государственных служащих. *Психология и право psyandlaw.ru* 2018. Том 8. №1. С. 128-146.

Noss I.N., Borodina T.I. Experimental study of the personal and professional specifications in the diagnosis of characteristic features of state employees. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2018. Vol. 8. no.1. pp. 128-146.

9. *Носс И.Н., Бородина Т.И.* Личностно-профессиональная спецификация: региональный аспект // *Психология и Психотехника*. 2016. № 9. С.780–786.
10. *Энциклопедия психодиагностики. Психодиагностика взрослых.* Самара: Изд. дом. «Бахрах-М», 2009. 704 с.

Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления

Мешкова Н.В., доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (nmeshkova@yandex.ru)

Дебольский М.Г., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ; ведущий научный сотрудник, ФКУ НИИ ФСИН России (mdebolsky@mail.ru)

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, заведующий отделом медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (enikolopov@mail.ru)

Масленков А.А., начальник психологической лаборатории, ФКУ ИК-5 УФСИН России по Владимирской области

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей креативности в социальном взаимодействии на выборке из осужденных мужского пола, отбывающих наказание в исправительной колонии (N=18, осужденные за мошенничество и корыстно-насильственные преступления и N=20, осужденных за агрессивно-насильственные преступления). Изучалась связь показателей беглости в ситуациях с положительной и негативной коннотацией (месть за причиненный ущерб и ложь в романтических отношениях) с ценностями личности (опросник Ш. Шварца), агрессией (опросник Басса-Перри), характеристиками темперамента (Опросник К. Клонингера), поведением (Опросник М. Ранко и др.). У осужденных за корыстные преступления выявлены корреляции беглости в ситуациях с негативной коннотацией с враждебностью и гневом, в то время как у агрессивно-насильственных преступников отказ от мести опосредуется высшими ценностями социального фокуса. Результаты показывают, что креативность в социальном взаимодействии в ситуациях с отрицательной и положительной коннотацией не является единым конструктом: ее следует дифференцировать по антисоциальной и просоциальной направленности. Указаны ограничения исследования и предложены направления для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: креативность, антисоциальная креативность, личностные характеристики осужденных, ценности осужденных, мошенники, агрессивно-насильственные преступники.

Для цитаты:

Мешкова Н.В., Дебольский М.Г., Ениколопов С.Н., Масленков А.А. Индивидуально-типологические предикторы тяжести правонарушений. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 1. С. 147-163. doi: 10.17759/psylaw.2018080111

For citation:

Meshkova N.V., Debolsky M.G., Enikolopov S.N., Maslenkov A.A. Features of creativity in social interaction among convicts who have committed self-serving and aggressively violent crimes. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.147-163. doi: 10.17759/psylaw.2018080111

Введение и состояние проблемы

Интерес к изучению феномена антисоциальной креативности поддерживается существованием такого явления, как использование творческого мышления для намеренного нанесения вреда другим людям. Нерешенной остается проблема психологических особенностей креативных людей, способствующих реализации креативного потенциала в таких видах криминального поведения, как мошенничество, терроризм и экстремизм, т. е. когда достижение собственных нелегитимных целей осуществляется нелегитимными способами. Осложняет решение проблемы тот факт, что авторами идей, реализация которых причиняет вред другим людям, и исполнителями этих идей часто являются не одни и те же люди [6].

Анализ исследований, изучавших особенности людей, использующих креативный потенциал в криминальных целях, позволяет выделить два подхода. В первом подходе данные получены на выборках учащихся (Нао et al, 2016), во втором подходе – в рамках психопатологии при проведении экспертизы лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления [13; 14].

Изучение представителей, что называется, нормативной выборки, показало, что творческие способности могут применяться, во-первых, при обмане и лжи, а, во-вторых, при условии анонимности для причинения вреда другим людям в ситуации реакции на нанесенную ими обиду [17]. В основе антисоциально направленной креативности находятся агрессивность и психологические особенности личности, которые, взаимодействуя, влияют на поведение в определенных социальных ситуациях. Так, высокие показатели беглости – один из параметров креативности, характеризующий количество наносящих вред идей, сочетаются с открытостью опыту, агрессивностью и экстраверсией [17]. Провоцируют причинение ущерба определенная ситуация, импульсивность человека или взаимодействие этих двух факторов [18]. Также имеются данные о том, что при решении дилемм, сфокусированных на ценностях человеческой жизни и социальных нормах, пренебрежение моральными запретами происходит у подростков, обладающих высокими значениями IQ и потребности достижений в сочетании с низкой эмпатией [12].

Если говорить об исследовании заключенных, то при ригидности мышления, отсутствии креативности в когнитивной и социальной сферах многие из них отличаются оригинальностью как в совершении преступления, так и в избегании наказания [13; 14], что свидетельствует о ситуативности вредоносной креативности. Кроме того, такие выявленные у преступников характеристики, как лживость, манипулятивность, отсутствие угрызений совести, импульсивность, гнев и эгоцентризм, ассоциируются с креативностью [15]. Кроме того, выявлены корреляции креативного поведения с высокими значениями темпераментальных характеристик – поиском новизны и настойчивостью и низким показателем избегания вреда [16]. Такие же показатели темперамента, сочетающиеся с высоким уровнем враждебности картины мира и агрессии в поведении, были получены в исследованиях на выборке скинхедов [5]. Все приведенные данные, полученные в рамках второго подхода к изучению антисоциально направленной креативности, особенно важны, поскольку касаются реализованной в поведении креативности, в то время как предметом изучения этого явления на нормативной выборке является продуцирование креативных идей, но не их реализация.

Интерес для проблемы связи креативности и поведения представляют наработки и исследования российских авторов, изучавших связь криминальной агрессии и личностных характеристик и конкретно ценностей. Так, было показано, что искажения в содержании ценностных ориентаций детерминируют продуманные, планируемые агрессивные деяния [4]. Согласно А.Р. Ратинову, одним из факторов, опосредующих связь агрессивности и криминальной агрессии, являются ценности, «...ради достижения которых осуществляется деятельность» [7]. В рамках ценностно-нормативного подхода, применительно к описанию причин преступного поведения (А.Р. Ратинов), ценностная сфера рассматривается как состоящая из двух областей: ядерной, включающей в себя значимые и стабильные ценности, и периферийной, включающей ситуативные ценности [8].

О ситуативности ценностей и решающей роли ценностных ориентаций в саморегуляции поведения в различных областях активности писал также и В.А. Ядов, причем важно, что в определенных ситуациях, вызывающих эмоциональные состояния гнева, депрессии, паники, адекватность саморегуляции поведения нарушается [9].

Применительно к использованию творческого потенциала и его реализации в поведении, наносящем вред, представляется важным изучение взаимодействия ценностей человека как регуляторов деятельности и ситуаций, в которых предполагается угроза ценностям. Особенно перспективно изучение этого феномена на контингенте осужденных за воровство и мошенничество. Данное обстоятельство и определяет проблему представленного в настоящей статье осуществленного нами эмпирического исследования.

На настоящий момент имеются данные, что для мошенников (выборка: средний возраст 35 лет, в основном работники торговли, экономисты и финансисты предприятий различных форм собственности) характерны ценности власти, гедонизма, индивидуализма и прагматизма, достижения успеха, тесная связь макиавеллизма с эгоизмом, с манипулятивной и асоциальной стратегиями преодоления жизненных трудностей, со склонностью к риску и импульсивностью мышления, с ориентацией на деньги, высокий уровень социального интеллекта [10], что свидетельствует о значимости для мошенников высшей ценности «Самоутверждение» по Ш. Шварцу.

Ю.М. Антонян с коллегами с помощью адаптированного варианта Миннесотского многофакторного личностного опросника (ММРП) предприняли попытку выявить психологические особенности отдельных категорий преступников, показав, что между особенностями личности и видами преступления существует связь [1]. Так, для корыстно-насильственных преступников (лиц, осужденных за грабеж, разбой, вымогательство) характерна повышенная враждебность к окружению и тенденция к непосредственному удовлетворению возникающих желаний и потребностей, что сочетается с нарушением общей нормативной регуляции поведения, интеллектуального и волевого контроля и обусловлено импульсивностью и трудностями в усвоении и осознании социальных норм; поведение убийц направляется в основном аффективно заряженными идеями и искаженно понимаемыми социальными требованиями и нормами; для воров характерны хорошая ориентация в социальных нормах и требованиях, но, несмотря на это, внутреннее неприятие их и сознательное нарушение. У корыстно-насильственных преступников в наибольшей степени выражена потребность в самоутверждении, а у воров – самый низкий уровень тревоги и высокая гибкость поведения. Авторы исследования пришли к выводу о том, что специфичность личности преступников состоит в сочетании негативного содержания ценностно-нормативной системы и устойчивых криминогенных характеристик [1].

Таким образом, для выявления особенностей креативности мошенников целесообразно провести сравнительное исследование с другими преступниками, что поможет вскрыть ключевые моменты как для превентивных мероприятий в целом, так и для понимания особенностей характеристик, способствующих реализации творческого мышления для нанесения вреда другим людям – в частности.

Программа эмпирического исследования

Исследование проведено на базе ФКУ ИК-5 УФСИН России по Владимирской области. **Цель эмпирического исследования** состояла в том, чтобы выявить особенности креативности у нескольких групп заключенных и провести сравнительный анализ. **В задачи исследования** входило: 1) изучение показателей креативности (беглость) в ситуациях негативной и положительной коннотации; 2) выявление взаимосвязи показателей креативности, ценностей, враждебности, агрессии.

Объект исследования: группы осужденных, совершивших мошенничество, корыстно-насильственные и агрессивно-насильственные преступления. **Предмет исследования:** взаимосвязь личностных характеристик различных категорий осужденных с креативностью при принятии решений и поведении в социальных ситуациях.

Основная гипотеза исследования: различия в показателях креативности (беглость) в группе мошенников и корыстно-насильственных преступников и группе осужденных за агрессивно-насильственные преступления, обусловлены ситуационными и личностными характеристиками. Для подтверждения основной гипотезы были выдвинуты частные гипотезы-следствия, согласно которым: 1) в группах испытуемых существуют различия в показателях беглости в ситуации с негативной и положительной коннотацией; 2) уровень беглости в ситуации с негативной коннотацией обусловлен ценностями личности и ее враждебностью.

В исследовании приняли участие 38 осужденных мужского пола, отбывающие заключение в исправительной колонии, из них 18 человек (средний возраст – 36 лет \pm 5 лет; среднее образование) – осужденные за мошенничество, кражи, грабеж и хранение/сбыт наркотических средств – выборка мошенников и корыстно-насильственных преступников (далее «К») и 20 человек (средний возраст – 35 \pm 5 лет; среднее образование) – осужденные за агрессивно-насильственные преступления (далее «АГНП»).

Процедура и методы исследования

Испытуемым был предложен блок из трех социальных ситуаций для выявления креативного потенциала: первая ситуация – с негативной коннотацией обиды и анонимности (месть за разбитый телефон [17]); вторая ситуация касалась лжи в романтических отношениях (асоциальная креативность); третья ситуация предполагала задание придумать как можно больше оригинальных идей поздравления близкого человека с днем рождения (просоциальная креативность). При обработке полученных данных учитывалось количество ответов на каждую социальную ситуацию (беглость).

Был использован Портретный ценностный опросник Шварца – пересмотренный PVQ-R [11]. В основе методики находится усовершенствованная теория 19 базовых индивидуальных ценностей, которые объединяются в ценности высшего порядка [11]. Важно, что дальнейшая работа по апробации опросника состоит «... в исследовании связи данных ценностей и широкого набора типов поведения, которые данные ценности должны предсказывать» [11, с. 68]. Кроме того, автор опросника допускает использование как отдельных ценностей, т. е. не всех 19, так и их объединений в ценности высшего порядка в зависимости от исследовательских целей [11].

Также использовались: опросник Басса–Перри для диагностики аффективного, когнитивного и инструментального компонентов агрессии [3]; опросник TCI-125 К. Клонингера [2] для измерения темпераментальных характеристик «Избегания вреда» и «Поиска новизны»; опросник «Поведенческих особенностей вредоносной креативности» [17], состоящий из трех шкал, касающихся поведения, в котором чаще всего реализуются оригинальные решения, наносящие вред другим людям. Авторы опросника любезно разрешили нам адаптировать его на российской выборке, и работа по адаптации ведется. Респондентам предлагается выбрать один из пяти ответов (Никогда, Редко, Иногда, Часто, Всегда) на вопросы о поведении. Например, «Как часто у вас возникают идеи о том, как избавиться от тех, кто мешает осуществлению ваших планов?» (Шкала «Причинение вреда»); «Как часто Вы обманываете других для того, чтобы решить проблемную ситуацию?» (Шкала «Ложь»); «Как часто вы пытаетесь злыми шутками отомстить другим?» (Шкалы «Злые шутки»). Ответам присваиваются баллы от 0 до 4 и подсчитывается общее количество баллов.

Данные обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS 23.0.

Результаты эмпирического исследования

В ходе эмпирического исследования были получены следующие результаты.

Блок социальных ситуаций для оценки параметра креативности «Безлость»

Прежде всего отметим, что большинство ответов на ситуации с отрицательной коннотацией № 1 (с разбитым телефоном) и № 2 (ложь в романтических отношениях) распределились следующим образом: № 1. – мстить нехорошо и № 2 – так поступать нельзя. Таким ответам присваивался ранг «0». В случае ответа на № 1 «не та ситуация, в которой можно мстить», ему присваивался ранг 1. В целом же ответы подсчитывались по количеству продуцированных осужденными идей. Испытуемые, отказавшиеся отвечать на задания по социальным ситуациям, были исключены из анализа креативности.

Согласно полученным данным, в обеих выборках зафиксировано превышение количества идей для решения заданной просоциальной ситуации над количеством идей в ситуациях с негативной коннотацией. В табл. 1 представлена статистика парных связанных выборок с уровнем значимости различий (Т-критерий).

Таблица 1

Статистика парных выборок

Группа	Пара	Среднее	Среднекв. отклонение	Значение Т-критерия	Уровень значимости
К	БС1	1,05	1,840	-,590	,563
	БС2	1,21	1,903		
	БС1	1,00	1,806	-3,693	,002
	БС3	2,55	1,701		
	БС2	1,21	1,903	-3,797	,001
	БС3	2,58	1,742		
АГНП	БС1	,53	1,179	-,203	,842
	БС2	,59	,712		
	БС1	,60	1,242	-2,956	,010
	БС3	1,53	1,552		
	БС2	,53	,743	-2,236	,042
	БС3	1,53	1,552		

Условные обозначения: К – мошенники и корыстно-насильственные преступники; АГНП – агрессивно-насильственные преступники; БС1 – беглость в социальной ситуации 1; БС2 – беглость в социальной ситуации 2; БС3 – беглость в социальной ситуации 3.

Если говорить о корреляциях, то в выборке К показатели беглости во всех заданных ситуациях не коррелируют, а в выборке АГНП выявлены значимые корреляции показателей беглости в ситуациях с отрицательной коннотацией №2 и просоциальной ситуации (табл. 2).

Таблица 2

Корреляции показателей беглости по Спирмену в социальных ситуациях в выборках

Параметры	Социальная ситуация 1		Социальная ситуация 2	
	Мошенники/корыстные преступники	Агрессивно-насильственные преступники	Мошенники/корыстные преступники	Агрессивно-насильственные преступники
Выборка				
Социальная ситуация 2	Отсутствие корреляции	Отсутствие корреляции	-	-
Социальная ситуация 3	Отсутствие корреляции	Отсутствие корреляции	,604**	Отсутствие корреляции

Условные обозначения: «**» – корреляция значима на уровне $p < 0.01$.

Корреляции параметров по Спирмену методик Басса–Перри, К. Клонингера, ценностей (Ш. Шварц) и беглости.

В выборке мошенников и корыстно-насильственных преступников были получены положительные корреляции **беглости в социальной ситуации № 2** и параметров «Гнев» и «Враждебность» (Басс–Перри), индивидуальными ценностями «Репутация» и «Универсализм–Забота»; **беглость в просоциальной ситуации** положительно коррелирует с ценностями «Репутация», «Безопасность личная» и «Конформность межличностная»; параметра «Избегание вреда» (Клонингер) с параметрами «Гнев» и «Враждебность» (Басс–Перри) и ценностью «Самостоятельность мысли», «Причинение вреда» (М. Ранко) и высшей ценности «Самоутверждение» (Ш. Шварц). Результаты и значимость корреляций представлены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляции по Спирмену в группе мошенников и корыстно-насильственных преступников

Параметры	БС2	БС3	Избегание вреда (К.Клонингер)	Причинение вреда (М.Ранко)
Гнев	,635**	-	,654**	-
Враждебность	,531*	-	,643**	-
FAC	,559*	,467*	-	-
UNC	,596**		-	-
SEP	-	,472*	-	-
COI	-	,464*	-	-
SDT	-	-	-,492*	-
Самоутверждение (Ш.Шварц)	-	-	-	,484*

Условные обозначения: «*»– корреляция значима на уровне $p < 0.05$; «**»– корреляция значима на уровне $p < 0.01$; «-» – отсутствие корреляций; БС1 – беглость в социальной ситуации 1; БС2 – беглость в социальной ситуации 2; FAC – Репутация (Ш. Шварц), UNC – Универсализм (забота о других) (Ш. Шварц), SDT – Самостоятельность мысли (Ш. Шварц), COI- Конформизм межличностный (Ш.Шварц), SEP – Безопасность личная (Ш. Шварц).

В группе агрессивно-насильственных преступников были получены следующие отрицательные корреляции: беглости в социальной ситуации № 1 с ценностью «Достижение»; беглости в социальной ситуации № 2 – со шкалой «Причинение вреда» (М. Ранко), ценностями «Безопасность общественная», «Конформизм–Правила» и «Благожелательность–Забота»; беглость в просоциальной ситуации положительно коррелирует с ценностями «Благожелательность–Чувство долга» и «Благожелательность–Забота». Также выявлены отрицательные корреляции шкалы «Причинение вреда» (М. Ранко) и ценностей «Конформизм–Правила», «Универсализм–Толерантность» и высшей ценности «Сохранение», а также суммарного показателя вредоносной креативности (М. Ранко) с ценностями «Безопасность личная» и «Конформизм–Правила» и положительные корреляции данного параметра с ценностью «Универсализм–Забота о природе». Результаты и значимость корреляций представлены в табл. 4.

Таблица 4

Корреляции по Спирмену в группе агрессивно-насильственных преступников

Показатели	NV	AC	SES	SEP	COR	BES	BED	UNT	UNN	CONS
BC1	-	-,489*	-	-	-	-	-			
	,536*	-	-,539*	-	-,520*	-,516*	-			
BC3	-	-	-	-	-	,516*	,545*			
NV	-			-	-,574*			-,462*		-,549**
SUM	-		-	-,571**	-,517*				,568**	

Условные обозначения: «*»– корреляция значима на уровне $p < 0.05$; «**»– корреляция значима на уровне $p < 0.01$; «-» – отсутствие корреляций; BC1 – беглость в социальной ситуации 1; BC2 – беглость в социальной ситуации 2; BC3 – беглость в социальной ситуации 3; AC – «Достижение» (Ш.Шварц); SES – «Безопасность общественная» (Ш. Шварц); SEP – «Безопасность личная» (Ш. Шварц); COR – «Конформизм–Правила» (Ш. Шварц); BED – «Благожелательность–Чувство долга» (Ш. Шварц); BES – «Благожелательность–Забота» (Ш. Шварц); UNT – «Универсализм–Толерантность» (Ш. Шварц); UNN – «Универсализм–Забота о природе» (Ш. Шварц); CONS – «Сохранение» (Ш. Шварц); NV – «Причинение вреда» (М. Ранко); SUM – суммарный показатель вредоносной креативности (М. Ранко)

Непараметрические тесты сравнения выборок по критерию Манна–Уитни

В результате непараметрических сравнений обеих выборок по критерию Манна–Уитни были выявлены значимые различия по параметрам «Враждебность» (Басс–Перри), оказавшемся значимо выше у мошенников и корыстно-насильственных преступников (уровень значимости различий $p < 0.01$); ценности «Универсализм» («Толерантность») (Ш. Шварц) и показателя «Причинение вреда» (методика «Поведенческие особенности вредоносной креативности» Нао et al., 2012) со значимо превышающими у агрессивно-насильственных преступников (уровень значимости различий $p < 0.05$ и $p < 0.01$ соответственно).

Портретный ценностный опросник Шварца – пересмотренный PVQ-R

В обеих выборках не было выявлено значимых различий по показателям высших ценностей. Средние значения высших ценностей распределились в обеих выборках одинаково в таком порядке по убыванию: «Самоопределение»; «Сохранение»; «Открытость изменениям» и «Самоутверждение» с явной выраженностью мета-ценностей «Социального фокуса», включающих в себя первые две высших ценности (см. Ш. Шварц и др., 2012). Средние значения высших ценностей представлены в табл. 5.

Таблица 5

Среднее значение высших ценностей по выборкам обследуемых

Выборка	Среднее	«Самопреодоление»	«Сохранение»	«Открытость изменениям»	«Самоутверждение»
Корыстные преступники	Ср.	4,32	4,09	4,08	2,95
	Стд. откл.	,893	,953	,888	,847
АГНП	Ср.	4,47	4,18	4,05	2,84
	Стд. откл.	,767	,652	,705	,734

Условные обозначения: АГНП – агрессивно-насильственные преступники.

Обсуждение результатов и перспектива дальнейших исследований

В исследовании выявлялись особенности креативности в двух выборках: мошенников/корыстно-насильственных преступников (далее К) и агрессивно-насильственных преступников (далее АГНП). Согласно выдвинутой гипотезе, показатели креативности опосредуются взаимодействием ситуации и личностных характеристик – враждебностью и ценностями личности. Полученные результаты показали, что о различиях в беглости можно говорить условно, так как явных значимо количественных различий в выборках не было выявлено. Однако были получены качественные различия в креативности. Так, значение среднего показателя беглости в ситуациях с негативной коннотацией (вредоносная креативность) в выборке АГНП – менее 1, что означает отказ большей части респондентов мстить или лгать в предложенных им заданиях. В то время как в выборке мошенников и корыстно-насильственных преступников этот показатель – более 1, что означает два факта: во-первых, для части выборки предложенная ситуация не заслуживает мести, а, во-вторых, часть выборки выполнила предложенное ей задание в полном объеме. Данные качественные различия в креативности двух выборок можно объяснить несколькими выявленными зависимостями.

Во-первых, в обеих выборках выявлены значимые различия в соотношении высших ценностей с преобладанием социального фокуса. Согласно Ш. Шварцу, ценности «Самопреодоления» акцентированы на преодолении личных интересов ради других, а «Сохранения» – на избегании изменений, самоограничении и порядке [11]. Данное обстоятельство объясняет, почему респонденты оказались, что называется, «малочувствительными» к продуцированию идей мести в предложенной ситуации, касающейся в большей степени угрозы личным материальным ценностям. Эти данные, а также выявленные значимые различия по показателю беглости в просоциальной ситуации по сравнению с ситуациями негативной коннотации подтверждают первую частную гипотезу о ситуативности креативности. В дальнейшем представляется важным выяснить, изменяются ли показатели беглости в ситуациях угрозы ценностям социального фокуса и

сохранения, например, угрозы правилам, законам и формальным обязательствам или традициям.

Во-вторых, в группе К показатели беглости в ситуации с негативной коннотацией (лжи в романтических отношениях) положительно коррелируют с когнитивным («Враждебность») и аффективным («Гнев») компонентами агрессии. Кроме того, в этой выборке значимо высокий по сравнению с АГНП показатель аффективного компонента агрессии и значимо низкий показатель ценности «Универсализм» (толерантность к другим). Выявленные зависимости позволяют объяснить качественное отличие показателей беглости выборки мошенников и корыстно-насильственных преступников от выборки АГНП влиянием личностных характеристик и ценностей на взаимодействие в социальной ситуации, что подтверждает вторую частную гипотезу.

Отдельного внимания заслуживают результаты, оказавшиеся для нас неожиданными, касающиеся распределения высших ценностей по степени значимости. Согласно полученным данным, высшие ценности в порядке убывания значимости распределились в пользу социального фокуса в такой последовательности: «Самопреодоление», «Сохранение», «Открытость изменениям», «Самоутверждение», что противоречит данным, полученным и Ю.М. Антоняном с соавторами, и Е.Ю. Стрижовым, выявившими особенности мошенников, воров и других корыстно-насильственных преступников. Согласно исследователям, для этой категории осужденных характерны потребности самоутверждения [1; 10], а для корыстно-насильственных преступников – еще и враждебность к окружающим [1]. Расхождения данных результатов с результатами, полученными в нашем исследовании, можно объяснить несколькими обстоятельствами. Дело в том, что, во-первых, мы не учитывали срок наказания, который уже отбыли преступники, и этно-национальный состав выборки, что, видимо, имеет значение и заслуживает дальнейшего исследования. Во-вторых, трансформация ценностей может быть связана с особенностями тюремной субкультуры в данной конкретной колонии, «выживание» в которой продиктовано ценностями сохранения статус-кво, самоограничения и порядка, с преодолением личных интересов ради общественных. В-третьих, малое количество испытуемых также может сказываться на полученных результатах.

Что касается реализации креативности в агрессивном поведении, то никаких значимых различий между обеими выборками по агрессии и темпераментальным характеристикам («поиск новизны» и «избегание вреда») выявлено не было, что может быть связано с социальной желательностью заключенных, отбывающих свой срок в колонии. Можно сделать вывод о том, что на данный конкретный момент поведение респондентов «предсказывается» высшими ценностями самопреодоления и сохранения, освобождающих человека от мести за причиненный ущерб материальным ценностям конкретного человека. Этот вывод косвенно подтверждается, во-первых, отрицательной корреляцией параметра «Причинение вреда» с индивидуальными ценностями, входящими в высшие ценности социальной направленности «Самопреодоления» и «Самосохранения», а, во-вторых, непараметрическими сравнениями показателей агрессии и поиска новизны, значимо высокими в выборке скинхедов и мужчин контрольной группы из исследования Н.В.Мешковой [5] по сравнению с отбывающими свой срок преступниками из настоящего исследования. Тем не менее, выявленное различие выборок по показателю «Причинение вреда» (опросник, разработанный под руководством М. Ранко и др. [17], на настоящий момент адаптируемый нами на российской выборке), значимо превышающему у агрессивно-насильственных преступников по сравнению с выборкой осужденных за

корыстные преступления, представляет интерес для дальнейшего анализа. Дело в том, что данный параметр показывает поведение, в котором реализуется вредоносная креативность, и, конкретно, причинение вреда другим людям в ситуации мести [17]. Эти результаты и ответы отказа от мести агрессивно-насильственных преступников в задании № 1 можно проинтерпретировать следующим образом. Респонденты отказываются придумывать идеи для мести, т. е. стать, что называется, разработчиками, но они могут быть реализаторами, т. е. потенциальными исполнителями мести, о чем и свидетельствуют результаты адаптируемого нами опросника.

Выводы и заключение

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

У мошенников и корыстно-насильственных преступников вредоносная креативность, т. е. использование творческого мышления для нанесения вреда тем, кто заслуживает, по их мнению, мести, а также для лжи при взаимодействии в романтических ситуациях, опосредуется враждебностью и гневом.

У агрессивно-насильственных преступников отказ от мести в социальной ситуации с отрицательной коннотацией опосредуется ценностями сохранения статус-кво, самоограничения и порядка, с преодолением личных интересов ради общественных, а также ценностью толерантности с мотивационными целями принятия и понимания других людей, отличающихся от них.

Креативность опосредуется ситуацией: в различных типах ситуаций различный уровень беглости. Креативность в социальном взаимодействии в ситуациях с отрицательной и положительной коннотацией не является единым конструктом. Следует дифференцировать два вида креативности в социальном взаимодействии: антисоциально и просоциально направленную креативность.

Ценности, формируемые криминальной субкультурой, могут оказывать влияние на связь вредоносной креативности и агрессивного поведения, нивелируя ее.

Отказ от придумывания идей, наносящих вред, не означает отказ от реализации этих идей. Агрессивно-насильственные преступники являются потенциальными исполнителями идей, разработанных другими людьми.

Результаты нашего исследования показывают, что ценности, ситуация и личностные характеристики оказывают влияние на креативность: могут как снижать продуцирование идей, приносящих вред другому человеку, так и повышать их количество. Разумеется, придумывать идеи и реализовывать их – далеко не одно и то же, поэтому дальнейшее исследование должно предполагать увеличение количества испытуемых, учет срока и этнонациональных особенностей респондентов, сравнение с контрольной группой мужчин для выявления особенностей реализации вредоносной креативности в криминальном поведении у разных категорий преступников.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-06-00608-ОГН «Личностные и ситуативные особенности асоциальной и негативной креативности».

Литература

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юрист, 1996.
2. Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г. Апробация биосоциальной методики Клонинжера «Структура характера и темперамента» // Материалы 1-й международной конференции, посвященной памяти Б.В. Зейгарник. М.: МГУ. 2001. С. 104—105.
3. Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 115–124.
4. Коньшева Л.П. Личность и ситуация как детерминанты агрессивно-насильственных преступлений // Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 112–141.
5. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Психологические аспекты «преступлений ненависти» // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2008. № 2 (15). С. 63–75.
6. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. О психологических исследованиях асоциальной креативности // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 50. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.09.2017).
7. Ратинов А.Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Прогресс, 1981. С. 67–86.
8. Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Правовая культура и поведение // Юридическая психология / Составитель Т.Н. Курбатова. СПб.: Питер, 2001. С. 50–65.
9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
10. Стрижов Е.Ю. Нравственно-психологические детерминанты мошенничества: автореф. дисс. ... докт. псих. наук. Тула, 2011. 48 с.
11. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
12. Andreani O.D., Pagnin A. Moral reasoning in gifted adolescents: Cognitive level and social values // European Journal for High Ability. 1992. Vol. 3(4). P. 105–114.
13. Eisenman R. Creative prisoners: Do they exist? // Creativity Research Journal. 1999. Vol. 12. P. 205–210.
14. Eisenman R. Malevolent Creativity in Criminals // Creativity Research Journal. 2008. Vol. 20(2). P. 116–119. doi: 10.1080/10400410802059465
15. Croypley A. J., Croypley D. H. Creativity and Lawbreaking // Creativity research journal. 2011. Vol. 23(4). P. 313–320. doi: 10.1080/10400419.2011.621817
16. Chavez-Eakle R. A., Lara M. C., Cruz-Fuentes C. Personality: A possible bridge between creativity and psychopathology? // Creativity Research Journal. 2006. Vol. 18. P. 27–38.

17. *Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale // Front. Psychol.* 2016. Vol. 7. P. 682. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00682
18. *Harris D.J., Reiter-Palmon R. Fast and Furious: The Influence of Implicit Aggression, Premeditation, and Provoking Situations on Malevolent Creativity // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts.* 2015. Vol. 9. №. 1. P. 54–64. doi: 10.1037/a0038499

Features of creativity in social interaction among convicts who have committed self-serving and aggressively violent crimes

Meshkova N.V., Ph.D. (Psychology), Assistant Professor, Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (nmeshkova@yandex.ru)

Debolsky M.G., PhD in Psychology, Associate Professor, Professor, Department of legal psychology and law, faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; senior researcher, PKU research Institute of the Federal penitentiary service of Russia (mdebolsky@mail.ru)

Enikolopov S.N., Ph.D. (Psychology), Head of the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center (enikolopov@mail.ru)

Maslenkov AA, Head of the Psychological Laboratory, PKU IK-5 of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Vladimir Region

The article presents the results of an empirical study of the features of creativity in social interaction on a sample of male convicts serving sentences in a penal colony (N = 18, convicted of fraud and selfish violence, and N = 20 convicted of aggressively violent crimes). The relationship between the fluency indicators in situations of positive and negative connotations (revenge for damage and lies in romantic relationships) with personal values (the Sh.Shwartz questionnaire), aggression (the Bassa-Perry questionnaire), temperament characteristics (K.Cluninger's questionnaire), behavior (Questionnaire of M.Ranko et al.). Corporations of convicts found correlations of fluency in situations with negative connotation with hostility and anger, while in aggressively violent criminals the refusal of revenge is mediated by the highest values of social focus. The results show that creativity in social interaction in situations with negative and positive connotations is not a single construct: it should be differentiated according to the antisocial and prosocial orientation. The limitations of the study are indicated and directions for further research are suggested.

Key words: creativity, antisocial creativity, personal characteristics of convicts, values of convicts, fraudsters, aggressively violent criminals.

Funding

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 17-06-00608-ОГН-А "Personal and situational characteristics of asocial and negative creativity".

References

1. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii* [Psychology of the criminal and the investigation of crimes]. Moscow: Yurist, 1996.
2. Enikolopov S.N., Efremov A.G. Aprobatsiya biosotsial'noi metodiki Kloninzhera «Struktura kharaktera i temperamenta» [Approbation of Cloninger's biosocial methodology "Structure of character and temperament"]. *Materialy 1 mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati B.V. Zeigarnik* [Materials of the 1 international conference dedicated to the memory of B.V. Zeigarnik]. Moscow: MGU, 2001, pp. 104—105.
3. Enikolopov S. N., Tsibul'skii N. P. Psikhometricheskii analiz russkoyazychnoi ver) sii oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri [Psychometric analysis of the Russian-language version of the questionnaire on the diagnosis of aggression by A. Bass and M. Perry]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2007, no. 1, pp. 115–124.
4. Konyshcheva L.P. Lichnost' i situatsiya kak determinanty agressivno-nasil'stvennykh prestuplenii [Personality and situation as determinants of aggressively violent crimes]. *Nasilie, agressiya, zhestokost'. Kriminal'no-psikhologicheskoe issledovanie* [Violence, aggression, cruelty. Criminal and psychological research]. Moscow: VNII, 1990, pp. 112–141.
5. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Psikhologicheskie aspekty «prestuplenii nenavisti» [Psychological issues of hate crimes]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra: Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba* [Criminology: yesterday, today and tomorrow], 2008, no. 2 (15), pp. 63–75.
6. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. O psikhologicheskikh issledovaniyakh asotsial'noi kreativnosti [On psychological research of antisocial creativity]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 2016. Vol. 9, no. 50, pp. 3. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 03.09.2017).
7. Ratinov A.R. K yadru lichnosti prestupnika [To the core of the criminal's personality]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava i kriminologii* [Actual problems of criminal law and criminology]. Moscow: Progress, 1981, pp. 67–86.
8. Ratinov A.R., Efremova G.Kh. Pravovaya kul'tura i povedenie [Legal culture and behavior]. In Kurbatova T.N. (ed.), *Yuridicheskaya psikhologiya* [Juridical psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2001, pp. 50–65.
9. Yadov V.A. (ed.), *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya* [Self-regulation and prediction of social behavior]. Leningrad: Nauka, 1979.
10. Strizhov E.Yu. *Nravstvenno-psikhologicheskie determinanty moshennichestva. Avtoref. diss. ... dokt. psikh. nauk.* [Moral and psychological determinants of fraud. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Tula, 2011. 48 p.

11. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii [The refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. J. of VSE]*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43–70.
12. Andreani O.D., Pagnin A. Moral reasoning in gifted adolescents: Cognitive level and social values. *European Journal for High Ability*, 1992. Vol. 3(4), pp. 105–114.
13. Eisenman R. Creative prisoners: Do they exist? *Creativity Research Journal*, 1999. Vol. 12, pp. 205–210.
14. Eisenman R. Malevolent Creativity in Criminals. *Creativity Research Journal*, 2008. Vol. 20(2), pp. 116–119. doi: 10.1080/10400410802059465
15. Cropley A. J., Cropley D. H. Creativity and Lawbreaking. *Creativity research journal*, 2011. Vol. 23(4), pp. 313–320. doi: 10.1080/10400419.2011.621817
16. Chavez-Eakle R. A., Lara M. C., Cruz-Fuentes C. Personality: A possible bridge between creativity and psychopathology? *Creativity Research Journal*, 2006. Vol. 18, pp. 27–38.
17. Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale. *Front. Psychol.*, 2016. Vol. 7, pp. 682. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00682
18. Harris D.J., Reiter-Palmon R. Fast and Furious: The Influence of Implicit Aggression, Premeditation, and Provoking Situations on Malevolent Creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2015. Vol. 9, no. 1, pp. 54–64. doi: 10.1037/a0038499